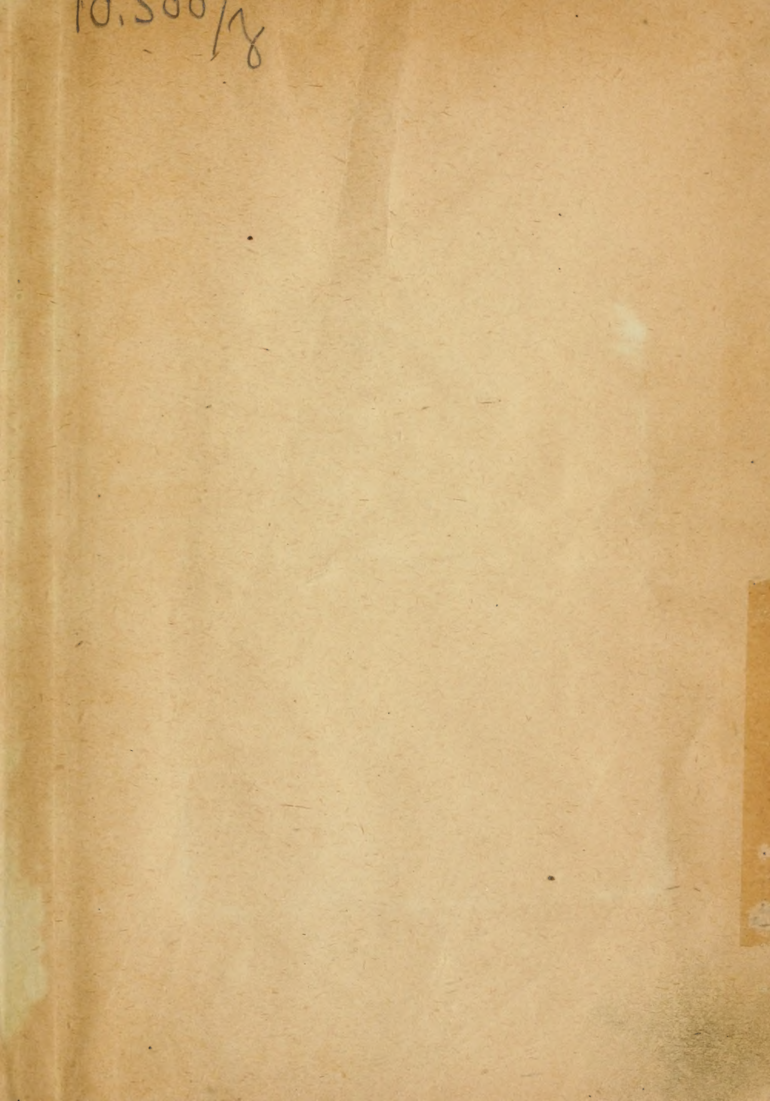

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01121935 9

10.500/8

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

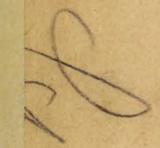
KATHLEEN MADILL BEQUEST

3815 к

Л. Ф. Пантелѣевъ.

Изъ воспоминаній прошлаго.

Пріѣздъ въ Петербургъ—1858 г. — Экзаменъ. — Первый семестръ.—Уроки.—Сходки.—Студенческая (русская) корпорація.—Дѣло кассира Бутчика.—Студенческая библіотека.—Великія реформы и отношеніе къ нимъ студентовъ.—Польская студенческая корпорація. — Профессорская корпорація. — Педагогическій кружокъ. – Диспуты. — Женщины въ Петербургскомъ университетѣ.—Литературныя чтенія, спектакли литераторовъ и публичныя лекціи. – Публичныя лекціи.—«Основа».—Студенческая исторія.—Вечера Штакеншнейдера, Тиблена и др. — Думская исторія. — Шахматный клубъ. — II Отдѣленіе при Литературномъ Фондѣ. — Петербургскіе пожары.—«Земля и Воля».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.
1905.

Изданія Л. Ф. Пантелѣева.

Серія первоначальныхъ учебниковъ, пер. съ англ. М. А. Антоновичемъ: *Введеніе*, проф. *Гексли*. Ц. 40 к. *Химія*, проф. *Роско*, съ 36 рис. Ц. 30 к. *Физика*, проф. *Бальфуръ-Стюарта*, съ 48 рис. Ц. 75 к.

Мейеръ, А. М. *Звукъ*. Съ 60 рис., пер. М. А. Антоновича. Ц. 1 р.

Мейеръ, А. и Бернаръ. *Свѣтъ*. Съ 29 рис., пер. М. А. Антоновича. Ц. 50 к.

Гердъ, А. Я. Краткій курсъ всеобщей географіи съ 19 рис. Ц. 25 к. **Его-же.** Учебникъ географіи (для ср. уч. завед.). Ч. I. Общій обзоръ земного шара, съ 51 рис., изд. 6-ое. Ц. 50 к. Ч. II и III. Азія, Австралія, Полинезія, Африка и Америка, съ 94 рис., изд. 3-ое. Ц. 1 руб. Ч. IV. Европа. Ц. 75 к. **Его-же.** Краткій курсъ естествовѣдѣнія, съ 231 рис. Изд. 11-ое. Ц. 1 р. 25 к. **Его-же.** Міръ Божій, Земля, Воздухъ и Вода, для уч нач. шк., съ 41 рис., изд. 6-ое. Ц. 25 к. **Его же.** Предметные уроки, изд. 2-ое. Ц. 80 к.

Гейки. Учебникъ физической географіи, пер. съ англ. А. Я. Гердъ, съ 78 рис. и 10 картами въ приложеніи. Ц. 2 р.

Общедоступный космосъ. Лекціи: *Роско:* Изъ чего составлена земля.— *Локайеръ*: Почему таковъ составъ земли, каковъ онъ есть. - *Уильямсонъ:* Послѣдовательность жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к

Бойсъ, Ч. В. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности, прочитанныя передъ молодой аудиторіей, пер. съ франц. Ц. 60 к.

Леббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Ц. 1 р. 25 к.

Бекетовъ, А. Н. Бесѣды о землѣ и тваряхъ на ней живущихъ, изд. 7-ое, съ 18 рис. Ц. 50 к.

Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики, изд. 5-ое. Ц. 1 р. 50 к. **Его-же.** Прикладная механика, изд. 4-е. Ц. 2 р. 80 к. **Его-же.** Элементарный курсъ сопротивленія матеріаловъ и графостатики. Ц. 1 р. 50 к.

Арендтъ, Р. Основныя начала химіи, съ 178 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Дамскій, А. В. Равенство химическихъ превращеній. Ц. 1 р.

Джевонсъ Стенли. Элементарный учебникъ логики. Ц. 2 р.

Историческія чтенія. Масперо. Древняя исторія. Египетъ и Ассирія съ 192 рис., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.—Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ, съ 70 рис. Ц. 3 р.—Гиро. Частная и общественная жизнь римлянъ, съ 107 рис. Ц. 3 р.—Ланглуа, Ш. Исторія среднихъ вѣковъ (396—1270), съ 81 рис. Ц. 2 р. 50 к.—Марьежоль, Ж. Г. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени (1270—1610), съ 111 рис. Ц. 2 р.— Лакуръ Гайэ, Ж. Исторія новаго времени (1610—1789), съ 76 рис. Ц. 2 р. 50 к.—Мерцаловъ, А. Е. Очерки изъ исторіи смутнаго времени. Ц. 1 р.

Джевонсъ, С. Основы науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ, пер. съ англ. М. А. Антоновича. Ц. 4 р. 50 к.

Тэнъ, И. Объ умѣ и познаніи. 2-ое изд. Ц. 3 р.

Топинаръ. Антропологія. Пер. съ фр. п. ред. проф. И. Мечникова. Ц. 4 р.

Шимкевичъ, В. Наслѣдственность и попытки ея объясненія. Ц. 1 р.

Овелакъ, Аб. Лингвистика. Пер. съ франц. Ц. 2 р.

Спиноза, Б. Этика. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 50 к.

Гюйо, Л. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Ц. 2 р. 50 к.

232

Л. Ф. Пантелѣевъ.

Изъ воспоминаній прошлаго.

Пріѣздъ въ Петербургъ—1858 г. — Экзаменъ. — Первый семестръ.—Уроки.—Сходки.—Студенческая (русская) корпорація.—Дѣло кассира Бутчика.—Студенческая библіотека.—Великія реформы и отношеніе къ нимъ студентовъ.—Польская студенческая корпорація. — Профессорская корпорація. — Педагогическій кружокъ. – Диспуты. — Женщины въ Петербургскомъ университетѣ.—Литературныя чтенія, спектакли литераторовъ и публичныя лекціи.—Публичныя лекціи.—«Основа».—Студенческая исторія.—Вечера Штакеншнейдера, Тиблена и др. — Думская исторія. — Шахматный клубъ. — II Отдѣленіе при Литературномъ Фондѣ.— Петербургскіе пожары.—«Земля и Воля»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.
1905.

3899/53.

LIBRARY
JAN 28 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

70592

ПР 1945 г.

DK
219
.6
P3A3
кн. 1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мнѣ самому никогда не приходила мысль писать какіе-нибудь мемуары; но мои случайныя экскурсіи въ область прошлаго вызвали со стороны друзей и даже постороннихъ лицъ неоднократныя настоянія, чтобы я продолжалъ ихъ. Уступая этому давленію и располагая досугомъ, я взялся за перо; но и тутъ предпочелъ форму отдѣльныхъ очерковъ. Однако въ нихъ я нерѣдко выходилъ изъ предѣловъ поставленной темы: вспоминалось какое-нибудь обстоятельство, и я отклонялся въ сторону, такъ какъ не видѣлъ впереди подходящаго мѣста, куда бы могъ его вставить. Хотя я писалъ исключительно на память (у меня подъ рукой имѣлись: автобіографія Костомарова, статья В. И. Модестова о В. Г. Васильевскомъ, да П. И. Вейнберга о литературныхъ спектакляхъ), все-же въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если чувствовалъ неувѣренность въ своей

памяти относительно хронологіи или именъ, считалъ необходимымъ наводить справки. Приношу искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, не отказавшимъ мнѣ въ своемъ любезномъ содѣйствіи.

Флоренція, 27-го февраля 1903 г.

Къ этимъ строкамъ считаю нужнымъ добавить. Настоящая книжка составилась изъ воспоминаній, которыя печатались въ «Русск. Вѣдомостяхъ» (1902—3 гг.), Сборникѣ «На Славномъ Посту» и «Нашей Жизни». Перепечатываются съ малыми измѣненіями лишь для устраненія нѣкоторыхъ повтореній, да возстановляются тѣ пропуски, которые были неизбѣжны два года тому назадъ. Очеркъ «Земля и Воля» былъ написанъ за границей, еще въ 1903 г., и только нѣсколько дополненъ по моемъ возвращеніи въ Петербургъ.

Къ сожалѣнію, до меня не дошли никакія указанія на ошибки, весьма возможныя, когда пишешь руководясь только своей памятью.

I.

Пріѣздъ въ Петербургъ.

1858 г.

Случайно я забрался въ Петербургъ, кажется, за мѣсяцъ ранѣе, чѣмъ надо было; сначала остановился у одного родственника, но дня черезъ два разыскалъ земляка-студента и по его рекомендаціи перебрался въ д. Лерхе (противъ В. Минист.), къ старушкѣ-нѣмкѣ Екат. Андр. Гроссе. Это было добрѣйшее существо; у нея имѣлись двѣ свободныя комнаты, и порой она держала до четырехъ студентовъ. Даже по тому времени Гроссе брала очень дешево, помнится, не дороже 8-ми р. за квартиру съ хорошимъ содержаніемъ; а кто хотѣлъ имѣть еще большую чашку кофе со сливками, тотъ долженъ былъ приплачивать 30 к. въ мѣсяцъ; на другой годъ, когда мы поселились у нея цѣлой компаніей, то сами прибавили ей по рублю за содержаніе, а за кофе давали по 50-ти к.

Устроившись у Гроссе, сейчасъ же пустился на поиски моего пріятеля по гимназіи, студента Педагогическаго института Н. В. Воронцова,—

годомъ старше меня по гимназіи. Это былъ поразительно талантливый юноша; въ гимназіи Воронцовъ много читалъ и особенно увлекался Бѣлинскимъ, хотя, должно быть, и не зналъ его по имени; помню, старыя «Отечественныя Записки» вѣчно были въ его рукахъ; а онъ, точно стихи декламируя, съ увлеченіемъ цитируетъ Бѣлинскаго: «Поэзія есть жизнь, жизнь по преимуществу, это—такъ сказать трипль-экстрактъ, квинтъ-эссенція жизни». Его любимымъ поэтомъ былъ Лермонтовъ, а я стоялъ за Пушкина; отсюда у насъ часто возникали споры, но они не омрачали нашей дружбы. Начальство гимназіи, и не безъ нѣкотораго основанія, заподозрѣвало его въ волтеріанствѣ (и ума не приложу, откуда онъ имъ могъ тогда заразиться!); директоръ Власовъ все допекалъ его темами: «смерть грѣшника и праведника», или «вѣрующаго и безбожника», «почему нельзя жить безъ вѣры»; Воронцовъ писалъ блистательныя сочиненія, но оставался при своемъ свободомысліи. Какъ сынъ небогатаго чиновника, онъ поступилъ въ Педагогическій институтъ и тамъ шелъ по физико-математическому отдѣленію.

Къ моему большому удовольствію Воронцовъ оказался въ городѣ на урокахъ, и я засталъ его дома.—Ахъ, Л. Ф.,—онъ еще въ гимназіи усвоилъ себѣ привычку всѣмъ говорить «вы», — очень радъ васъ видѣть. Давно-ли пріѣхали? Знаете, день такой хорошій, а я сегодня совершенно свободенъ; чѣмъ сидѣть здѣсь, пойдемте лучше, прогуляемся, кстати я могу вамъ Петер-

бургъ показать.—Воронцовъ жилъ на Шпалерной; въ оживленномъ разговорѣ двигались мы по набережной въ направленіи къ Васильевскому Острову; наконецъ, очутились у начала 1-й линіи.—Вотъ кондитерская Кинши, —сказалъ Воронцовъ;—она преимущественно посѣщается студентами, конечно, теперь мы тамъ никого не найдемъ, такъ какъ всѣ студенты въ разъѣздѣ; но всетаки зайдемъ.—Не говоря уже о томъ, что кондитерская поразила меня своимъ великолѣпіемъ, я почувствовалъ, что точно въ храмъ вхожу, — вѣдь тутъ студенты бываютъ! Даже билліардъ показался мнѣ предметомъ, достойнымъ особеннаго почтенія. Тѣмъ временемъ Воронцовъ спросилъ кофе, сладкихъ пирожковъ, —все это я нашелъ необыкновенно вкуснымъ. Разговоръ, конечно, сейчасъ же зашелъ объ университетѣ.

— Вы несравненно счастливѣе меня, — сказалъ Воронцовъ,—вы поступаете въ университетъ.

— А развѣ институтъ хуже?

— И сравнивать нельзя; конечно, предметы почти одни и тѣ же, но на самомъ дѣлѣ институтъ—та же гимназія, только съ повышенными курсами. Въ университетѣ совсѣмъ иной духъ: тамъ — жизнь, студенты занимаются, чѣмъ хотятъ, они не школьники, а работаютъ самостоятельно. Да и профессора въ университетѣ по большей части другіе, во главѣ его стоитъ Плетневъ, другъ Пушкина, Гоголя, у насъ же директоромъ Иванъ Давыдовъ, всѣми презираемый; въ университетѣ инспекторъ Фитцтумъ почти незамѣтенъ, а въ институтѣ Смирновъ слѣдитъ за

каждымъ нашимъ шагомъ. На нашемъ отдѣленіи первая величина Остроградскій, академикъ, старая знаменитость, читаетъ красно, но уже слишкомъ любитъ разсказывать анекдоты. Мнѣ нѣсколько разъ удалось послушать въ университетѣ Буняковскаго, Чебышева, — какое это наслажденіе! Тутъ только я понялъ, какая огромная разница между настоящимъ современнымъ ученымъ и выдохшимся балагуромъ. И подумайте, еще какое самомнѣніе,—о здѣшнихъ математикахъ онъ никогда и словомъ не обмолвится, а московскихъ презрительно трактуетъ землемѣрами, а не геометрами, какъ вообще принято называть выдающихся математиковъ.

Я еще въ гимназіи слыхалъ объ Остроградскомъ какъ о великомъ математикѣ, и теперь суровый отзывъ о немъ Воронцова просто поразилъ меня; а когда онъ еще весьма нелестно отозвался о Тихомандритскомъ (я по его тригонометріи учился въ гимназіи!) и Будаевѣ, то я совершенно былъ сбитъ. До этого разговора съ понятіемъ о профессорѣ у меня соединялось представленіе какъ о чемъ-то стоящемъ внѣ всякой критики; профессоръ для меня былъ то же, что̀ сама наука. Увы, прошло какихъ-нибудь мѣсяца два, и отъ этой вѣры осталось почти одно воспоминаніе.

— А по исторіи русской литературы хорошій профессоръ въ институтѣ?

— Совершенное ничтожество, Лебедевъ; одна потеря времени ходить на его лекціи.

Слушая Воронцова, мнѣ и въ голову не при-

ходило, что онъ, пробывшій въ институтѣ всего только одинъ годъ, далеко еще не могъ выработать свое собственное мнѣніе, а въ большинствѣ, конечно, повторялъ слова старшихъ студентовъ; потому я проникся истиннымъ удивленіемъ,— какъ скоро онъ шагнулъ на такую высоту знанія, что его уже не удовлетворяли профессора. Но что пришлось услышать далѣе, то просто повергло меня въ изумленіе: передо мной былъ не просто Воронцовъ, а литераторъ, да еще поэтъ! Оказалось, что онъ пописывалъ стихи и печаталъ ихъ въ «Весельчакѣ», тогда единственномъ сатирическомъ изданіи; онъ даже показалъ мнѣ печатныя вырѣзки своихъ стихотвореній (одно изъ нихъ—«Встанешь рано, Маша спитъ» получило даже широкую популярность и распѣвалось публикой, посѣщавшей Излера, да, кажется, и теперь не совсѣмъ забыто).

— Это, конечно, пустяки,—скромно сказалъ Воронцовъ,—но за нихъ платятъ деньги, а онѣ ой-ой какъ иногда нужны бываютъ, вѣдь уроки не всегда подвертываются (при этихъ послѣднихъ словахъ меня точно ножомъ кольнуло,—у меня вся надежда была на уроки).

— Ну, нѣтъ, это — не пустяки, — думалось мнѣ,—на первомъ курсѣ, а ужъ стихи пишетъ и печатаетъ, даже деньги за нихъ получаетъ,—я тогда почему-то думалъ, что за стихи ничего не платятъ.

Но Воронцовъ продолжалъ:

— Для меня несравненно болѣе цѣны имѣетъ отзывъ Некрасова, а онъ считается королемъ

нашихъ теперешнихъ поэтовъ (по гимназіи имя Некрасова, какъ поэта, мнѣ едва было извѣстно).

И съ этими словами Воронцовъ вынулъ изъ конверта листокъ, гдѣ его рукой были написаны стихи, а на поляхъ помѣтка карандашомъ:—Прекрасная мысль, хорошъ стихъ, но цензура не пропуститъ,—и чья-то подпись.

— Я снесъ эти стихи въ «Современникъ». и получилъ ихъ обратно съ этой помѣткой Некрасова.

Такъ какъ имя Некрасова не особенно много говорило мнѣ, то весь этотъ эпизодъ не произвелъ на меня того впечатлѣнія, на которое, можетъ быть, разсчитывалъ Воронцовъ.

Но пора и распрощаться съ Воронцовымъ, который, помнится, черезъ годъ умеръ.

Разъ въ началѣ учебнаго года собрали насъ, гимназистовъ, въ актовой залѣ, и тамъ директоръ объявилъ, что два воспитанника вологодской гимназіи X. и Z., державшіе въ этомъ году пріемный экзаменъ, поступили первыми въ петербургскій университетъ; и при этомъ сказалъ подобающее поученіе, что мы должны всегда имѣть ихъ въ виду, какъ примѣръ, достойный подражанія. Съ X. мнѣ пришлось встрѣтиться тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ; къ крайнему моему удивленію онъ только напѣвалъ разные романсы, въ родѣ «Ты для меня душа и сила», а о чемъ его ни спроси современномъ—никакого понятія не имѣетъ; журналы зналъ только по имени. Разъ, увидавъ у

меня въ рукахъ «Записки охотника», сказалъ:— Ахъ, Ивана Сергѣевича Тургенева! — Но оказалось, что онъ ихъ не читалъ и не поинтересовался прочитать, хотя я ему и предлагалъ книгу. Онъ, конечно, зналъ, что приступлено къ крестьянской реформѣ, но, будучи самъ сыномъ крестьянина, никакого живого интереса къ ней не обнаруживалъ, и предполагаютъ ли освободить крестьянъ съ землею или дать имъ только личную свободу, нисколько надъ этимъ не задумывался. А между тѣмъ X. посѣщалъ вечера И. Е. Андреевскаго; но оттуда вынесъ только, что Неволинъ былъ великій ученый, что настоящая наука свила себѣ гнѣздо въ петербургскомъ университетѣ, въ Москвѣ же скорѣе литераторы, чѣмъ настоящіе профессора; такъ же онъ трактовалъ и Кавелина, о которомъ снисходительно выражался:—К. Д. пописываетъ въ журналахъ.

Скоро показалась и другая знаменитость Z., сотоварищъ X. О немъ еще въ гимназіи шла слава, какъ о молодомъ человѣкѣ, подающемъ большія надежды, съ философскимъ складомъ ума; самая наружность Z. много говорила въ его пользу: всегда такой серьезный, но безъ отталкивающей сухости, вдумчиво отвѣчающій даже на обыкновенные вопросы. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ встрѣчи съ нимъ, такъ какъ чувствовалъ потребность на первое время въ чьемъ-нибудь руководительствѣ; между гимназіей и университетомъ мнѣ представлялась такая пропасть, которую безъ посторонней поддержки нѣтъ никакой возможности перешагнуть. Но, увы,—двухъ-

трехъ встрѣчъ было достаточно, чтобы ореолъ, окружавшій Z., разсѣялся безъ всякаго слѣда; оказалось, что и онъ кромѣ исправнаго посѣщенія лекцій ничего болѣе не зналъ; всѣ профессора, по его мнѣнію, были люди большой учености; ни въ какія книжки не заглядывалъ; иногда еще можно было видѣть въ его рукахъ какой-нибудь романъ, который онъ обыкновенно и читалъ чуть не цѣлые полгода; зато по вечерамъ, если бывалъ дома, частенько съ любовью перелистывалъ записки. Онъ тоже посѣщалъ вечера И. Е. Андреевскаго.

Прошло немного времени, и съѣхались мои товарищи; изъ сравнительно небольшого выпуска въ 13 человѣкъ, восемь изъ насъ явились въ Петербургъ и шесть поступили въ университетъ. А ранѣе изъ Вологды отправлялись въ университетъ одинъ, много два, такъ что мы нашли въ университетѣ только пятерыхъ земляковъ. Шумною толпою ворвались товарищи въ мою тихую квартиру у Гроссе; они устроились на Островѣ, на «настоящей студенческой квартирѣ», да еще недалеко отъ университета; обѣдать ходили въ кухмистерскую, гдѣ тоже все студенты обѣдали. И хотя, побывавъ на ихъ квартирѣ, я и нашелъ, что она похуже, чѣмъ у Гроссе, но не устоялъ передъ искушеніемъ жить вмѣстѣ съ тѣми, съ которыми еще въ гимназіи сидѣлъ на одной скамейкѣ. И такъ какъ оказалось, что и для меня есть мѣсто, то, дождавшись конца мѣсяца, я перебрался къ нимъ. Здѣсь насъ посѣтилъ X.; какъ старый студентъ онъ принялъ на себя руко-

водительство нами... И мѣсяца два всѣ вечера проходили у насъ за бутылкой хереса, картами или въ посѣщеніи цѣлой толпой разныхъ «залъ».

II.

Экзаменъ.

Въ 58 г. гимназистовъ принимали въ петербургскій университетъ безъ экзамена, но я въ гимназіи не учился латинскому языку и долженъ былъ подвергнуться испытанію изъ него. Мои познанія въ немъ были болѣе чѣмъ недостаточны, но у меня имѣлась заручка—рекомендательное письмо отъ директора гимназіи Алексѣя Васильевича Латышева къ его товарищу по Педагогическому институту, проф. Н. М. Благовѣщенскому. Въ Петербургѣ я скоро узналъ, что гроза на пріемныхъ экзаменахъ изъ латинскаго языка—лекторъ Лапшинъ—въ отпуску, что всѣхъ будетъ экзаменовать Благовѣщенскій, а онъ—экзаменаторъ не строгій. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, въ одинъ прекрасный день отправляюсь къ Благовѣщенскому; на мое счастье, онъ былъ въ городѣ, и я засталъ его дома. Великъ былъ мой трепетъ, когда я переступалъ порогъ его квартиры,—вѣдь мнѣ въ первый разъ приходилось увидѣть профессора, да еще того, отъ котораго зависѣла вся моя будущность. Лакей про-

велъ меня въ кабинетъ и сказалъ, что профессоръ сейчасъ выйдетъ. Я сталъ разсматривать кабинетъ: все книги, книги, всѣ стѣны въ книгахъ, вездѣ книги.—Боже, какой ученый! подумалъ я, въ простотѣ душевной полагавшій тогда, что разъ у кого есть какая-нибудь книга, то онъ уже всю ее читалъ. На письменномъ столѣ я замѣтилъ разбросанные рукописные листы. Это—онъ сочиняетъ (по гимназической терминологіи) какую-нибудь книгу... Но вотъ показался самъ Благовѣщенскій; извиняясь, что принимаетъ меня въ халатѣ (эти слова были для меня совсѣмъ непонятны, такъ какъ по Вологдѣ я судилъ, что всѣ дома ходятъ въ халатѣ), онъ подалъ мнѣ руку и любезно предложилъ сѣсть.

— Что̀ вамъ угодно?—спросилъ Благовѣщенскій.

Я отвѣчалъ, что имѣю къ нему письмо отъ А. В. Латышева, которое тутъ же и передалъ.

— Ахъ, отъ Алексѣя Васильевича!.. Ну, какъ онъ поживаетъ?—проговорилъ Благовѣщенскій, распечатывая письмо, и, не дожидаясь отвѣта, принялся за чтеніе его, а я сталъ разсматривать наружность Благовѣщенскаго. Хотя въ ту пору ему, вѣроятно, не было еще и сорока лѣтъ, но онъ уже обнаруживалъ замѣтную наклонность къ тучности, которая подъ старость измѣнила его почти до неузнаваемости. Мое вниманіе остановилось на весьма почтенной лысинѣ, которая украшала чело профессора.—Это—отъ усиленныхъ ученыхъ занятій,—рѣшилъ я, припоминая слова одного изъ учителей гимназіи, сильно за-

шибавшаго, что онъ рано облысѣлъ потому, что слишкомъ много занимался въ молодости. Окончивъ чтеніе письма, Благовѣщенскій деликатно освѣдомился о размѣрѣ моихъ познаній въ латинскомъ языкѣ. Я не скрылъ отъ него правды.

— Не въ моихъ правилахъ,—сказалъ Благовѣщенскій,—препятствовать молодымъ людямъ въ ихъ стремленіи къ высшему образованію. У васъ, впрочемъ, остается еще почти цѣлый мѣсяцъ до экзамена; я позволю себѣ рекомендовать вамъ кое-что повторить изъ пройденнаго вами. Есть у васъ здѣсь родные или знакомые?

— Никого.

Такъ какъ Латышевъ еще просилъ Благовѣщенскаго насчетъ уроковъ, то Николай Михайловичъ прибавилъ:

— Если представится случай, охотно буду рекомендовать васъ на уроки. Имѣете вы теперь что̀ читать?

— Нѣтъ.

— Я могу подѣлиться съ вами моей скромной библіотекой. Что бы вы хотѣли прочитать?

Я затруднился отвѣтомъ.

— Читали вы «Записки охотника»?

Я даже не слыхалъ о нихъ.

— Это — Ивана Сергѣича Тургенева (при словахъ И. С. я сейчасъ же остроумно сообразилъ, что Благовѣщенскій, должно быть, лично съ нимъ знакомъ,—незнакомыхъ въ Вологдѣ называли только по фамиліи), онъ у насъ теперь самый выдающійся талантъ.

Порывшись въ библіотекѣ, Благовѣщенскій подалъ мнѣ «Записки охотника».

— Только, пожалуйста, возвратите ихъ; новое изданіе цензура не позволяетъ, а старое не существуетъ въ продажѣ.

Эти слова были для меня совершенной новостью; я зналъ, что есть цензура и притомъ очень строгая, но никакъ не предполагалъ, что она можетъ не дозволять книги, ранѣе ею же пропущенныя.

Придя домой, я сейчасъ же принялся за «Записки охотника» и за чтеніемъ ихъ, къ тому же нѣсколько успокоенный пріемомъ Благовѣщенскаго, совсѣмъ забылъ о латинскомъ языкѣ. Имя Тургенева мнѣ было мало знакомо, въ гимназіи я читалъ какую-то повѣсть его, но она не произвела на меня впечатлѣнія, да еще читалъ критическую статью въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ его за что-то порядочно разносили. Ни отъ кого въ Вологдѣ не слыхалъ о немъ, какъ о выдающемся талантѣ; да и вообще о литературѣ послѣ Гоголя и Лермонтова имѣлъ крайне смутное понятіе. «Записки охотника» мнѣ очень понравились, но такъ какъ я особенно интересовался, почему цензура не дозволяетъ ихъ болѣе, то, можетъ быть, по этому самому слона-то и не примѣтилъ. А между тѣмъ я, какъ и вся молодежь того времени, былъ горячимъ приверженцемъ эмансипаціи и еще въ гимназіи читалъ всѣ статьи, касавшіяся крѣпостного вопроса, а рѣчи, произнесенныя на знаменитомъ московскомъ обѣдѣ, были перечитаны мною не одинъ разъ. Че-

резъ нѣсколько дней, возвращая Благовѣщенскому «Записки охотника», я спросилъ его— почему цензура не дозволяетъ новаго изданія.— Да видите ли, въ нихъ вѣдь затронутъ крѣпостной вопросъ; въ свое время Тургеневъ даже поплатился за это высылкой.

Эти слова были второю новостью, которую я узналъ отъ Благовѣщенскаго; мнѣ ранѣе никогда и въ голову не приходило, что съ писателями могутъ быть какія-нибудь непріятныя исторіи.

Несмотря на любезный пріемъ Благовѣщенскаго я все-же крайне волновался предстоящимъ экзаменомъ; я уже сказалъ выше, что изъ латинскаго языка зналъ менѣе, чѣмъ мало; къ тому же такъ велико было мое нерасположеніе къ нему, что даже совѣтъ Благовѣщенскаго «кое что повторить» не могъ побудить меня хотя въ это послѣднее время налечь на него. Потому при мысли объ экзаменѣ мнѣ не только дѣлалось страшно, но и совѣстно было оказаться передъ Благовѣщенскимъ круглымъ невѣждою. Хотя еще въ Вологдѣ я рѣшилъ поступить на юридическое отдѣленіе, но, пріѣхавъ въ Петербургъ, по совѣту опытныхъ людей, подалъ прошеніе на камеральное отдѣленіе; туда, по общимъ отзывамъ, принимали яко-бы до крайности легко.— Вѣдь всѣ баричи идутъ на камеральное отдѣленіе,—вотъ почему и не экзаменуютъ строго,— говорили старые студенты.

Наконецъ, настaлъ этотъ страшный день. Иду въ университетъ. Тамъ масса молодежи; нѣсколь-

ко настоящихъ студентовъ погуливаютъ по коридорамъ какъ у себя дома, не обращая, конечно, на насъ никакого вниманія. Не таково, разумѣется, было настроеніе тѣхъ, которые явились сдавать экзаменъ; одни мрачными группами или въ одиночку ходили по корридору, другіе уже забрались въ аудиторіи, назначенныя для экзаменовъ, и тамъ еще усердно перелистывали грамматику Белюстина или физику Ленца. Но вотъ появился Благовѣщенскій, и начался экзаменъ. Я внимательно слѣжу за экзаменующимися—всѣ, видимо, знаютъ куда больше моего. Наконецъ, дошла очередь до меня. Порядокъ былъ такой: пока одинъ отвѣчаетъ, двое готовятся, сидя за особымъ столомъ. Кажется, что-то изъ Юлія Цезаря задалъ мнѣ Благовѣщенскій приготовить къ устному переводу. Прочитавъ указанное мѣсто, я рѣшительно ничего не понялъ и съ замираніемъ сердца ждалъ момента, когда придется выходить. Правда, рядомъ со мной сидѣлъ молодой человѣкъ *) и, видимо, очень бойко переводилъ съ русскаго на латинскій языкъ, почти не заглядывая въ лексиконъ. Спросить его нѣтъ никакой возможности, мы сидимъ слишкомъ на глазахъ у Благовѣщенскаго. Вдругъ послѣдній всталъ и зачѣмъ-то вышелъ изъ аудиторіи. Я сейчасъ же воспользовался этимъ, самимъ небомъ посланнымъ, случаемъ и обратился къ сосѣду; тотъ безъ малѣй-

*) То былъ Н. Утинъ. Хотя я потомъ съ нимъ и раскланивался въ университетѣ, но близко сошелся только осенью 61 г. во время студенческой исторіи.

шаго затрудненія перевелъ мнѣ пять — шесть строкъ. И вотъ черезъ нѣсколько минутъ я стою передъ Благовѣщенскимъ; онъ какъ-разъ удовольствовался тѣмъ, что успѣлъ мнѣ перевести сосѣдъ, спросилъ что-то изъ грамматики, я, кажется, отвѣтилъ невпопадъ; на томъ Благовѣщенскій и закончилъ экзаменъ, поставивши тройку, т. е. пріемный баллъ. Изъ моихъ товарищей по гимназіи двое, знавшіе не болѣе моего, тоже благодаря Благовѣщенскому поступили въ университетъ.

Спустя нѣкоторое время я получилъ изъ университета видъ на жительство; послѣ того, такъ недѣли черезъ двѣ, подалъ прошеніе о перечисленіи меня на юридическое отдѣленіе; по тогдашнимъ правиламъ, никакихъ препятствій къ тому не могло быть, и вотъ я сталъ юристомъ. Но когда черезъ два года юридическій факультетъ раздѣлили на юридическое и административное отдѣленія (камеральное было закрыто), то я перешелъ на административное; на немъ главными предметами были государственное право русское и европейскихъ державъ, политическая экономія, финансы, статистика,—все предметы, болѣе меня интересовавшіе, чѣмъ римское право и особенная часть гражданскаго и уголовнаго права.

III.

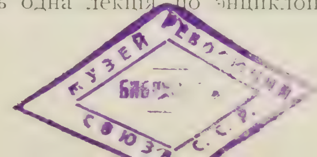
Первый семестръ.

Какъ студентъ-юристъ перваго курса, я долженъ былъ слушать кромѣ богословія русскую исторію, энциклопедію законовѣдѣнія, внѣшнюю исторію русскаго законодательства и русское государственное право. Я нѣсколько ниже буду говорить о профессорахъ, которыхъ засталъ на юридическомъ факультетѣ, потому здѣсь ограничусь немногимъ. Кажется, первая лекція, которую пришлось выслушать, была лекція проф. Калмыкова по энциклопедіи законовѣдѣнія. Кто изъ бывшихъ въ университетѣ не помнитъ, съ какимъ настроеніемъ онъ входилъ въ первый разъ въ аудиторію, кто съ напряженнымъ вниманіемъ не слѣдилъ за профессоромъ, стараясь не проронить ни одного его слова! А тутъ на каѳедрѣ не столько профессоръ, сколько величественный жрецъ, со строгимъ видомъ, довольно округленной наружности. Онъ изрекаетъ о Первоисточникѣ всего сущаго, объ идеѣ права, исходящей отъ него,—что-то вообще очень возвышенное и глубокомысленное. Да иначе и быть не можетъ: мнѣ всѣ говорили, что Калмыковъ—человѣкъ огромной учености, а главное, очень строгъ на экзаменахъ. Но вотъ жрецъ сходитъ съ каѳедры, медленно направляется къ доскѣ и величественно беретъ мѣлъ.—Поставимъ точку, пун-ктумъ!—восклицаетъ онъ.—Изъ этой точки,

пунк-тумъ, какъ центра, опишемъ радіусомъ окружность, пе-ри-ферію! она во всѣхъ своихъ точкахъ будетъ отстоять въ равномъ разстояніи отъ центра; продолжимъ радіусъ и опишемъ новую пе-ри-ферію и еще, и еще нѣсколько периферій... — А затѣмъ оказывалось, что въ центрѣ пребываетъ Первоисточникъ, изъ него по радіусу исходитъ вѣчная идея права, а разныя периферіи будутъ представлять ея выраженія въ видѣ государственнаго, гражданскаго и другихъ правъ.

Курсъ Калмыкова послѣ небольшого вступленія распадался на двѣ части: первая представляла изъ себя исторію философіи права, вторая—сжатое изложеніе существа государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права. Конечно, очень интересною могла быть первая часть; но Калмыковъ принадлежалъ къ тѣмъ русскимъ ученымъ (а таковые и теперь не вывелись), для которыхъ Германія и наука были синонимами; потому послѣ Аристотеля и Платона мы почти сразу очутились среди нѣмцевъ; тутъ Калмыковъ съ особенною любовью остановился на Пуффендорфѣ, Томазіи, Вольфѣ и т. п.; прочимъ же нѣмцамъ, начиная съ Канта до Гегеля включительно съ ближайшими его послѣдователями, было удѣлено уже несравненно меньше вниманія. Читалъ онъ постоянно въ повышенно-напыщенномъ тонѣ, но по времени аудиторія къ нему привыкла, и не проходило десяти минутъ, какъ погружалась въ сонливое настроеніе. Не помню, чтобы хоть одна лекція по энциклопедіи права

7059.

вызвала у насъ не только споръ, но даже простой разговоръ.

Тотъ же Калмыковъ читалъ «внѣшнюю исторію русскаго законодательства». Начиналась она съ договоровъ Олега и Игоря и послѣдовательно доводилась до изданія Свода Законовъ. Калмыковъ знакомилъ съ критикой этихъ памятниковъ, коротко передавалъ ихъ содержаніе, на этомъ дѣло и оканчивалось. Но и здѣсь, какъ настоящій ученый, Калмыковъ не измѣнялъ себѣ, —мы почти цѣлый семестръ слушали договоры да Русскую Правду. Черезъ мѣсяцъ я сталъ уже манкировать лекціями Калмыкова и затѣмъ появлялся на нихъ случайно.

Красно читалъ И. Е. Андреевскій русское государственное право, сопровождая чуть не каждую фразу жестомъ изъ пальцевъ въ видѣ распускающагося бутона. Говорили, что государственное право—не его предметъ, что настоящая спеціальность И. Е. — полицейское право. Его курсъ государственнаго права представлялъ изъ себя нѣсколько витіеватый пересказъ своими словами I т. Свода Законовъ; историческая часть была крайне слаба. А такъ какъ я въ гимназіи былъ юристомъ и на-зубокъ зналъ всѣ министерства и ихъ департаменты, то мнѣ почти нечего было слушать у И. Е., потому я скоро и пересталъ являться на его лекціи.

Я любилъ русскую исторію, но ее читалъ Касторскій; цѣлые полгода блуждалъ онъ съ полянами, кривичами и другими племенами по обширной территоріи древней Россіи и все же по-

рядкомъ никуда ихъ не пріурочилъ. Не прошло и мѣсяца, какъ въ его аудиторіи можно было встрѣтить только исключительно прилежныхъ. Богословіе читалъ протоіерей Полисадовъ; онъ только-что въ этотъ годъ замѣстилъ пр. Янышева. Такъ какъ богословіе было обязательнымъ предметомъ для студентовъ 1-го курса всѣхъ факультетовъ, да еще новаго профессора желали послушать и старые студенты, то сначала пр. Полисадовъ читалъ въ актовой залѣ, потомъ мы перебрались въ большую аудиторію; но число слушателей такъ быстро таяло, что разъ Полисадовъ, замѣтя въ аудиторіи лишь нѣсколько человѣкъ, не удержался и сказалъ:—Что такъ мало народу? Посмотримъ, какъ эти геніи будутъ на экзаменѣ отвѣчать. — Довольно много времени Полисадовъ удѣлилъ взаимному отношенію философіи и религіи; онъ говорилъ, что истинная философія не можетъ быть враждебна религіи, но когда перешелъ къ историческому обозрѣнію философіи, то оказывалось, что хотя всѣ важнѣйшіе философы, до Гегеля включительно, старались укрѣпить религію, однако ихъ системы въ концѣ-концовъ всегда приводили къ противуположному результату и потому, что они пытались строить ихъ на основаніяхъ, независимыхъ отъ откровенія.

Разумѣется, на первыхъ же порахъ я обошелъ лекціи всѣхъ профессоровъ юридическаго факультета и прежде всего побывалъ у Кавелина, такъ какъ его «взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» я еще въ гимназіи читалъ и,

конечно, не особенно много понялъ. Его лекціи и Спасовича выгодно выдѣлялись; но вѣдь черезъ годъ ихъ все равно обязательно придется слушать,—значитъ, теперь ходить постоянно не было резона, да и подготовки къ нимъ не имѣлось. И. Е. Андреевскій очень заинтересовалъ меня первыми лекціями полицейскаго права. Рѣчь шла о томъ, что такое полицейское право; начиналось, конечно, съ Аристотеля, какъ онъ опредѣлялъ слово «полиція», а затѣмъ пошла уничтожающая критика опредѣленій разныхъ ученыхъ, разумѣется, нѣмецкихъ, — а ихъ И. Е. привелъ не одинъ десятокъ. Я былъ пораженъ такой ученостью, ибо въ простотѣ своей думалъ, что И. Е. всѣхъ ихъ изучалъ. Потомъ оказалось, что источникомъ этой учености была извѣстная тогда книга Роберта Моля *).

Побывалъ у профессоровъ историко-филологическаго факультета; натолкнулся на спеціальныя лекціи у Благовѣщенскаго и Штейнмана и, конечно, больше къ нимъ не заглядывалъ. Думалъ найти что-нибудь интересное у Никитенко; но его старческое шамканье «о прекрасномъ» ничего новаго не дало противъ того, что я зналъ

*) Полицейское право читалось на 3-мъ курсѣ; я, несмотря на личное знакомство съ И. Е., никогда не бывалъ у него на лекціяхъ. Пришлось однако сдавать экзаменъ: досталъ записки необъятнаго объема; читаю, — ничего въ головѣ не остается. Пошелъ искать конспектъ и напалъ на цѣлую компанію, совмѣстно готовящуюся къ экзамену по одному конспекту въ 11 полулистовъ. Но въ немъ было все существенное, все фактическое содержаніе курса. Всѣ, кто готовились по этому конспекту, отлично сдали экзаменъ; менѣе счастливы были тѣ, которые добросовѣстно читали настоящія записки,—они тонули въ морѣ ненужнаго разглагольствованія.

по гимназіи. Историковъ по всеобщей исторіи, кажется, тогда никого не было.

И вотъ черезъ какіе-нибудь мѣсяца два я почти совсѣмъ забросилъ университетъ; подписался въ библіотекѣ Крашенинникова и много читалъ, хотя преимущественно журналы. Такъ какъ въ гимназіи изъ поэтовъ мы знали только Пушкина и Лермонтова, а изъ остальныхъ лишь отрывки по хрестоматіи Галахова, то я одно время, при моей слабости къ поэзіи, сильно увлекся болѣе молодыми поэтами и перечиталъ ихъ по нѣскольку разъ включительно до Щербины. Некрасовъ тогда не произвелъ на меня особенно сильнаго впечатлѣнія, а вотъ антологическими пьесами Майкова я очень увлекался.

Я и самъ сознавалъ, что время проходитъ довольно безсодержательно, что собственно ничего не дѣлаю; рѣшилъ, что съ новаго года примусь за работу. И дѣйствительно, засѣлъ за энциклопедію Неволина, гдѣ исторія философіи права была изложена несравненно полнѣе, чѣмъ намъ читалъ Калмыковъ.

IV.

Уроки.

Я еще въ гимназіи началъ давать уроки и репетировать. Началась эта практика въ 3-мъ классѣ; одна помѣщица, такъ изъ среднихъ, пригласила меня репетировать съ ея сыномъ, воспитывавшимся въ пансіонѣ, за 20 к. въ мѣсяцъ. Я прорепетировалъ цѣлые полгода, но получилъ только 20 к. И теперь еще ощущаю острую горечь недополученнаго рубля,—вѣдь сколько хорошихъ вещей я могъ тогда купить на него! По мѣрѣ того какъ я поднимался, возрастало и мое вознагражденіе; въ 7-мъ классѣ давалъ уроки у директора гимназіи А. В. Латышева, и тотъ платилъ, по тогдашнему времени, просто съ королевскою щедростью—6 р. въ мѣсяцъ.

Не знаю, рѣшился ли бы я ѣхать въ университетъ, если бы существовала обязательная плата за слушаніе лекцій; но тогда университетамъ было предоставлено неограниченное право освобождать отъ платы (50 р. въ годъ). Забравшись въ Петербургъ въ первой половинѣ іюля, я привезъ съ собой рублей 100; надо было одѣться, затѣмъ то, другое, и къ ноябрю у меня въ кассѣ стала показываться пустота. Отъ Благовѣщенскаго насчетъ уроковъ не было ни слуху, ни духу. Но добрѣйшій А. В. Латышевъ позаботился обо мнѣ, просилъ еще учителя Ларинской гимназіи Ѳ. И. Дозе, родомъ, какъ и я, изъ Во-

логды. Онъ имѣлъ мой адресъ, и я затруднялся идти къ нему; но разъ, случайно встрѣтивъ, спросилъ насчетъ уроковъ.—Помню,— отвѣтилъ Дозе, — все ничего не подвертывается; правда, есть одни уроки, да я не рѣшаюсь предложить ихъ вамъ, ужъ очень неважные, — за два урока въ недѣлю 5 р. въ мѣсяцъ, только юноша самъ бы къ вамъ приходилъ.—Въ объясненіе нерѣшительности Дозе я долженъ сказать, что тогда гоноръ не позволялъ студенту брать менѣе 1 р. за часъ, и это еще считалось очень плохой платой. А тѣхъ временъ рубль по меньшей мѣрѣ отвѣчаетъ двумъ нынѣшнимъ. Я однако сообразилъ, что 5 р. обезпечиваютъ чай, сахаръ и т. п. а что касается до гонора, то вѣдь не я буду ходить на уроки, но ко мнѣ на квартиру станетъ являться ученикъ; потому и взялъ урокъ. Мой ученикъ оказался бывшимъ малолѣтнимъ пѣвчимъ придворной капеллы, племянникомъ письмоводителя ея. По нѣкоторомъ времени получаю записку отъ Дозе,—зоветъ побывать у него.— Представляются еще уроки,—сказалъ онъ,—хотя тоже небогатые. У насъ въ гимназіи есть сынъ виднаго чиновника П., идетъ такъ плохо, что отцу поставили условіе, чтобы онъ взялъ непремѣнно репетитора, иначе сына уволятъ изъ гимназіи. Но отецъ все ищетъ учителя подешевле; вы однако не уступайте.

Направляюсь къ П. Чтобы выдержать предстоящій торгъ, напустилъ на себя необычно самоувѣренный тонъ. П. принялъ меня въ халатѣ, но съ Владиміромъ на шеѣ; съ этимъ крестомъ

онъ никогда не разставался; кто-то изъ домашнихъ шутя говорилъ, что онъ и спитъ съ нимъ.— За три урока въ недѣлю сколько желаете получать?—У меня не хватило храбрости назначить 2 р. за часъ, какъ совѣтовалъ Дозе; я заявилъ: — 15 р. въ мѣсяцъ. — Это очень много. Возьмите 10 р.—Торговались долго; принимая въ соображеніе, что урокъ въ двухъ шагахъ отъ меня, я спустилъ до 12 р., на что въ концѣ-концовъ согласился П.

Въ ближайшее воскресенье я уже зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ я сталъ бывать у Габерзангъ, его жена была вологжанка. Самъ Габерзангъ, Алексѣй Ивановичъ, правовѣдъ по образованію, состоялъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Человѣкъ онъ былъ независимаго характера, не заискивалъ передъ всесильнымъ Топильскимъ*), а потому и былъ въ нѣкоторомъ родѣ не у дѣлъ. Ему было поручено наблюденіе за составленіемъ и печатаніемъ,—кажется, три раза въ годъ,— списка чиновъ гражданскаго вѣдомства первыхъ четырехъ классовъ; эта работа передъ тѣмъ составляла главное занятіе цѣлаго инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства. Скоро я былъ принятъ у Габерзангъ какъ близкій родной и по праздникамъ обязательно обѣдалъ у нихъ. Здѣсь я познакомися съ Пребстингомъ, впослѣдствіи сенаторомъ, и Эссеномъ, который во время министерства Палена былъ одно время его

---

*) Всесильный директоръ департамента при Панинѣ.

товарищемъ. Всѣ, кто зналъ тогда Пребстинга, высоко уважали его за недоступность какимъ-нибудь вліяніямъ и рѣзко-правдивый характеръ; его можно назвать Катономъ раболѣпныхъ временъ. Понятно, что Топильскій не терпѣлъ его и не давалъ ему никакого хода. Эссенъ считался въ сенатѣ выдающимся цивилистомъ. Онъ скоро женился на сестрѣ Ек. Ал. Габерзангъ и одно время даже жилъ вмѣстѣ съ ними. Бывая въ этомъ домѣ, я постоянно слышалъ разговоры о совершенно невозможномъ состояніи у насъ правосудія, полной непригодности дѣйствующаго судопроизводства и настоятельной необходимости въ коренной реформѣ. Я, зачитывавшійся всякими статьями о всевозможныхъ реформахъ, все-таки не могъ себѣ представить, откуда найдутся въ Россіи люди для новыхъ судовъ. И какъ теперь слышу слова Эссена:—Люди найдутся, и чѣмъ шире будетъ проведена реформа, тѣмъ скорѣе найдутся, тѣмъ лучше она будетъ функціонировать.—Сохранилъ ли онъ тѣ же взгляды, когда былъ товарищемъ министра юстиціи,—этого я не знаю.

Такъ вотъ отъ этихъ самыхъ людей я и узналъ, что П. занималъ вліятельную должность въ одномъ изъ департаментовъ сената, выслужился изъ самыхъ маленькихъ чиновниковъ, пользовался поддержкой Топильскаго и довѣріемъ Панина, репутацію имѣлъ весьма сомнительную, владѣлъ каменнымъ домомъ на Васильевскомъ Островѣ, при большой семьѣ хорошо жилъ, хотя и безъ блеска. Карьера его закончилась нѣсколько

неожиданно. Въ концѣ 59 г. или самомъ началѣ 60-го онъ былъ назначенъ Панинымъ на слѣдствіе по дѣлу кіевско-харьковскихъ студентовъ (Бекманъ и К°); это назначеніе произвело въ обществѣ крайне тягостное впечатлѣніе, но П. не пришлось даже выѣхать изъ Петербурга. Сенаторъ Хрущевъ, бывшій товарищемъ министра при Киселевѣ, написалъ Панину письмо и распространилъ его въ публикѣ, а въ этомъ письмѣ заявлялъ, что П.—взяточникъ, что онъ самъ давалъ ему взятку. Къ чести Панина, онъ взялъ обратно свое назначеніе, а П. вынужденъ былъ оставить службу.

Скоро на урокахъ у П. обрисовалось такое положеніе: мой ученикъ страдалъ органическимъ недостаткомъ—хотя на самое короткое время удерживать вниманіе на одномъ предметѣ; такъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ не могъ прослѣдить объясненіе теоремы: сумма смежныхъ угловъ равна двумъ прямымъ, и теорема навсегда осталась для него за семью печатями. Но у молодого человѣка,—ему шелъ уже шестнадцатый годъ,—были другія способности; онъ еще восьми лѣтъ игралъ на скрипкѣ, и при томъ съ успѣхомъ, въ публичномъ концертѣ. Однако отецъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлать изъ него чиновника, хотя самъ игралъ на скрипкѣ, и всѣ дѣти, дочери и сыновья, тоже на чемъ-нибудь играли. Постоянно устраивались импровизированные концерты, на которые меня, послѣ урока, весьма любезно приглашали оставаться. Вотъ концертъ кончился.— Какъ вы находите сегодняшнюю игру Кости?—

Ну, что я тогда понималъ въ музыкѣ, когда даже и теперь не нахожу никакой прелести въ балалайкахъ! Тѣмъ не менѣе для поддержанія своего престижа рѣшилъ держать себя знатокомъ. Вѣрнымъ указателемъ было лицо отца; видя его сіяющимъ, я обыкновенно отвѣчалъ: — Сегодня онъ, по-моему, игралъ безукоризненно. — И я то же скажу, постарался, вотъ и вышло хорошо; вѣдь, подумайте, онъ десяти лѣтъ игралъ не только не хуже, а, пожалуй, лучше, чѣмъ теперь. А все оттого, что мало старается, не хочетъ... Въ дѣйствительности же сынъ, видимо, любилъ скрипку и предпочиталъ ее всякимъ теоремамъ.

Занятія шли плохо; я нѣсколько разъ о томъ говорилъ отцу, приглашалъ посидѣть на урокахъ; отъ него всегда былъ одинъ отвѣтъ:—Все потому, что не хочетъ стараться.—Я, наконецъ, сталъ совѣтовать взять сына изъ гимназіи и все сосредоточить на скрипкѣ.—Нѣтъ, этого никакъ нельзя, онъ долженъ кончить гимназію.

Сначала было скучно, но потомъ все наладилось къ удовольствію моего ученика и меня самого. Бывало, не пройдетъ и получаса урока, какъ мой ученикъ отложитъ перо въ сторону.—А что, Л. Ф., не хотите ли послушать музыки?—Можно, — отвѣчаю я. — Папаша, а не сыграть ли намъ сегодня квартетъ; кстати бы и Л. Ф. послушалъ.—Квартетъ?..—отзывается чуть не съ радостью отецъ. Эй, Маша, Ваня! — Торопливо самъ настраиваетъ скрипку, и минутъ черезъ пять подъ звуки музыки я погружаюсь въ какія-нибудь мечты. Къ веснѣ уроки кончились и бо-

лѣе не возобновлялись. Все-таки П. пришлось взять сына изъ гимназіи и такъ или иначе направить по дорогѣ, на которую указывали природныя дарованія юноши. Я совсѣмъ потерялъ изъ виду эту семью, такъ какъ потомъ никогда у нихъ не бывалъ. Въ 90-хъ годахъ довелось быть на какомъ-то благотворительномъ концертѣ; вдругъ вижу на афишѣ имя моего бывшаго ученика. Изъ него выработался незаурядный солистъ и хорошій техникъ.—Онъ—въ миніатюрѣ Саразате,—тутъ же отозвался о немъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, хорошо понимающій музыку.

Первые уроки съ племянникомъ письмоводителя капеллы послужили для меня настоящимъ золотымъ кладомъ; тогда инспекторомъ капеллы былъ Ник. Ив. Ореусъ; передъ тѣмъ онъ командовалъ ротой въ 1-мъ батальонѣ Преображенскаго полка, изъ любви къ духовному пѣнію оставилъ полкъ и перешелъ въ инспекторы капеллы. Онъ принялъ участіе въ двухъ мальчикахъ, спавшихъ съ голоса, и рѣшилъ дать имъ возможность поступить въ гимназію. И вотъ были устроены совмѣстные уроки; кромѣ того Ореусъ вскорѣ предложилъ мнѣ преподавать въ училищѣ, которое существовало въ капеллѣ для малолѣтнихъ пѣвчихъ, такъ что я вскорѣ очутился наверху финансоваго благополучія.

Покойный Ореусъ, тогда еще холостой, былъ человѣкъ добрый и очень мягкаго характера; образованіе онъ получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (Николаевское кавалерійское училище). Въ немъ одновременно, какъ во многихъ

тогда, уживались самыя противоположныя черты: неразсчетливая трата послѣднихъ средствъ (отецъ его, сенаторъ, еще при жизни выдѣлилъ ему очень хорошее состояніе), любовь къ духовному пѣнію и крайнее увлеченіе «Современникомъ». А такъ какъ я въ ту пору былъ большимъ поклонникомъ «Русскаго Вѣстника», то у насъ выходили постоянные и горячіе споры; особенно лѣтомъ 1859 г., когда я жилъ у него на дачѣ. Въ то же время, хорошо зная иностранные языки, Ореусъ зачитывался Шлоссеромъ, Боклемъ, Гервинусомъ, даже Дункеромъ; неизвѣстно для чего начиналъ переводить Гервинуса. Хотя осенью 1859 г. Ореусъ оставилъ капеллу и вернулся въ Преображенскій полкъ, но наши отношенія не оборвались; я даже въ лѣтнее время пользовался его квартирой въ полку. Въ 1861 г. 14 октября одна рота Преображенскаго полка была двинута противъ студентовъ; при этомъ произошло тягостное столкновеніе. Ореусъ выражалъ крайнее сожалѣніе, что не ему пришлось командовать, такъ какъ онъ принялъ бы всѣ мѣры, чтобы избѣжать столкновенія. Его пріятель, офицеръ того же полка В. Ѳ. Понютинъ, послѣ исторіи взялъ меня на поруки и даже предложилъ свою квартиру въ полку; но когда полковой командиръ узналъ о послѣднемъ, то запротестовалъ.

— Неудобно, сказалъ онъ, можетъ показаться аппробаціей студенческой исторіи.

Пріятельскія отношенія съ Ореусомъ продолжались до катастрофы, постигшей въ 1862 г. «Современникъ» и Чернышевскаго. Это обстоя-

тельство какъ разъ совпало съ полнымъ истощеніемъ всѣхъ личныхъ средствъ Ореуса. Тутъ мы помѣнялись ролями; я отстаивалъ идеи «Современника», а Ореусъ перешелъ на такую точку.—Всѣмъ въ мірѣ управляетъ сила,—говорилъ онъ,—сила на сторонѣ правительства, и я слѣдую за ней, такъ какъ не хочу, чтобы она раздавила меня. Послѣ этого мы встрѣчались только случайно, въ послѣдній разъ—въ Петербургѣ въ началѣ декабря 1864 г., въ театрѣ, за нѣсколько дней до моего ареста. Онъ зналъ отъ своего пріятеля Мезенцова, что надо мной виситъ туча, готовая разразиться каждую минуту, но даже и не намекнулъ на это, хотя тутъ же другой офицеръ Преображенскаго полка, покойный Гурьевъ, котораго я иногда встрѣчалъ у Ореуса, и дѣлалъ мнѣ какіе-то неясные намеки. Чуть ли не этотъ самый Гурьевъ продѣлалъ одну шутку, по поводу которой много смѣялись въ Петербургѣ. Былъ старый генералъ Челищевъ,—я тоже у Ореуса встрѣчалъ его, добродушный, но нѣсколько временъ «Очакова и покоренья Крыма». Прогуливается онъ разъ въ театрѣ, а у него изъ задняго кармана предательски выглядываетъ не то «Колоколъ», не то какая-то прокламація.

Два слова о тогдашней капеллѣ. Во главѣ ея стоялъ старый генералъ Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ («гимнъ»—его музыка); онъ былъ такъ глухъ, что надо было или сильно кричать, или говорить ему въ трубу; но когда онъ дирижировалъ хоромъ съ аккомпаниментомъ оркестра, то

малѣйшее ослабленіе или усиленіе въ какихъ-нибудь инструментахъ или голосахъ —и онъ сейчасъ же замѣчалъ. Старшимъ регентомъ былъ Малышевъ; вотъ какъ онъ попалъ въ капеллу. Былъ онъ солдатомъ, — кажется, музыкантомъ, — во время совмѣстныхъ маневровъ русскихъ и прусскихъ войскъ сочинилъ на этотъ случай стихи и положилъ ихъ на музыку *); объ этомъ было доложено императору Николаю Павловичу, который и назначилъ Малышева въ капеллу, гдѣ тотъ, постепенно подвигаясь, достигъ до званія старшаго регента, т. е. ближайшаго руководителя пѣвческимъ дѣломъ. Львовъ говорилъ Малышеву «ты», и можно себѣ представить, въ какомъ трепетѣ держалъ себя передъ нимъ Малышевъ. Впрочемъ, и безъ Львова онъ всегда имѣлъ очень озабоченный видъ и руки по швамъ. Совсѣмъ иной человѣкъ былъ его помощникъ А. П. Рожновъ, кажется, изъ чиновниковъ попавшій въ капеллу. Хотя о немъ тоже говорили, что онъ далеко не на своемъ мѣстѣ (скоро онъ замѣнилъ Малышева), однако со Львовымъ держалъ себя съ бо̀льшимъ достоинствомъ; пріятный былъ человѣкъ въ обществѣ, кое-что почи-

---

*) Вотъ эти стихи:

„Русскій царь собралъ дружины
И велѣлъ своимъ орламъ
Плыть по морю на чужбину,
Въ гости къ добрымъ пруссакамъ.
Насъ лелѣетъ царь державный,
Слава Бѣлому царю,
Слава Руси православной
И родному королю!“

тывалъ *) и, какъ большая часть персонала капеллы, при тогдашнихъ нищенскихъ окладахъ, занимался разными посторонними дѣлами.

Былъ еще учитель пѣнія Рыбасовъ; его главное дѣло было рекрутированіе капеллы; для этого онъ почти каждый годъ разъѣзжалъ по провинціи и осматривалъ архіерейскіе хоры; взрослые, конечно, шли по доброй волѣ, а малолѣтнихъ просто увозили, не всегда при этомъ спрашивая согласіе родителей. Эти малолѣтніе пѣвчіе и составляли больное мѣсто капеллы. Года черезъ

---

*) Разъ прихожу въ капеллу, вижу, Рожновъ возится съ группой малолѣтнихъ пѣвчихъ; подхожу и ушамъ не вѣрю: вмѣсто божественнаго поютъ что-то очень веселое. Умеръ Мартыновъ, и прошелъ слухъ, что Бурдинъ заявилъ притязаніе на весь репертуаръ покойнаго. Кто-то по этому случаю и смастерилъ юмористическое стихотвореніе, изъ котораго и привожу, что̀ уцѣлѣло въ памяти:

„Хотя Мартыновъ и угасъ,
Его мы вовсе не жалѣемъ,
Степановъ, Яблочкинъ у насъ
И Леонидовъ съ Алексѣемъ,
И Пронскій, и Максимовъ М.,
И красота актерамъ всѣмъ,
Теодоръ Бурдинъ,
Онъ у насъ одинъ –
Kennst du das Land, wo die Citronen blühn!
Вотъ пѣснь моя унылая:
Бурдинъ. Бурдинъ, Бурдинъ.

И конецъ:

Вотъ весь наличный персоналъ,
Чтобъ украшать Александринку,
Высокобезобразный залъ,
Гдѣ вмѣсто пьесъ играютъ въ трынку.
Но вѣдь порою отъ тоски
Играютъ люди и въ носки.
А у насъ одинъ и т. д.“

Рожновъ положилъ эти слова на музыку и долго въ капеллѣ малолѣтніе распѣвали ихъ въ свое удовольствіе.

три они обыкновенно спадали съ голоса, и тогда ихъ даже не возвращали на родину, а, снабдивъ аттестатомъ уѣзднаго училища (на самомъ дѣлѣ они ничего не знали), прямо выводили на петербургскую улицу. Попытка Ореуса хоть что-нибудь сдѣлать для обезпеченія ихъ будущности разбилась о безучастное отношеніе Львова, и Ореусъ подъ этимъ предлогомъ вышелъ изъ капеллы.

Въ 60-мъ году я даже жилъ въ самой капеллѣ у Ф. К. Никольскаго, занимаясь съ его сыномъ. Что это былъ за удивительный голосъ! Ни до него, ни послѣ русская опера не имѣла такого тенора: обширный,—онъ свободно бралъ do diez,—грудной, мягкій, поразительно легко вибрирующій—вотъ какой былъ голосъ у Никольскаго. Одна бѣда—онъ слишкомъ поздно поступилъ на сцену: ему, помнится, было уже 33 года. А потомъ—страсть къ деньгамъ (онъ даже лѣтомъ не давалъ себѣ отдыха), и онъ скоро спалъ съ голоса, несмотря на строго-воздержную жизнь. Не доставало ему и вкуса *).

Какъ это ни странно, а съ капеллой связано у меня воспоминаніе о первой манифестаціи, свидѣтелемъ которой я былъ, и при томъ манифестаціи несомнѣнно политическаго характера. Въ Великомъ посту въ капеллѣ обыкновенно давалось нѣсколько симфоническихъ концертовъ, ко-

*) Въ мое время ходили разсказы объ Ивановѣ, придворномъ пѣвчемъ, посланномъ въ Италію для усовершенствованія; онъ не вернулся въ Россію: говорили, что это былъ удивительный пѣвецъ, второй Рубини.

торые очень цѣнились знатоками; попасть на нихъ было очень трудно, зала капеллы была маленькая, а билеты считались наслѣдственными въ кругу высшей петербургской публики; концерты даже носили названіе «концертовъ придворнаго концертнаго общества». Ими дирижировалъ старикъ Мауреръ. Я, конечно, на нихъ всегда бывалъ, имѣя свободный входъ какъ учитель; но, разумѣется, приходилось стоять. Въ 61 г., вскорѣ послѣ 19 февраля, состоялся первый концертъ; извѣстно было, что пріѣдетъ Государь. Передъ самымъ началомъ концерта Львовъ собираетъ учителей, гувернеровъ и тому подобныхъ и держитъ такую рѣчь.

— Господа, какъ только Государь войдетъ въ ложу, кричите—«Боже, царя храни!».

Мы выразили живѣйшую готовность.

— Я вамъ подамъ знакъ,—сказалъ Львовъ.

Мы всѣ довольно большой кучей стали сзади рядовъ, недалеко отъ входа и ждемъ условленнаго знака. Вотъ, наконецъ, Львовъ подалъ его, и мы дружно крикнули: «Боже, царя храни!» (тогда еще не было навыка кричать просто: «гимнъ»!). Крикнули нѣсколько разъ, но въ публикѣ никто даже и не шевелится. Львовъ дѣлаетъ второй знакъ, мы опять кричимъ—«Боже, царя храни!» Никто не встаетъ, только нѣкоторые поворачиваются и презрительно оглядываютъ насъ. Тогда Львовъ бросаетъ эстраду, обходитъ кругомъ и является къ намъ. Ставъ впереди насъ и, сдѣлавъ изъ своихъ рукъ родъ рупора, просто рявкнулъ: «Боже, царя храни!» Мы, конечно, поддер-

жали его; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ знакъ оркестру начинать исполненіе гимна. Необыкновенно медленно стала подниматься публика, когда уже оркестръ игралъ гимнъ. Едва гимнъ былъ исполненъ одинъ разъ, какъ всѣ поспѣшили сѣсть; на обычное повтореніе даже у Львова не хватило храбрости *).

Мнѣ вообще во время студенчества везло по части уроковъ; только осенью 1862 г. я оставался безъ заработка. Совершенно случайно, благодаря урокамъ, я получилъ пристрастіе къ изысканнымъ сигарамъ. Угощали меня ими Ореусъ, Н. И. Погребовъ,—я у него около полутора года давалъ уроки и потомъ остался въ хорошихъ отношеніяхъ до самой его смерти. Но вотъ разъ я получилъ ежедневные уроки въ одномъ семействѣ съ двумя дѣтьми. Когда замѣтили, что я курю, то каждый день передо мной оказывалось блюдечко отличныхъ гаванскихъ сигаръ; я, конечно, выкуривалъ только одну, но дѣти запихивали мнѣ въ карманы всѣ остальныя; я было пытался отказываться, но они объяснили мнѣ, что у нихъ въ домѣ такъ много сигаръ, что просто не знаютъ куда дѣвать. Такъ тянулся цѣлый годъ. Потомъ я узналъ, что глава семьи служилъ въ министерствѣ финансовъ и при томъ спеціально по акцизу съ табаку.

*) На одномъ изъ обѣдовъ въ 90-хъ гг. въ память 19 февраля покойный Н. Ф. Крузе разсказывалъ:—мнѣ этотъ день (т. е. день объявленія освобожденія) пришлось провести въ Лондонѣ; весь городъ былъ иллюминованъ, вездѣ горѣли транспаранты со словами—сегодня 20 милліоновъ рабовъ получили свободу.

Послѣдніе мои уроки я давалъ уже по 5-ти рублей за часъ. Кажется, въ 1862 году состоялось по министерству иностранныхъ дѣлъ распоряженіе, въ силу котораго для полученія классныхъ должностей по этому вѣдомству надо было сдать экзаменъ изъ международнаго права, государственнаго права европейскихъ державъ, политической экономіи и т. д. Цѣлая вереница баричей, мнившихъ себя будущими дипломатами, потянулась изъ-за границы въ Петербургъ, чтобы готовиться и затѣмъ подвергнуться экзамену. Одному изъ такихъ юношей мнѣ пришлось давать уроки и даже обставить его учителями по всѣмъ предметамъ. Говорили, что у него было 70 тыс. р. годового дохода; опекуномъ былъ извѣстный богачъ и развратникъ Z. Мнѣ-то еще, хотя и не безъ долгаго торга, дали 5 рублей за часъ, но остальнымъ понизили до 3-хъ и даже 2-хъ руб. Моему ученику было около 18-ти лѣтъ, но онъ уже успѣлъ пройти весь курсъ парижской жизни; кромѣ французскаго языка онъ рѣшительно ничего не зналъ и при томъ не обнаруживалъ ни малѣйшей охоты что-нибудь узнать. Всѣ учителя были въ отчаяніи. Но вотъ подошло лѣто. Юноша поѣхалъ въ свои помѣстья, сопровождаемый однимъ изъ гувернеровъ-учителей, мною рекомендованныхъ. Едва молодой человѣкъ появился въ провинціи, какъ сталъ, конечно, предметомъ общаго вниманія; его не стѣснялись усаживать въ карты и обыгрывали на очень крупные куши даже лица, которымъ по ихъ оффиціальному положенію это всего менѣе было къ лицу. Каждый день

пошли вакханаліи, карты, такъ что мой пріятель-гувернеръ отъ ужаса сбѣжалъ. Юноша кончилъ тѣмъ, что ни къ какимъ занятіямъ не вернулся и въ самое короткое время все спустилъ, а самъ Богу душу отдалъ.

Уроки не только принесли мнѣ матеріальную обезпеченность за время моего студенчества; они значительно повліяли на расширеніе моего кругозора. Бывая въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ, я рано пріучился наблюдать жизнь въ разнообразіи ея проявленій, имѣлъ возможность вникать въ характеръ людей, предо мной иногда раскрывались весьма затаенныя пружины человѣческихъ отношеній. Короче сказать, разставаясь съ университетомъ и вступая въ жизнь, я не испыталъ головокружительнаго паденія съ неба на землю.

V.

Сходки.

Прошло мѣсяца два со времени моего поступленія въ университетъ; ничего особеннаго не случилось. Но разъ прихожу въ университетъ и при всей моей неопытности замѣчаю какое-то необычное настроеніе въ разныхъ группахъ студентовъ. Вдругъ цѣлой толпой студенты направились въ большую аудиторію, пользуясь тѣмъ, что она была свободна. На каѳедру взобралось

нѣсколько студентовъ и между ними мой знакомый Мадзолевскій; я понялъ, что происходитъ сходка. Когда аудиторія нѣсколько поуспокоилась, Мадзолевскій, крайне возбужденный, началъ держать рѣчь. Дѣло было такое. На островѣ гдѣ-то случился пожаръ; кромѣ пожарныхъ была обычная цѣпь, на этотъ разъ морского гвардейскаго экипажа; на пожаръ случайно пришла компанія студентовъ; они вспомнили, что въ домѣ живетъ ихъ товарищъ, и притомъ знали, что его въ то время, кажется, и въ городѣ не было; тогда они рѣшились проникнуть въ домъ, чтобы спасти его имущество. Тутъ произошло столкновеніе съ цѣпью, и нѣкоторымъ студентамъ пришлось испытать на себѣ удары холоднаго оружія. Какъ теперь слышу Мадзолевскаго:— студентъ Анцъ получилъ два удара въ бокъ и одинъ въ грудь, студентъ Максимовъ тоже куда-то и столько-то. Мадзолевскій, Боголюбовъ и другіе ораторы доказывали, что нападеніе на студентовъ ничѣмъ не было вызвано съ ихъ стороны, что студенты только желали спасти имущество отсутствовавшаго товарища; что такое обращеніе со студентами нельзя оставить безъ протеста, что всѣ студенты должны просить начальство, чтобы оно вступилось за пострадавшихъ и потребовало наказанія виновныхъ. Конечно, никакихъ возраженій эти рѣчи не вызвали, напротивъ того, сходка,—на ней особенно много было первокурсниковъ,—выразила полное сочувствіе ораторамъ; но въ концѣ-концовъ всѣ разошлись, не постановивъ какого - нибудь

опредѣленнаго рѣшенія. На другой день опять сходка по тому же предмету, тѣ же рѣчи и тотъ же безрезультатный конецъ. Но вотъ, можетъ-быть, на третій день на каѳедрѣ появляется Ю. Богушевичъ *), студентъ IV курса вост. факультета. Имя его было нѣсколько извѣстно между студентами, такъ какъ въ 1-мъ в. «Студенческаго Сборника» была его статья о персидской поэмѣ «Гюлистанъ» Саади (см. сочин. Добролюбова, очень сурово отнесшагося къ ней). Богушевичъ прочелъ заранѣе заготовленную рѣчь; въ ней онъ доказывалъ, что студенты, какъ люди взрослые и совершеннолѣтніе, какъ полноправные граждане, а не мальчишки, первые должны подавать примѣръ уваженія къ законамъ, что на пожарѣ они нарушили ясное требованіе закона: никто изъ постороннихъ людей черезъ цѣпь не пропускается; потому, если они при этомъ и пострадали, такъ по своей собственной винѣ. Слѣдовательно, всякія сходки по этому дѣлу надо прекратить, а студентамъ нужно вообще вести себя осмотрительнѣе. Рѣчь Богушевича была встрѣчена болѣе чѣмъ несочувственно, и все дѣло сразу получило другой оборотъ: о пострадавшихъ на пожарѣ не только перестали говорить, но и совсѣмъ забыли, а принялись за Богушевича. Раздались крики: «Вонъ, вонъ, кто говоритъ такія рѣчи, тотъ недостоинъ званія студента». Богушевичъ съ трудомъ защищался, говоря, что онъ совсѣмъ не

*) Въ концѣ своей карьеры былъ редакторомъ „Сельскаго Вѣстника“.

думалъ наносить оскорбленія студентамъ. Послѣ долгаго шума сходка разошлась, но съ рѣшеніемъ завтра вновь собраться для сужденія о Богушевичѣ. На другой день явилось уже менѣе студентовъ; на третій день опять сходка все о томъ же Богушевичѣ при еще меньшемъ числѣ студентовъ. Наконецъ, все успокоилось. Не скажу, чтобы это первое ознакомленіе со сходками произвело на меня выгодное впечатлѣніе, да, вѣроятно, и на большинство вновь вступившихъ. Цѣлая недѣля сходокъ не дала никакого положительнаго результата. Когда приходилось говорить объ этомъ со старыми студентами, напримѣръ, Мадзолевскимъ и другими ораторами, отъ нихъ получался одинъ отвѣтъ:— нѣтъ между студентами единодушія, нѣтъ горячаго сочувствія къ общимъ интересамъ. Ахъ, если бъ теперь былъ здѣсь М. И. Сухомлиновъ (онъ тогда находился въ заграничной командировкѣ), при немъ всѣ бы студенты были заодно, онъ умѣлъ поддерживать духъ товарищества и единенія.

Но кромѣ недостатка духа единенія эти сходки показывали и другой весьма существенный недостатокъ: новость корпоративной жизни студентовъ и потому совершенную неумѣлость въ самой постановкѣ дѣла. Никому, напримѣръ, и въ голову не приходило, что на многолюдной сходкѣ, даже безъ выбраннаго предсѣдателя, нельзя производить судъ и расправу. Черезъ какіе-нибудь года два послѣдующей практики въ студентахъ выработались болѣе ясныя понятія,

и въ дѣлѣ Бутчика были примѣнены всѣ необходимыя гарантіи, чтобы оно получило правильный ходъ и дало удовлетворительный результатъ. А пока въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, насколько могу припомнить, было четыре случая, гдѣ сходки имѣли характеръ нѣсколько судебный; о двухъ я буду говорить немного ниже, теперь же считаю умѣстнымъ разсказать случай, который остался не безъ послѣдствій на дальнѣйшій ходъ чисто студенческихъ дѣлъ. Давно ходили слухи, что въ студенческой кассѣ далеко не все обстоитъ благополучно; что тамъ по пріятельству выдаются ссуды, и при томъ въ крупныхъ суммахъ, лицамъ далеко не нуждающимся. Вдругъ сдѣлалось достовѣрно извѣстнымъ, что Я. Утинъ получилъ 200 р. въ ссуду; Утиныхъ въ это время было трое: Яковъ, Николай и Евгеній. Отецъ ихъ, откупщикъ, считался богачомъ, и его домъ на Англійской набережной *), тогда затмевавшій всѣ другіе, былъ извѣстенъ всякому студенту. Выдача Я. Утину 200 р. вызвала между студентами крайнее возбужденіе, начались сходки. Завѣдующіе кассой объясняли дѣло такъ: Я. Утинъ, вмѣстѣ съ студентомъ Лазаревскимъ, издалъ сборникъ важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ древней Россіи, книгу полезную студентамъ; для окончательной расплаты съ типографіей ему понадобилось 200 р., которые онъ не хотѣлъ брать у отца, потому и занялъ въ кассѣ и раз-

*) Нынѣ, кажется, Полякова.

считываетъ возвратить изъ тѣхъ карманныхъ денегъ, которыя ежемѣсячно получалъ. И въ самомъ дѣлѣ Утинъ вскорѣ внесъ 200 р. Но недовольство на прежнихъ заправилъ кассы было настолько велико, что на ближайшихъ выборахъ почти весь составъ кассы былъ обновленъ, вошелъ тогда и я въ качествѣ депутата. Новому составу пришлось констатировать почти полное отсутствіе сколько-нибудь правильнаго счетоводства и рядъ выдачъ, которыхъ нельзя было оправдать ни по ихъ размѣру, ни по лицамъ, которымъ онѣ были сдѣланы. Всѣмъ этимъ студентамъ было послано приглашеніе вернуть полученныя деньги; это обращеніе почти осталось безъ отвѣта; тогда послѣ нѣкоторой отсрочки былъ вывѣшенъ въ университетѣ списокъ этихъ лицъ съ показаніемъ числящагося за ними долга. Въ числѣ ихъ былъ Всев. Крестовскій; онъ тогда уже печаталъ стихи и былъ довольно дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русскаго Слова» (изд. Кушелева-Безбородко); тѣмъ не менѣе долга своего никогда не уплатилъ.

Въ новомъ составѣ кассы были между прочимъ Ю. С. Булахъ и Заварницкій; ими были выработаны формы счетоводства, и вообще при новыхъ распорядителяхъ дѣло было упорядочено. Все шло благополучно, какъ вдругъ раскрылась растрата студентомъ-кассиромъ Бутчикомъ съ чѣмъ-то тысячи руб., но объ этомъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ.

VI.

Студенческая (русская) корпорація.

Въ корпоративномъ отношеніи положеніе студенчества за мое время отличалось поразительной неопредѣленностью, и нельзя объ этомъ не пожалѣть. Будь иначе, внутренняя жизнь нашихъ университетовъ, быть-можетъ, въ значительной степени избѣжала бы тѣхъ острыхъ кризисовъ, которые такъ часто нарушали ея нормальный ходъ. Съ разрѣшенія начальства издавался «Студенческій сборникъ» *), для веденія котораго отъ каждаго факультета избирались редакторы; вскорѣ при Сборникѣ была открыта касса для пособія нуждающимся студентамъ; для завѣдыванія ею въ помощь редакторамъ избирались депутаты, тоже по два отъ каждаго факультета. Каждый годъ какъ по Сборнику, такъ и кассѣ давался отчетъ на общей сходкѣ. Все это народилось за время попечительства кн. Щербатова (въ 1858 г., весной, онъ преждевременно оставилъ свой постъ; причина—пропускъ имъ въ «Современникѣ» проекта Кавелина объ освобожденіи крестьянъ съ землею) и такъ оставалось при И. Д. Деляновѣ. Для выборовъ необходимы были

*) Его вышло 2 выпуска. 3-й въ листахъ, почти оконченный, оставался въ типографіи, когда университетъ былъ закрытъ; однако, должно быть, нѣсколько экземпляровъ его попало на рынокъ; у меня онъ имѣется (я былъ однимъ изъ редакторовъ) благодаря деликатной любезности одного библіофила.

сходки, но на этомъ собственно и кончалось начальственное признаніе; всякаго рода другія сходки просто терпѣлись, но, конечно, студенты видѣли въ нихъ свое неотъемлемое право. На самыхъ сходкахъ не было выработано никакихъ распорядковъ относительно правильнаго функціонированія студенческой корпораціи; имѣлось лишь нѣсколько постановленій, регулировавшихъ дѣятельность кассы. Редакторы и депутаты вели спеціально возложенныя на нихъ дѣла, но не являлись представителями студенчества во всѣхъ его дѣлахъ, и въ разныхъ случаяхъ къ нимъ не обращались ни съ предложеніемъ принять на себя инпціативу, ни возлагали на нихъ исполненія тѣхъ или другихъ рѣшеній сходокъ, не касавшихся «Сборника» или кассы. Всякій студентъ и по какому угодно поводу могъ собрать сходку; многіе даже видѣли въ этомъ коренное условіе студенческой жизни, своего рода палладіумъ вольности. Какъ-то еще прошло, что не было случаевъ совсѣмъ противуположныхъ рѣшеній. И такъ продолжалось до весны 1861 г. Среди самого студенчества постоянно высказывались жалобы на случайность сходокъ и ихъ нерѣдкую безтолковость; въ то же время на выборы являлось слишкомъ мало студентовъ, даже на юридическомъ факультетѣ иногда проходили въ депутаты и редакторы какими-нибудь двумя десятками голосовъ *). Когда же возникалъ какой-

*) Былъ однако исключительный случай: открылось депутатство на юрид. факультетѣ; прошелъ слухъ, что Е. Утинъ хочетъ добиваться его, что онъ не совсѣмъ обычными спосо-

нибудь инцидентъ, то на первую сходку обыкновенно являлось довольно много, а на послѣдующую, случалось, и никто не приходилъ. Постепенно распространялось недовѣріе къ общимъ сходкамъ, но и только, — никакая реформаціонная мысль не ставилась и не обсуждалась на сходкахъ. Наконецъ, она пришла извнѣ. Послѣ исторіи съ студ. Ш. въ мартѣ 1861 г. профессора убѣдили И. Д. Делянова въ необходимости внести порядокъ въ корпоративную жизнь студентовъ, дать имъ своего рода регулирующій статутъ. Вѣроятно, съ разрѣшенія министра имъ была организована коммиссія изъ профессоровъ (предсѣдатель—Кавелинъ, а изъ членовъ припоминаю Стасюлевича, Спасовича, Б. Утина). Этой коммиссіи было вмѣнено въ обязанность пригласить соотвѣтственное число депутатовъ, спеціально для того выбранныхъ, и сообща съ ними выработать полный уставъ корпораціи (изъ студентовъ были въ коммиссіи Неклюдовъ, Чубинскій — правая, Н. Утинъ, Е. Михаэлисъ, Охановъ — лѣвая). Несмотря на то, что нѣкоторые изъ депутатовъ отъ студентовъ остались въ меньшинствѣ, коммиссія выработала полный проектъ: между прочимъ устраивался постоянный студенческій судъ подъ предсѣдательствомъ выборнаго профессора. Насколько помнится, существенное разногласіе между большинствомъ и меньшинствомъ сказалось по

бами подбираетъ себѣ партію, что было впрочемъ не вѣрно. Это всѣхъ возмутило, и мало кому извѣстный студ. П., мною рекомендованный, прошелъ болѣе чѣмъ сотней голосовъ.

вопросу, кто входитъ въ составъ студенческаго Общества; меньшинство включало въ него вольнослушателей и всѣхъ когда-либо бывшихъ студентовъ. Но лѣтомъ 1861 г. долженъ былъ оставить министерство Евграфъ Петровичъ Ковалевскій; на его мѣсто вступилъ гр. Путятинъ; при немъ Ив. Дав. перешелъ въ директора департамента, попечителемъ же сталъ генералъ Филипсонъ, а проектъ коммиссіи былъ сданъ въ архивъ.

VII.

Дѣло кассира Бутчика.

Съ давняго времени по зимамъ давались въ университетѣ концерты; начались они подъ флагомъ музыкальныхъ упражненій студентовъ (тогда до Великаго поста, кажется, частные концерты не разрѣшались), но при мнѣ въ оркестрѣ участвовалъ только одинъ студентъ Дягилевъ *). Инпціаторомъ концертовъ былъ инспекторъ студентовъ Александръ Ивановичъ Фитцтумъ-фонъ-Экштедтъ, въ свое время вѣрнѣйшій исполнитель незабвеннаго попечителя Мусина-Пушкина. Фитцтумъ былъ большой любитель музыки. Оркестръ

*) Кромѣ этихъ концертовъ давался еще одинъ въ Великомъ посту съ участіемъ итальянцевъ, всегда охотно отзывавшихся на приглашеніе студентовъ.

состоялъ подъ управленіемъ Шуберта, весьма изящно, по тогдашнимъ обычаямъ съ лицомъ, обращеннымъ къ публикѣ, помахивавшаго своей дирижерской палочкой. При доступной цѣнѣ эти концерты, хотя и не особенно высокаго достоинства, весьма усердно посѣщались публикой и давали хорошій сборъ. Чистый доходъ съ концертовъ (ихъ, помнится, бывало по десяти) инспекторъ по своему усмотрѣнію расходовалъ на нуждающихся студентовъ. Это возбуждало неудовольствіе между студентами, и на 1860—1861 г. кассѣ удалось забрать концерты въ свое завѣдываніе. Былъ приглашенъ тотъ же Шубертъ на обычныхъ условіяхъ,—3,000 руб. за всѣ концерты. Въ Рождество Шубертъ просилъ уплатить ему 1,500 р.; собрался комитетъ (т. е. редакторы и депутаты), но не въ достаточномъ составѣ, чтобы его постановленія имѣли законную силу; однако рѣшили вынуть изъ казначейскаго ящика (деньги студенческой кассы хранились въ правленіи университета у казначея) 1,500 р. и передали кассиру кассы студенту Бутчику для уплаты Шуберту. Прошло нѣкоторое время, встрѣчаетъ Шубертъ кого-то изъ распорядителей кассы и жалуется, что все еще не получилъ слѣдуемыхъ ему денегъ. До этого времени Бутчикъ не подавалъ ни малѣйшаго повода къ какимъ-нибудь неудовольствіямъ, велъ свое дѣло вполнѣ исправно. Кинулись къ Бутчику, его не находятъ дома, и только послѣ нѣсколькихъ дней удалось его разыскать. Онъ заявилъ, что деньги потерялъ, съ чѣмъ-то тысячу

рублей. Но были уже нѣкоторыя данныя, что онъ ихъ не потерялъ, а проигралъ въ клубѣ. Собрана была сходка, и ей было доложено объ этомъ необыкновенномъ казусѣ. На сходкѣ постановили: избрать судную коммиссію, просить В. Д. Спасовича принять предсѣдательство въ этомъ дѣлѣ, а самое дѣло вести путемъ публичнаго разбирательства. Прокурорскія обязанности взялъ на себя студентъ естественнаго факультета Е. Михаэлисъ, адвокатами вызвались быть студенты-юристы Неѣловъ и Френкель. Въ назначенный день состоялось разбирательство: предсѣдательствовалъ на сходкѣ В. Д. Спасовичъ; подъ предлогомъ болѣзни Бутчикъ не явился на разборъ дѣла. Послѣ того какъ закончилось судебное слѣдствіе и держалъ обвинительную рѣчь Михаэлисъ, Неѣловъ сказалъ очень недурную рѣчь; юридическая часть ея была умѣло построена на томъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній не вѣрить Бутчику въ его утвержденіи, что онъ потерялъ деньги; что свидѣтельскія показанія скорѣе говорятъ въ его пользу, чѣмъ противъ него. Покончивъ съ этой стороной, Неѣловъ, не впадая въ излишній сентиментализмъ, сумѣлъ затронуть чувствительныя струны суда и аудиторіи, напомнивъ имъ, что отъ ихъ приговора зависитъ вся будущность человѣка, только еще вступающаго въ жизнь. Послѣ рѣчи Неѣлова защита Френкеля прошла совершенно незамѣченной. Черезъ день В. Д. созвалъ новую сходку для выслушанія рѣшенія и его санкціи; онъ при этомъ произнесъ большую и

обстоятельную рѣчь, напоминающую теперешнія предсѣдательскія резюмэ. Прочитанъ былъ приговоръ судей (М. Прахова, Н. Неклюдова, Н. Утина, Городецкаго, Чубинскаго); этимъ приговоромъ Бутчикъ былъ признанъ виновнымъ въ растратѣ, приговоренъ къ удаленію изъ университета и взысканію растраченной суммы; что касается до распорядителей кассы, то на нихъ была возложена нравственная обязанность въ случаѣ несостоятельности Бутчика пополнить произведенную имъ растрату. Сходка утвердила рѣшеніе суда. Приговоръ былъ сообщенъ попечителю, который безъ возраженій и привелъ его въ исполненіе *).

Это первое публичное судебное разбирательство возбудило въ обществѣ живѣйшій интересъ; вездѣ студентовъ разспрашивали объ этомъ дѣлѣ, и мы не безъ гордости посвящали публику во всѣ тонкости новой процедуры. Иначе взглянули на этотъ первый опытъ гласнаго суда въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ сферахъ и не скрывали своего негодованія при видѣ этой дерзости студентовъ; но вѣроятно Ив. Дав. удалось все дѣло представить въ самомъ простомъ и благо-

*) Подлинный приговоръ по дѣлу Бутчика случайно хранится въ архивѣ Литературнаго Фонда. Г. Френкель въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ газетѣ „Кавказъ" въ 94 г., совершенно напрасно возлагаетъ на Неклюдова адвокатскія обязанности и распространяется о сильномъ впечатлѣніи, которое произвела его защита. Съ Бутчика ничего не удалось взыскать; растраченная имъ сумма, около тысячи руб., въ 90-хъ годахъ была внесена однимъ изъ бывшихъ распорядителей кассы въ Общество вспоможенія студентамъ петербургскаго университета.

намѣренномъ видѣ,—иначе онъ не утвердилъ бы такъ легко приговоръ суда.

Послѣ этого дѣла завелся обычай избирать на сходкахъ предсѣдателя; всему учитъ опытъ.

VIII.

Студенческая библіотека.

Частныхъ библіотекъ въ мое время въ Петербургѣ было мало, двѣ—три; но и въ лучшей изъ нихъ, Крашенинникова (бывшей Смирдина), трудно было получать студентамъ (записывавшимся обыкновенно по дешевому разряду) новые книги и журналы. Что касается до университетской библіотеки, то изъ нея можно было пользоваться только старыми книгами; новыя или почему-нибудь особенно необходимыя были по большей части на рукахъ у профессоровъ. Студентамъ Грибоѣдову и покойному П. А. Гайдебурову пришла мысль устроить на коммерческомъ основаніи библіотеку для студентовъ. Спрашивали ли они у кого-нибудь на это разрѣшенія, не знаю, но, вѣроятно, таковое было дано отъ университетскаго начальства, такъ какъ библіотека помѣщалась въ университетѣ. Хотя библіотека была частнымъ предпріятіемъ Гайдебурова и Грибоѣдова, но имъ такъ часто доста-

валось отъ своихъ подписчиковъ-студентовъ за недостатокъ книгъ и разные непорядки, что въ одинъ прекрасный день они отступились отъ библіотеки и передали ее въ руки подписчиковъ. Надо было выработать регламентъ; для этого подписчики выбрали коммиссію; долго потрудившись, коммиссія составила идеальную конституцію. Хотя библіотека и называлась студенческой, но такъ какъ пользованіе книгами было платное, то распоряжались ею только подписчики. По недовѣрію къ общимъ сходкамъ, общему собранію подписчиковъ было предоставлено лишь право выбора въ совѣтъ библіотеки. Этотъ совѣтъ, имѣвшій всѣ распорядительныя права, выбиралъ правленіе библіотеки; постановлено было, при какомъ числѣ присутствовавшихъ въ совѣтѣ или правленіи ихъ рѣшенія получали законную силу; въ помощь правленію выбирались очередные дежурные. И вотъ выборы произведены, и машина пошла въ ходъ, но на первыхъ же шагахъ сильно захромала. Помню, первое засѣданіе совѣта—не явилось необходимое число членовъ, на второе явилось еще менѣе; то же было и въ правленіи. И какъ при Гайдебуровѣ и Грибоѣдовѣ все дѣло лежало на двухъ добровольцахъ, студентахъ Лобановѣ и Яковлевѣ, такъ и затѣмъ продолжалось.

Должно-быть, весной 1861 г. меня посѣтилъ Н. Х. Бунге; онъ, кажется, былъ тогда ректоромъ въ Кіевѣ; направилъ его ко мнѣ Кавелинъ. Такъ какъ Кавелинъ заранѣе предупредилъ меня о предстоящемъ посѣщеніи Бунге и по какому

дѣлу, то я и приготовилъ, что надо было. Н. Хр. пожелалъ ознакомиться съ организаціей студенческой кассы и библіотеки, имѣя въ виду или устроить то и другое въ Кіевѣ, или существующему придать болѣе устойчивую организацію. Я далъ ему всѣ необходимыя свѣдѣнія, которыя его интересовали, и даже вручилъ копію съ устава библіотеки. Но онъ меня очень смутилъ вопросомъ (я состоялъ членомъ совѣта библіотеки):—А какъ же функціонируетъ библіотека? Скрѣпя сердце, я отвѣтилъ, что уставъ почти цѣликомъ остался на бумагѣ.—Это—наше общее зло,—съ улыбкой замѣтилъ Н. Хр.

Много ли читали студенты въ мое время и что̀ читали? Трудно отвѣтить на первый вопросъ, такъ какъ надо знать, читали ли ранѣе студенты и много ли читаютъ теперь. Слѣдуетъ принять во вниманіе два обстоятельства: слабое распространеніе между студентами знанія иностранныхъ языковъ; я припоминаю въ эту минуту болѣе десятка товарищей-земляковъ; ни одинъ изъ нихъ не зналъ ни французскаго, ни нѣмецкаго языка и не усвоилъ ихъ во время университета. Затѣмъ на русскомъ языкѣ оригинальныхъ научныхъ книгъ было безконечно мало по сравненію съ теперешнимъ временемъ; переводное издательство только начиналось (Тибленъ въ Петербургѣ и Глазуновъ въ Москвѣ, кажется, выступили не ранѣе 1859 г.); потому неудивительно, что студенты главнымъ образомъ читали журналы, въ которыхъ тогда появлялось много статей спеціальнаго характера (напримѣръ,

по судебной реформѣ), вызванныхъ разными реформами. Могу констатировать особенный успѣхъ тогда книгъ историческаго содержанія какъ между студентами, такъ и въ публикѣ.

Изъ журналовъ особенно былъ въ ходу «Современникъ»; его вліяніе было скорѣе широко, чѣмъ глубоко; этимъ я хочу сказать, что многіе быстро усвоивали его идеи *), а потомъ преспокойно устраивались чиновниками, и очень исправными, въ департаментахъ. Но вѣдь то же можно сказать и объ англоманствѣ, представителемъ котораго былъ «Русск. Вѣстникъ»; бóльшая часть тогдашнихъ новоиспеченныхъ англомановъ, и при томъ людей уже немолодыхъ, пошумѣвши нѣсколько до половины 60-хъ годовъ, вмѣстѣ со своимъ лидеромъ выбросили затѣмъ за бортъ свою англоманію безъ всякаго остатка. Всѣ идеи, которыя были пущены въ обращеніе въ первые годы эпохи реформъ, посѣяли лишь сѣмена, прорастаніе которыхъ уже зависѣло отъ дальнѣйшаго хода нашей жизни.

Говоря о библіотекѣ, не могу не вспомнить двухъ типичныхъ студентовъ—Яковлева и Лобанова. Яковлевъ беззавѣтно отдался библіотекѣ и тратилъ на нее много времени, едва успѣвая посѣщать лекціи, которыя онъ считалъ нужнымъ

---

*) Напр., еще въ началѣ 1862 г. Евгеній Утинъ былъ послѣдователемъ Молинари (весьма посредственнаго экономиста школы Сея) и врагомъ общиннаго владѣнія, а къ веснѣ сталъ такимъ горячимъ соціалистомъ, что даже для кандидатской диссертаціи выбралъ тему „О пролетаріатѣ въ древнія, среднія и новыя времена" и никакъ не соглашался удовольствоваться какимъ-нибудь однимъ періодомъ.

слушать; заботился о поддержаніи въ ней порядка, а въ особенности о пополненіи ея. Въ 62 г. весной онъ попался съ прокламаціей въ одной изъ казармъ и угодилъ подъ военно-полевой судъ; былъ приговоренъ къ смертной казни. Медленно тогда совершалась военно-судебная процедура, и нѣсколько мѣсяцевъ Яковлевъ оставался подъ этимъ приговоромъ; по Высочайшей конфирмаціи онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы на шесть лѣтъ. На каторгѣ (въ возобновленномъ «Современникѣ» были напечатаны его письма съ завода) Яковлевъ и умеръ, чуть ли не отъ тифа. Это былъ очень даровитый и въ высшей степени симпатичный юноша.

Судьба, постигшая Яковлева, только на волосъ миновала меня самого и Н. Утина. Кажется, тоже весной 62 г. Н. В. Шелгуновъ принесъ при мнѣ Утину цѣлую пачку какой-то прокламаціи *), только-что вышедшей, и просилъ между прочимъ занести нѣсколько экземпляровъ Гербелю (извѣстному переводчику). Пошли мы съ Утинымъ, а конно-гвардейскія казармы, гдѣ жилъ тогда Гербель, въ двухъ шагахъ.—Ты меня подожди на дворѣ (казармы), я только на минуточку зайду къ Гербелю.—Хожу я по двору, что-то Утинъ долго не возвращается.—Заболтался, подумалъ я. — Наконецъ показывается Утинъ, чуть не бѣжитъ. — Надо уходить скорѣе, представь себѣ, Гербеля не засталъ дома, а деньщикъ едва меня не задержалъ.—Кто вы, да за-

*) Должно быть „Къ офицерамъ“

чѣмъ? Вѣдь едва вырвался. — Черезъ день Гербель пришелъ къ Утину, извинялся и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Передъ тѣмъ случилась какая-то покража въ одной изъ офицерскихъ квартиръ, и было отдано распоряженіе внимательно слѣдить за всѣми сторонними приходящими и даже задерживать ихъ. Будь деньщикъ болѣе исполнителенъ, угодили бы мы тогда въ каторгу.

Совсѣмъ не походилъ на Яковлева его сотрудникъ по библіотекѣ Лобановъ. У него была страсть раздавать билеты, разводить публику по лекціямъ и концертамъ въ пользу студентовъ, дежурить въ разныхъ случаяхъ. И все это онъ продѣлывалъ необыкновенно серьезно. Помню такой случай. Онъ былъ арестованъ по студенческой исторіи въ числѣ самыхъ первыхъ (и, думается, именно за то, что его вездѣ можно было видѣть); мнѣ пришлось сидѣть съ нимъ нѣсколько дней въ одномъ казематѣ. Лобановъ имѣлъ какія-то надежды, что его скоро выпустятъ, такъ какъ его отецъ былъ знакомъ съ тогдашнимъ оберъ-полиціймейстеромъ Паткулемъ или съ кѣмъ-то изъ полиціи. И вотъ въ одинъ прекрасный день приносятъ въ казематъ его платье и говорятъ: одѣньтесь.—Я такъ и зналъ, что меня скоро выпустятъ,—сказалъ Лобановъ. Но вмѣсто того его препроводили въ III отдѣленіе. Насъ всѣхъ выпустили, а Лобановъ все оставался въ III отдѣленіи. Наконецъ, видя, должно-быть, непричастность его къ политикѣ, его тоже освободили. И что же? Въ тотъ самый день Лобановъ уже дежурилъ вечеромъ у входа на какое-

то чтеніе въ пользу студентовъ и разводилъ публику по мѣстамъ.

Когда сочинялся уставъ библіотеки, была у нѣкоторыхъ мысль устроить при библіотекѣ нѣчто въ родѣ студенческаго клуба, т. е., чтобы библіотека была открыта и по вечерамъ; тогда студенты могли бы приходить туда и бесѣдовать. Вѣроятно, тогдашнее начальство въ этомъ не отказало бы. Однако на первыхъ порахъ этимъ разговоромъ дѣло и кончилось. Днемъ въ библіотекѣ можно было видѣть лишь студентовъ, приходившихъ взять или вернуть книги. Правда, имѣлся столъ съ газетами, но тогда чтеніе газетъ не было въ большомъ ходу, а для всякихъ собесѣдованій могла лучше служить любая аудиторія, чѣмъ довольно тѣсное помѣщеніе библіотеки.

Здѣсь умѣстно сказать о лондонскихъ изданіяхъ. Они, конечно, доходили до студентовъ, но доставать ихъ было не легко; лишь на третьемъ курсѣ, сблизившись съ Яковлевымъ, я сталъ довольно часто имѣть «Колоколъ»; труднѣе было добывать «Полярную Звѣзду» и другія изданія, выходившія за границей; такъ, только послѣ долгихъ поисковъ, я заполучилъ «Записки Екатерины II». Надо замѣтить, что лондонскія изданія, кромѣ тѣхъ, что случайно провозились туристами, могли проникать къ студентамъ изъ двухъ источниковъ: или, такъ сказать, отъ старшихъ, т. е. по большей части людей съ оффиціальнымъ положеніемъ («Колоколъ» особенно распространенъ былъ въ кругу правительственныхъ

лицъ), вообще людей осторожныхъ, или черезъ нѣкоторыхъ книгопродавцевъ-букинистовъ, видѣвшихъ въ продажѣ ихъ хоть и рискованное, но выгодное дѣло. Изъ такихъ книгопродавцевъ, кажется, шире всѣхъ велъ дѣло И. А. Исаковъ, торговавшій подъ думой. Но цѣны брали не малыя, значитъ для большинства студентовъ не по карману.

Мое знакомство съ Герценомъ началось еще въ Вологдѣ, когда я былъ въ 7-мъ классѣ гимназіи. Въ Вологду за что-то былъ высланъ студ.-медикъ М—въ; одинъ изъ моихъ товарищей К. Поповъ свелъ съ нимъ знакомство и по нѣкоторомъ времени получилъ въ рукописи «Права русскаго народа». Поповъ подѣлился со мной новинкой.—Это написалъ Искандеръ, онъ живетъ въ Лондонѣ,—вотъ все, что Поповъ могъ пояснить при этомъ. «Права русскаго народа» такъ понравились мнѣ, что я ихъ заучилъ наизусть; а остроумный авторъ сталъ для меня какой-то миѳической личностью. Въ университетѣ первое, что попалось мнѣ въ руки, это «Лондонскій сходъ въ 1854 г.», небольшая брошюрка, въ которой были собраны рѣчи разныхъ видныхъ представителей европейской революціонной партіи; въ числѣ ораторовъ былъ и Герценъ. Я перечиталъ ее нѣсколько разъ, все было понятно; только рѣчь Саффи (одинъ изъ римскихъ тріумвировъ 49 г.) поставила меня въ большое затрудненіе; тамъ все время говорилось, что мѣщанство погубило Италію; о мѣщанахъ же я имѣлъ понятіе какъ о низшемъ городскомъ

классѣ и никакъ не могъ понять, почему мѣщане сыграли такую печальную роль въ судьбахъ Италіи. И никто изъ пріятелей не могъ разъяснить, что тутъ подъ словомъ мѣщане надо понимать bourgoisie, и какой смыслъ соединяется съ этимъ словомъ. Это однако не помѣшало мнѣ сейчасъ же усѣсться за переписку брошюры и даже усадить за ту же работу товарищей, съ которыми жилъ, хотя брошюрка и не особенно заинтересовала ихъ.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день (это было ужъ на второмъ курсѣ) настоящей бомбой влетѣла къ намъ «Сила и Матерія» Бюхнера въ литографированномъ переводѣ. Всѣ перечитали ее съ большимъ увлеченіемъ и у всѣхъ... разомъ порвались остатки традиціонныхъ вѣрованій, только Z. пытался слабо возражать. Передовыя соціально-политическія идеи, несмотря на блестящій успѣхъ «Современника», даже между молодежью имѣли сравнительно ограниченный кругъ послѣдователей, многіе впослѣдствіи легко съ ними разставались; онѣ и въ наши дни все еще должны быть на боевой позиціи; но идеи Бюхнера, Фейербаха сразу завоевали сознаніе русскаго человѣка, и никакія усилія позднѣйшей реакціи не въ силахъ были вернуть общество къ наивнымъ вѣрованіямъ прошлаго...

IX.

Великія реформы и отношеніе къ нимъ студентовъ.

Русское студенчество всегда чутко относилось къ ходу нашей общественной жизни; мое время принято называть «эпохой великихъ реформъ». Какая же изъ этихъ реформъ больше всего интересовала студентовъ? Какъ и всѣхъ тогда — крестьянская реформа. Теперь трудно себѣ представить, до какой степени интересъ къ этой реформѣ поглощалъ все вниманіе тогдашняго общества. Вотъ разъ я, еще не снявшій гимназическаго мундира, заявляюсь въ Петербургѣ къ одному бывшему учителю вологодской гимназіи, но служившему въ Петербургѣ по военному вѣдомству А. А. Мѣшкову; просидѣлъ у него цѣлый вечеръ, и все время разговоръ шелъ о крестьянской реформѣ, т. е. онъ говорилъ, а я, конечно, слушалъ. Отъ извѣстнаго рескрипта 20-го ноября 57 г. до 19-го февраля 61 г. всего три года и три мѣсяца; но этотъ сравнительно недлинный срокъ большинству общества казался чѣмъ-то безконечно долгимъ; къ нетерпѣнію видѣть реформу скорѣе законченной присоединялся вѣчный страхъ за ея судьбу, боязнь, чтобы силы, враждебныя ей, не взяли верхъ. Безъ разговора о крестьянской реформѣ не обходилось никакое собраніе, и такъ тянулось до тѣхъ поръ, пока она не стала фактомъ, да и еще нѣкоторое

время, пожалуй—до 63 года. Ловили всякія новости, слухи о ходѣ и разныхъ перипетіяхъ, переживаемыхъ реформой, и если за кѣмъ-нибудь предполагалось, что онъ можетъ что-нибудь знать, то его прежде всего засыпали вопросами,—что новаго въ этомъ дѣлѣ? Также и студенты: соберутся человѣка четыре—пять, и если въ этотъ моментъ какое - нибудь чисто - университетское дѣло не займетъ компанію, то разговоръ непремѣнно сведется на крестьянскую реформу. Ужасъ безправнаго положенія двадцати милліоновъ людей былъ у всѣхъ передъ глазами и былъ тѣмъ сильнѣе, что русское общество передъ тѣмъ его почти не замѣчало. Конечно, всѣ люди либеральныхъ взглядовъ, даже послѣдователи школы laissez faire, laissez passer, считали необходимымъ, чтобы реформа дала и экономическую обезпеченность освобожденнымъ крестьянамъ; но возвращеніе личности ея человѣческихъ правъ—вотъ что прежде всего привлекло къ крестьянской реформѣ такой интересъ со стороны общества, равнаго которому оно ни ранѣе, ни позднѣе не проявляло ни къ одному дѣлу. Я, можетъ быть, выскажу слишкомъ смѣлое утвержденіе: если бы крестьянамъ дали тогда только личную свободу, многіе ли бы сказали: такой реформы не надо, это — зло, а не реформа? Напротивъ, общій голосъ былъ бы, что это все-же благо, хотя и очень неполное. Надо еще перенестись въ ту эпоху; русское общество, до того времени знавшее только такой порядокъ жизни, гдѣ ни о какой самодѣятельности и рѣчи не могло

быть, въ одномъ словѣ «свобода» видѣло уже тотъ чарующій и цѣлительный бальзамъ, передъ которымъ не могла устоять никакая болѣзнь. И тогда было немало людей, которые хорошо сознавали крупные недочеты въ совершившейся реформѣ, но въ то же время искренно думали, что сама дальнѣйшая жизнь сдѣлаетъ необходимыя поправки, и въ концѣ-концовъ реформа принесетъ только положительные результаты.

Не говоря уже о тѣхъ студентахъ, которые по своему семейному положенію были о многомъ освѣдомлены, огромная масса молодежи благодаря урокамъ и другимъ отношеніямъ была въ курсѣ выдающихся общественныхъ новостей; многое также проникало въ студенческую среду благодаря тѣмъ студентамъ, которые бывали на утреннихъ журфиксахъ Кавелина. Конечно, студенчество было на сторонѣ самой широкой развязки крестьянскаго дѣла; были даже и такіе, правда, немногіе, которые признавали справедливымъ только даровой надѣлъ, но за-то я не встрѣчалъ студента съ крѣпостническими взглядами, или несочувственно относившагося къ надѣлу крестьянъ землею; а между тѣмъ я вращался въ самой разнообразной средѣ. отъ дѣтей князей до пришедшихъ чуть не пѣшкомъ въ Петербургъ.

Я сейчасъ упомянулъ имя Кавелина; онъ не только былъ горячимъ приверженцемъ реформы въ самомъ широкомъ смыслѣ, но, по общимъ отзывамъ, и очень хорошимъ, заботливымъ помѣщикомъ. Поэтому крайне характеренъ спо-

собѣ, какъ онъ ликвидировалъ свои отношенія къ крестьянамъ. Лѣтомъ 1861 г. онъ уѣхалъ въ деревню (Самарской губ.) и, вернувшись, съ восторгомъ разсказывалъ въ нашемъ студенческомъ кружкѣ, какъ онъ устроилъ свое дѣло; мало того, онъ находилъ, что его способъ можетъ быть очень полезнымъ примѣромъ и для другихъ; потому и написалъ объ этомъ статью, которую предполагалъ напечатать въ коршевскихъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». А развязка его отношеній съ крестьянами состояла въ томъ, что хотя сдѣлка состоялась по добровольному соглашенію, но собственно онъ выпустилъ крестьянъ на даровой надѣлъ, прибавивши къ нему сколько-то изъ солончаковъ. Покойный А. А. Рихтеръ (дирек. деп. окл. сборовъ при Бунге) не могъ безъ негодованія говорить объ этомъ дѣлѣ; онъ былъ какъ разъ мировымъ посредникомъ въ томъ участкѣ, гдѣ находилось имѣніе Кавелина. Несомнѣнно, Кавелинъ и не думалъ обобрать своихъ крестьянъ; въ этой сдѣлкѣ его увлекали двѣ вещи: первое, что она добровольная съ обѣихъ сторонъ, второе, что обѣ стороны сразу становились въ свободныя отношенія. Написанная по этому случаю статья однако не появилась; когда я спросилъ Кавелина—почему, то онъ отвѣчалъ, что нѣкоторые друзья ему отсовѣтовали печатать *).

Помню, какъ - то въ одинъ изъ утреннихъ

*) Мнѣ недавно говорили, что Кавелинъ впослѣдствіи продалъ крестьянамъ всю землю, оставшуюся за нимъ.

журфиксовъ заѣхалъ къ нему Н. В. Калачовъ и сообщилъ послѣднюю новость, что гдѣ-то не прошло предположеніе о надѣлѣ крестьянъ лѣсомъ.

— Это очень печально,—отвѣтилъ Кавелинъ; но, подумавши, можетъ-быть, съ минуту, съ живостью продолжалъ.—Но только бы развязаться съ этимъ вѣчнымъ кошмаромъ (т. е. крѣпостнымъ правомъ), этимъ бревномъ, которое лежитъ по дорогѣ и не даетъ никуда ходу; а тамъ жизнь все перемелетъ, будетъ мука.

Но возвращаюсь къ студентамъ. По сравненію съ крѣпостной реформой всѣ другія оставались какъ-то въ тѣни, и за ними уже не слѣдили съ такимъ лихорадочнымъ напряженіемъ, ихъ просто ждали какъ нѣчто неминуемое. Даже коренная реформа судопроизводства и отмѣна тѣлеснаго наказанія, особенно близкія для студентовъ - юристовъ, не возбуждали ни споровъ, ни нетерпѣнія, о нихъ не приходилось слышать,—когда же, наконецъ, это настанетъ? О проектѣ земскихъ учрежденій не только между студентами не было разговоровъ (даже въ кружкѣ Кавелина его сообщеніе о предположенной реформѣ не вызвало особеннаго вниманія), но и въ обществѣ онъ не возбудилъ большаго интереса, частью потому, что оно не отдавало себѣ яснаго отчета въ важности мѣстнаго управленія, частью потому, что общественная мысль тогда питалась желаніями и надеждами, шедшими далѣе, чѣмъ то, что̀ могли непосредственно дать земскія учрежденія.

X.

Польская студенческая корпорація.

За мое время въ петербургскомъ университетѣ было отъ 400 до 500 студентовъ-поляковъ, т. е. около трети общаго числа. Для уроженцевъ Царства Польскаго существовало на юридическомъ факультетѣ нѣсколько спеціальныхъ каѳедръ, которыя были заняты профессорами-поляками; они читали на польскомъ языкѣ. Изъ профессоровъ-поляковъ особеннымъ уваженіемъ пользовался Чайковскій, кажется, не столько за научныя достоинства, впрочемъ несомнѣнныя, сколько за свой горячій патріотизмъ, который онъ доводилъ до того, что, пробывши около двадцати лѣтъ профессоромъ петербургскаго университета, со своими русскими коллегами онъ говорилъ только по французски *). Въ то же время Чайковскій былъ

*) В. Д. Спасовичъ былъ такъ любезенъ, что не отказался въ рукописи прочитать этотъ очеркъ и сдѣлалъ два замѣчанія,—по поводу Чайковскаго. Первое — онъ не выучился русскому языку по безпечности и не говорилъ по-французски, а второе—никогда не ѣздилъ за границу. Но я самъ слышалъ на экзаменѣ, гдѣ Чайковскій былъ ассистентомъ, какъ онъ говорилъ по-французски, а что онъ со своими русскими коллегами объяснялся по-французски—это говорилъ Кавелинъ и даже пояснилъ почему. Что касается до поѣздки Чайковскаго за границу по еврейскому вопросу, то это передавалъ мнѣ Хорошевскій. Помню, разъ придя ко мнѣ, онъ разсказывалъ: „Только-что былъ у Чайковскаго, онъ вернулся изъ-за границы“ и т. д.

человѣкъ либеральныхъ взглядовъ и поэтическаго темперамента. Съ нимъ однако былъ такой случай. Въ Польшѣ началось движеніе въ пользу равноправности евреевъ; одна варшавская группа, зная либеральные взгляды Чайковскаго по этому вопросу, предложила ему поѣздку за границу для изученія еврейскаго вопроса и снабдила его необходимыми средствами. Каково же было удивленіе лицъ, пославшихъ Чайковскаго за границу, когда онъ по возвращеніи оттуда представилъ докладъ прямо противоположный тому, что ожидали. Чайковскій исходилъ изъ того соображенія, что какъ бы ни была сама по себѣ справедлива идея равноправности евреевъ, но опасно примѣнять ее къ Царству Польскому: имѣя уже весьма значительный процентъ евреевъ въ составѣ своего населенія, оно, по провозглашеніи полной равноправности, было бы совершеннно наводнено еврейскою иммиграціей изъ тѣхъ странъ Европы, гдѣ евреи еще не были уравнены въ правахъ. Какъ извѣстно, почти полная равноправность евреевъ была провозглашена въ Царствѣ Польскомъ за время управленія маркиза Велепольскаго.

Въ польской корпораціи руководящую роль играли «короніажи» (т. е. родомъ изъ Царства Польскаго) не столько благодаря своему численному преобладанію, сколько въ силу исторической традиціи—фактическаго верховенства «короны» въ общественныхъ дѣлахъ. Студенты-поляки, особенно короніажи, держали себя, когда я вступилъ въ университетъ, совсѣмъ особнякомъ

отъ русскихъ, никакого сближенія не было; самое бо̀льшее, что допускалось, —при встрѣчахъ на лекціяхъ вѣжливый поклонъ. Студенты-поляки не принимали никакого активнаго участія ни на сходкахъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ (они бывали иногда на нихъ только въ качествѣ зрителей), ни въ выборахъ въ депутаты и редакторы и никогда не обращались за пособіями въ русскую кассу. Русскіе относились къ полякамъ безъ всякой враждебности, но тоже не искали сближенія; они какъ бы признавали за поляками естественное право на обособленность. У студентовъ-поляковъ была превосходная библіотека въ нѣсколько тысячъ томовъ; конечно, она была не гласная. Всякій студентъ-полякъ имѣлъ право быть членомъ корпораціи, представителемъ которой являлся выборный комитетъ, завѣдывавшій библіотекой; вся сила и власть была въ рукахъ этого комитета. Общія собранія могли только молча вотировать предложенія, шедшія отъ комитета; всякій отдѣльный членъ не иначе могъ внести свое предложеніе въ общее собраніе, какъ черезъ комитетъ. Никто, состоя членомъ корпораціи, не имѣлъ права обращаться въ русскую кассу, такъ какъ при библіотекѣ существовала особая польская касса; также никто не могъ принять на себя званіе депутата или редактора подъ страхомъ исключенія изъ корпораціи.

Еще въ началѣ 1860 года на одномъ изъ полу-студенческихъ журфиксовъ у покойнаго Д. О. Щеглова (тогда учителя гимназіи, — о

немъ въ своемъ мѣстѣ будетъ рѣчь) я случайно разговорился со студентомъ-полякомъ Владиславомъ Юліановичемъ Хорошевскимъ; при первыхъ же словахъ онъ крайне заинтересовалъ меня. Я зналъ, что поляки представляютъ себѣ Польшу не иначе, какъ въ границахъ до «разбора»; къ великому моему удивленію Хорошевскій выразилъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно безусловныхъ правъ будущей Польши на Литву и Юго-западный край. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я замѣтилъ въ немъ отличное знакомство съ русской литературой и живѣйшій интересъ къ тогдашнему ходу нашей общественной жизни. Съ польско-русскими отношеніями я уже начиналъ ознакомливаться, и, независимо отъ текущихъ европейскихъ событій (итальянское объединительное движеніе съ Гарибальди во главѣ, внутреннія племенныя отношенія въ Австріи и т. д.), они сильно меня занимали. Интересно, что первый толчокъ въ этомъ направленіи дали нѣсколько случайныхъ разговоровъ лѣтомъ 1859 г. съ поляками, которыхъ, живя на урокахъ въ Павловскѣ, я часто встрѣчалъ на музыкѣ. Отъ нихъ я узналъ о тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыхъ примѣнялась конституція 1815 г., о томъ, что вскорѣ послѣ 1831 г. былъ изданъ «Органическій статутъ» (1832 г.), оставлявшій нѣкоторую долю самоуправленія въ чисто провинціальныхъ дѣлахъ, но что этотъ статутъ не только никогда не былъ примѣненъ, но даже и ссылаться на него значило рисковать быть высланнымъ; что и теперь по существу въ упра-

вленіи Польши ничего не измѣнилось, такъ какъ живое воплощеніе системы временъ Паскевича Мухановъ (директоръ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія) остается на своемъ посту, что Мухановъ (онъ потомъ былъ нѣкоторое время товарищемъ министра народнаго просвѣшенія при Евгр. П. Ковалевскомъ)— самая непопулярная личность изъ всего состава администраціи въ Польшѣ, что въ дѣйствительности онъ всѣмъ управляетъ, а не руина Горчаковъ. И многое другое я узналъ отъ моихъ случайныхъ собесѣдниковъ, что было для меня, еще не вполнѣ вышедшаго изъ-подъ идей Устрялова, совершенно неожиданною новостью. Спустя нѣкоторое время я сталъ посѣщать утренніе журфиксы Кавелина. Хотя до начала варшавскихъ демонстрацій на этихъ собраніяхъ польскій вопросъ и не подвергался обсужденію, однако были случаи, когда Кавелинъ высказывалъ свои горячія симпатіи къ полякамъ и признавалъ совершенно ненормальнымъ ихъ тогдашнее положеніе. Къ тому же я тогда былъ большимъ поклонникомъ «Русскаго Вѣстника» (началъ читать его еще въ гимназіи), а въ немъ несмотря на цензуру иногда замѣтно проскальзывала струйка полонофильства *).

---

*) Вотъ что мнѣ разсказывала покойная Е. Г. Бекетова, которая, равно какъ и ея мужъ А. Н., когда жили въ Москвѣ, были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Катковымъ.— Кажется, на 58 г. мы встрѣчали новый годъ у Катковыхъ; на этой встрѣчѣ, конечно, была вся редакція; послѣ разныхъ тостовъ вдругъ Катковъ вскочилъ на стулъ и провозгласилъ тостъ: за расчлененіе Россіи!—Кромѣ Вызинскаго въ составѣ

Хорошевскій во всѣхъ отношеніяхъ былъ выдающійся студентъ; высокій ростомъ, замѣтно старше большинства студентовъ, всегда съ портфелемъ подъ мышкой, въ сильно поношенномъ вицъ-мундирѣ, онъ въ университетѣ сразу бросался въ глаза *). Хорошевскій, какъ оказалось, не только пользовался большимъ значеніемъ въ польской корпораціи, но имѣлъ и многочисленныя знакомства между русскими студентами; кромѣ того онъ посѣщалъ русскіе литературные кружки, бывалъ у Чернышевскаго, Добролюбова, скоро очень близко сошелся съ Костомаровымъ, его можно было встрѣчать въ редакціи «Основы». Родился онъ, помнится, въ Курскѣ, прошелъ весь курсъ минской католической семинаріи и затѣмъ поступилъ въ петербургскую католическую духовную академію. Здѣсь онъ, кажется, пробылъ три года; но знаніе, которое давала академія, стало не удовлетворять его, къ тому же по времени у него сказался полный внутренній разрывъ съ католицизмомъ. Бѣднякъ,— его старшій братъ, небольшой чиновникъ въ департаментѣ удѣловъ, едва имѣлъ средства содержать старушку мать, — онъ не задумался оставить академію и перешелъ въ университетъ.

редакціи былъ еще полякъ Пѣховскій. Катковъ былъ большимъ поклонникомъ Мицкевича: еще въ 40-хъ годахъ онъ обратилъ вниманіе Ѳ. Берга, тогда студента, на „Пана Тадеуша“ (см. предисловіе Ѳ. Берга къ его переводу „Пана Тадеуша“).

*) Онъ даже попалъ въ карикатуру; толи въ Искрѣ, толи въ Сынѣ Отечества были изображены два студента: одинъ очень тучный (Филиппов) съ подписью: „Науки юношей питаютъ“, другой сухой, старообразный (Хорошевскій)—„Отраду старцамъ подаютъ“.

Академическое начальство, видя въ немъ личность выдающихся способностей, прилагало всѣ усилія удержать его въ академіи и даже соглашалось на крайнюю уступку: онъ могъ во всякое время уходить въ университетъ и слушать тамъ какія ему угодно лекціи. Но Хорошевскій настоялъ на своемъ.

Въ польской корпораціи онъ скоро занялъ вліятельное положеніе и былъ одно время членомъ комитета библіотеки; но и здѣсь его пытливый и впечатлительный умъ пришелъ въ столкновеніе съ господствующими взглядами и установившимися отношеніями. Католикъ только по имени, онъ, оставаясь искреннимъ полякомъ, быстро усвоилъ всѣ идеи, начинавшія тогда волновать русскую молодежь,—философскія имѣли корень въ Фейербахѣ, политическія и экономическія шли отъ французскихъ соціалистовъ. Его безстрашная логика не останавливалась ни передъ какими выводами; но сравнительная зрѣлость лѣтъ и суровая школа, которую онъ прошелъ, сдѣлали изъ него въ столкновеніяхъ съ реальною жизнью, какъ говорится, человѣка совѣта и разума. Онъ не шелъ очертя голову на проломъ, а всегда подыскивалъ способъ дѣйствій, соразмѣрный силѣ и средствамъ. Но разъ онъ усвоивалъ какую-нибудь идею, онъ не успокаивался только на абстрактномъ отношеніи къ ней. Такъ, придя къ убѣжденію, что обоюдный интересъ требуетъ возможно бо̀льшаго сближенія русскихъ и поляковъ, онъ сейчасъ же принялся проводить свои идеи въ корпораціи. Въ то время

какъ его товарищи-поляки читали «Колоколъ» и Герцена только потому, что тамъ встрѣчался интересный обличительный матеріалъ, Хорошевскій, несомнѣнно подъ сильнымъ вліяніемъ Герцена, проникся идеями славянской федераціи, на принципѣ равноправности. Сначала онъ повелъ единичную пропаганду, а затѣмъ въ видѣ пробнаго хода, выступилъ въ комитетѣ съ предложеніемъ выписывать «Колоколъ». Предложеніе было отклонено по слѣдующему мотиву: «Колоколъ» проводитъ соціалистическія идеи и идею славянской федераціи. а то и другое вредно для польскаго дѣла. Но Хорошевскій былъ не изъ тѣхъ характеровъ, которые отступаютъ передъ сопротивленіемъ. Спустя извѣстное время, онъ внесъ новое предложеніе: что корпораціи необходимо войти въ нѣкоторыя отношенія съ русскимъ студенчествомъ. И это было отвергнуто большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ,— Хорошевскаго и его вѣрнаго адепта Баратынскаго. Однако, несмотря на такую разительную неудачу, Хорошевскій при всякомъ подходящемъ случаѣ выступалъ со своей идеей, хотя до поры до времени и терпѣлъ пораженіе.

Несмотря на эту обособленность значеніе Хорошевскаго въ корпораціи нимало не пошатнулось. Когда весной 1861 г., т. е. вскорѣ послѣ первыхъ манифестацій въ Варшавѣ, рѣшено было послать туда депутаціи отъ всѣхъ польскихъ студенческихъ корпорацій. въ числѣ делегатовъ отъ петербургской корпораціи былъ и Хорошевскій. Въ Варшавѣ тогда уже ясно опре-

дѣлились два теченія: одно, поддерживая агитацію, имѣло цѣлью добиваться постепенныхъ уступокъ, другое вело движеніе прямо къ революціонному взрыву. Однимъ изъ видныхъ представителей перваго направленія былъ Юргенсъ; съ нимъ познакомился Хорошевскій и былъ совершенно имъ увлеченъ. Юргенсъ,—какъ потомъ говорилъ мнѣ Хорошевскій, — былъ арестованъ еще до возстанія и умеръ въ варшавской цитадели.

Самый ходъ жизни явился на поддержку идеямъ, съ пропагандой которыхъ выступалъ въ корпораціи Хорошевскій. Оставляя въ сторонѣ Варшаву, укажу на два случая, одновременно имѣвшіе мѣсто въ Петербургѣ: панихида въ католическомъ соборѣ по пяти убитымъ въ Варшавѣ при подавленіи манифестаціи 13-го февраля 1861 г. и похороны Шевченка. О предстоящей панихидѣ было своевременно извѣстно въ университетѣ, и на нее явилась масса русскихъ студентовъ, а также нѣкоторые изъ русскихъ профессоровъ, напр., Костомаровъ, Борисъ Утинъ и другіе; само собой понятно, что студенты - поляки были въ полномъ сборѣ, равно какъ и профессора-поляки. Было также много публики, конечно, главнымъ образомъ польской, такъ что обширный соборъ былъ переполненъ. Прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ, но у меня и теперь какъ передъ глазами тотъ моментъ панихиды, когда для насъ, русскихъ, совершенно неожиданно раздалось пѣніе польскаго гимна, и всѣ поляки въ одно мгновеніе пали на колѣни. И надо было видѣть воз-

бужденное выраженіе ихъ лицъ! Одни точно изваянія стояли со взоромъ, обращеннымъ къ алтарю, у другихъ ручьемъ лились слезы.

Вслѣдъ за панихидой состоялись похороны Шевченка (28-го февраля). Имя его и теперь не особенно популярно между поляками, а при жизни они видѣли въ немъ лишь пѣвца братоубійственной розни и ненависти; но въ этотъ моментъ все было забыто, и польская корпорація въ полномъ составѣ проводила Шевченка на кладбище. Тамъ Хорошевскій отъ имени поляковъ сказалъ на польскомъ языкѣ очень умное и теплое слово; оно потомъ было напечатано въ «Основѣ».

Но вотъ въ университетѣ прошелъ слухъ, что по поводу панихиды начинается слѣдствіе, что предполагаютъ привлечь къ отвѣтственности только студентовъ-поляковъ, а присутствіе русскихъ рѣшено игнорировать. Тогда русскіе студенты постановили: представить въ слѣдственную коммиссію подписные листы въ доказательство, что и они были на панихидѣ. Началось собираніе подписей. Помню, мой землякъ Перовъ проситъ дать ему подписаться. — Да вѣдь вы же не были.—Все равно, пусть будетъ болѣе подписей.—И думаю, что такихъ было немало. Вѣроятно, освѣдомленный о томъ, что происходитъ въ университетѣ, пріѣзжаетъ попечитель И. Д. Деляновъ и какъ-разъ наталкивается на студента Ш., у котораго въ рукахъ былъ одинъ изъ подписныхъ листовъ.—Покажите, что у васъ за бумага,—сказалъ попечитель. — Нѣтъ не по-

кажу,—отвѣтилъ Ш.—Я вамъ говорю какъ попечитель, покажите.—Нѣтъ.—Вы или покажете, или должны будете оставить университетъ.—Нѣтъ, не покажу. — Попечитель тотчасъ же уѣхалъ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, чего домогался попечитель, сейчасъ же собралась сходка; на ней, тоже и ранѣе, самую главную роль играли покойные Н. А. Неклюдовъ и Чубинскій (впослѣдствіи извѣстный своими статистическими изслѣдованіями); первый сказалъ крайне страстную рѣчь; второй съ малороссійскимъ юморомъ что̀ называется по косточкамъ разобралъ Ивана Давыдовича. Не извѣстно, чѣмъ бы вся эта исторія кончилась, если бы не вмѣшались профессора. Долго И. Д. стоялъ на своемъ,—или онъ оставитъ попечительство, или Ш. долженъ покинуть университетъ; но, наконецъ, сдался: отказался отъ требованія объ удаленіи Ш. и согласился остаться попечителемъ *).

Я тогда по обязанности одного изъ редакторовъ Студенческаго Сборника 3 вып. завѣдывалъ его печатаніемъ, и поэтому мнѣ пришлось познакомиться съ Іосафатомъ Петровичемъ Огрызко, въ типографіи котораго печатался этотъ выпускъ. Помнится, въ то время онъ занималъ еще незначительное мѣсто столоначальника по золотому дѣлу въ горномъ департаментѣ, однако имѣлъ большія связи въ русскомъ обществѣ и даже въ

*) Ш. живъ и по сей день, его имя иногда встрѣчается въ качествѣ сотрудника по юридическимъ вопросамъ въ ультра-реакціонныхъ органахъ.

высшихъ его слояхъ; въ литературныхъ кругахъ (онъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Кавелина *) его имя стало извѣстно какъ редактора польской газеты Slovo; этой газеты, выходившей въ 1859 г. въ Петербургѣ, появилось только пятнадцать нумеровъ; за помѣщеніе письма Іоахима Лелевеля **), чисто историческаго содержанія, она была запрещена, а Огрызко даже посаженъ въ крѣпость, но вскорѣ выпущенъ. Вотъ что, уже въ Сибири, разсказывалъ мнѣ Огрызко. Тогда цензура была въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; письмо было

*) Дружескія чувства къ Огрызко К. Д. сохранилъ до конца своей жизни. Когда Огрызко былъ въ ссылкѣ, Кавелинъ обратился съ письмомъ къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, прося о смягченіи участи Огрызко. Послѣдствіемъ этого письма былъ переводъ Огрызко то ли въ Верхоленскъ, то ли разрѣшеніе проживать въ Иркутскѣ. А вотъ что мнѣ писалъ Огрызко (изъ Иркутска) о своихъ отношеніяхъ къ Кавелину; изъ письма 16 апр. 86 г. «Я до сихъ поръ не могу забыть потери самаго дорогого мнѣ человѣка К. Д. Кавелина. Повѣрите ли, что, получивъ телеграмму, я плакалъ какъ ребенокъ. Живя здѣсь, я не переставалъ вѣрить, что можетъ быть придетъ время увижусь (съ нимъ). Съ мыслью этою я никогда не разставался, и вдругъ всѣ мечты мои разсѣялись. Телеграмму о его смерти я получилъ на другой день по полученіи брошюры его (Задачи Этики), которую онъ послалъ мнѣ въ началѣ апрѣля (1885 г.). Со дня ссылки я терялъ многихъ друзей, но смерть Кавелина больше всѣхъ опечалила меня. Я потерялъ обыкновенную мою энергію, состарился и до сихъ поръ не могу какъ бы опомниться. Напишите мнѣ, что знаете о его болѣзни и смерти. Этимъ истинно обяжете меня"; въ письмѣ 16 янв. 87 г. „Въ послѣдніе годы, во все время бытности его (Кавелина) въ Петербургѣ (до поѣздки его за границу и по возвращеніи оттуда) не было недѣли, въ которой мы не провели бы двухъ, трехъ вечеровъ вмѣстѣ и большею частью вдвоемъ".

**) Въ польской эмиграціи Лелевель считался главой демократической партіи.

пропущено И. Д. Деляновымъ, въ качествѣ попечителя, непосредственнаго начальника цензуры въ Петербургѣ.—Когда меня посадили въ крѣпость, И. Д. рыцарски-благородно держалъ себя; онъ ѣздилъ къ Долгорукову (шефу жандармовъ) и вездѣ заявлялъ, что письмо пропущено имъ, что потому только онъ одинъ и долженъ понести отвѣтственность за него.

Хотя впослѣдствіи судьба и свела меня съ Огрызко въ одномъ дѣлѣ (т. е. насъ вмѣстѣ судили), но всѣ мои отношенія къ нему ограничились сношеніями по печатанію «Сборника»; никакихъ другихъ никогда не было. Вскорѣ послѣ исторіи со студентомъ Ш. я былъ у Огрызко; естественно, что разговоръ зашелъ о ней; онъ рѣзко порицалъ поведеніе студентовъ въ этомъ дѣлѣ и заключилъ свои слова такъ:— Конечно И. Д. въ данномъ случаѣ поступилъ опрометчиво, это я ему прямо и высказалъ; но все-же студенты должны дорожить такимъ попечителемъ, какъ И. Д.

Вскорѣ для извѣстныхъ цѣлей изъ имени Огрызко сдѣлали страшилище, его злоумышленныя козни находили вездѣ и во всемъ. И когда въ 1883 г. всѣмъ полякамъ, сосланнымъ въ Сибирь по 1863 г., было дозволено вернуться на родину, ему пришлось умереть въ Сибири.

Въ 1883 г. Огрызко жилъ въ Иркутскѣ. Тогдашній губернаторъ ген. Шелашниковъ, основываясь на коронаціонномъ милостивомъ манифестѣ, выдалъ ему свидѣтельство о возвращеніи правъ прежняго состоянія и паспортъ на свобод-

ное проживаніе по всей имперіи. Получивъ все это, Огрызко подалъ прошеніе о выдачѣ ему свидѣтельства на занятіе золотымъ промысломъ, —у него были пріиски на чужое имя, и онъ хотѣлъ формально закрѣпить ихъ за собой. Золотопромышленное свидѣтельство подписывается генералъ - губернаторомъ; когда заготовленное свидѣтельство было представлено на подпись генералъ-губернатора Анучина, тотъ не только отказался подписать его, но еще распорядился объ отобраніи у Огрызко паспорта, основываясь на томъ, что милостивый манифестъ не можетъ быть примѣненъ къ Огрызко. Послѣдній жаловался въ сенатъ, но безуспѣшно. Ему однако было разрѣшено выѣхать въ Уфимскую губернію, но этимъ разрѣшеніемъ онъ не воспользовался по очень простому соображенію: въ Иркутскѣ на него уже никто не обращалъ никакого вниманія, а въ Уфимской губерніи онъ опять попадалъ въ положеніе фактически поднадзорнаго, да еще съ очень громкимъ именемъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Огрызко въ 1884 г. въ Иркутскѣ, возвращаясь изъ случайной поѣздки на Олекму. Онъ тогда уже былъ плохъ здоровьемъ и очень ослабѣлъ зрѣніемъ. Трудно забыть наше прощаніе. Я выѣхалъ изъ Иркутска подъ ночь, со мной сѣлъ въ тарантасъ Огрызко и провожалъ до перевоза черезъ Ангару. Ночь была лунная; блѣдное, впалое лицо Огрызко поражало своимъ грустнымъ выраженіемъ. Вотъ мы остановились у перевоза; слабымъ, прерывистымъ го-

лосомъ говорилъ онъ: -Еще разъ прошу васъ, повидайте моихъ друзей, пусть поддержатъ мою просьбу въ сенатѣ; мнѣ бы только взглянуть на родину, обнять старыхъ друзей, а затѣмъ я опять вернусь въ Сибирь *).

Послѣднія слова объясняются тѣмъ, что его золотопромышленное дѣло, правда, небольшое, шло неудачно, были долги, и онъ считалъ дѣломъ чести вернуться въ Сибирь, чтобы при первомъ благопріятномъ случаѣ по возможности со всѣми разсчитаться.

По пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ вскорѣ довелось быть у И. Д. Делянова; я разсказалъ ему, съ какою теплотой вспоминалъ о немъ Огрызко

---

*) Послѣ того Огрызко писалъ мнѣ. 16 апр. 86 г. „Удастся ли мнѣ вырваться отсюда чтобы хоть повидаться съ дорогими моему сердцу? Тяжело здѣсь жить“. 27 янв. 87 г. „Чувствую упадокъ силъ физическихъ и едва ли дождусь того времени, когда мнѣ разрѣшатъ выѣхать отсюда. Въ 84 г. послѣдовало особое Высочайшее повелѣніе (по докладу Оржевскаго), чтобы, несмотря на примѣненіе ко мнѣ Сенатомъ манифеста 83 г. и совершенное помилованіе,—оставить меня подъ гласнымъ надзоромъ полиціи и разрѣшить поселиться только въ Уфимской губерніи, а если не пожелаю, то оставить въ Иркутской губерніи впредь до особаго распоряженія. Распоряженіе это вѣроятно послѣдуетъ послѣ моей смерти, такъ-какъ срокъ не назначенъ, а здоровье мое видимо съ каждымъ днемъ становится хуже и хуже. По послѣднимъ правиламъ высылаемымъ сюда подъ гласный надзоръ самый длинный срокъ назначается 5 лѣтъ, послѣ чего они дѣлаются совершенно свободными; мнѣ же и этого не предоставлено, да и самый надзоръ, при моихъ занятіяхъ, стѣснителенъ; но нечего дѣлать, буду ждать. Больно одно, что самые близкіе мнѣ люди, которыхъ бы хотѣлось хоть разъ еще въ жизни увидѣть и обнять, одинъ за другимъ умираютъ... Если удастся прожить еще 5, 6 лѣтъ, то пожалуй незачѣмъ будетъ и возвращаться“.

Это письмо было послѣднее полученное мной отъ Огрызко, онъ вскорѣ умеръ.

по поводу исторіи съ «Slovo».—Ну, какъ онъ, бѣдный, поживаетъ? Вотъ ужъ никогда не могъ себѣ представить, что онъ такую роль игралъ! Можно было предполагать, что онъ давалъ деньги, помогалъ связями, совѣтами; но мнѣ Муравьевъ говорилъ: «S. больше его виноватъ, но остался цѣлъ, потому что не попалось ни одной буквы, писанной его рукой. Не то Огрызко, все его рукой писано, всѣ распоряженія, инструкціи и т. п.»—И. Д., отвѣчалъ я, ужъ 20 лѣтъ прошло; теперь нѣтъ надобности замалчивать; вѣдь я вмѣстѣ съ Огрызко стоялъ на объявленіи конфирмаціи *), и ничего подобнаго не читалось.

Приговоръ объ Огрызко ближайшимъ образомъ былъ основанъ на показаніяхъ поляка-офицера К—го и его собственныхъ признаніяхъ; никакихъ письменныхъ документовъ, компрометтирующихъ Огрызко, въ дѣлѣ не имѣлось. Теперь трудно ска-

*) Дня черезъ два послѣ объявленія конфирмаціи назначена была отправка партіи: этапный путь изъ Вильно шелъ черезъ Петербургъ. Собрали насъ всѣхъ на тюремномъ дворѣ (помнится. 31-го декабря 1865 г.). Вдругъ пріѣхалъ виленскій гражданскій губернаторъ Панютинъ (онъ впослѣдствіи былъ при Тотлебенѣ въ Одессѣ).—Гдѣ Огрызко? спросилъ Панютинъ, и когда ему указали на Огрызко, быстро направился къ нему.—Это что!—закричалъ Панютинъ, замѣтивши у Огрызко собственныя теплыя перчатки на рукахъ, и самъ сталъ срывать ихъ... — Отдѣлить его, посадить въ отдѣльную камеру, никого къ нему не допускать, давать ему ѣду изъ общаго котла!—Огрызко сейчасъ же отвели, а насъ отправили обычнымъ порядкомъ. Что касается Огрызко, то онъ былъ особо препровожденъ прямо въ Москву, а оттуда безъ всякихъ остановокъ въ Тобольскъ. Въ Вильно, повидимому, опасались, что Огрызко. попавъ въ Петербургъ, при посредствѣ своихъ друзей съ Гротомъ во главѣ могъ добиться пересмотра своего дѣла

зать, что̀ въ признаніяхъ Огрызко была правда, что̀ онъ просто принялъ на себя, такъ какъ свои показанія онъ далъ послѣ того, какъ ему было заявлено въ слѣдственной коммиссіи, что дальнѣйшее съ его стороны запирательство поведетъ къ аресту массы людей, списокъ которыхъ и былъ предъявленъ ему.

Но возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Надо сказать, что вѣсть о варшавскихъ жертвахъ произвела ошеломляющее впечатлѣніе не на одну только молодежь; въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ она вызвала глубокую печаль. Вѣроятно, подъ вліяніемъ такого общественнаго настроенія дѣло о панихидѣ было оставлено безъ всякихъ послѣдствій. Вскорѣ управляющій III отдѣленіемъ генералъ Тимашевъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ) покинулъ свой постъ. Ходилъ слухъ, что онъ на одномъ обѣдѣ громко выразилъ свое неудовольствіе на слабость русскихъ властей въ Варшавѣ, недостаточно прибѣгающихъ къ аггрессивнымъ мѣрамъ. На обѣдѣ присутствовалъ англійскій посолъ, который на другой день и заявился къ Горчакову.—Генералъ Тимашевъ,—будто сказалъ посолъ,—занимаетъ очень важный постъ; мнѣнія его насчетъ польскихъ дѣлъ раздѣляетъ ли русское правительство?—Такъ ли было въ дѣйствительности, не знаю, но неожиданная отставка Тимашева не могла не подать повода къ разнымъ толкамъ. По другой версіи его уходъ связывался съ какой-то запоздалой интригой противъ 19-го февраля.

Студенты-поляки были тронуты рѣшеніемъ русскихъ студентовъ заявить, что и они присутствовали на панихидѣ. Въ корпораціи опять былъ поднятъ вопросъ о болѣе тѣсномъ сближеніи съ русскими, и на этотъ разъ предложеніе уже имѣло за себя внушительное число голосовъ; но комитетъ былъ попрежнему противъ оффиціальнаго сближенія, однако сдѣлалъ уступку: допускалъ, что никому не могутъ быть поставлены въ упрекъ его личныя тѣсныя связи съ русскимъ студенчествомъ и участіе въ его дѣлахъ. Но это рѣшеніе такъ было дурно принято въ корпораціи, что заправилы комитета, видя, что имъ не остановить движенія, прибѣгли къ остроумному рѣшенію: закрыть корпорацію, какъ нѣчто оффиціально существующее, и предоставить всѣмъ и каждому поступать какъ ему угодно.

Помнится, въ мартѣ 1861 г. по иниціативѣ русскихъ студентовъ и при дѣятельномъ участіи Хорошевскаго состоялось собраніе делегатовъ изъ русскихъ и польскихъ студентовъ. Оно происходило въ квартирѣ Н. А. Неклюдова въ Соловьевскомъ переулкѣ. Открылось оно чтеніемъ стиховъ, сочиненныхъ на этотъ случай Н. Утинымъ (ему же принадлежитъ посланіе къ М. И. Михайлову, написанное въ крѣпости). Потомъ Утинъ же произнесъ длинную и горячую рѣчь насчетъ братства и необходимости въ виду историческаго момента предать забвенію всѣ счеты прошлаго... Не помню, кто еще изъ русскихъ говорилъ; изъ поляковъ выдѣлился молодой Болеславъ Маркевичъ (впослѣдствіи высланный въ

Казань и давно умершій), блестящій ораторъ и, несмотря на свою молодость, въ то время самый вліятельный въ корпораціи, если не считать Оскара Авейды *). Поляки говорили вообще сдержаннѣе; не отклоняя протягиваемой руки, они однако во всѣхъ своихъ рѣчахъ подчеркивали, что у нихъ на первомъ планѣ стоитъ свое собственное дѣло — борьба за освобожденіе Польши. На это Утинъ отвѣчалъ (а изъ русскихъ онъ больше всѣхъ говорилъ), что русская молодежь въ этомъ отношеніи вполнѣ на сторонѣ поляковъ. Тутъ я нашелъ, что пришла минута свести бесѣду на болѣе реальную почву, и предложилъ полякамъ высказаться насчетъ Литвы и Юго-западнаго края, такъ какъ,—говорилъ я,—отъ той или другой постановки этого вопроса зависитъ отношеніе русскаго общества къ польскому дѣлу. Не знаю, что̀ отвѣтили бы поляки, но Н. Утинъ сталъ горячо возражать противъ моего запроса.—Здѣсь не мѣсто,—воскликнулъ онъ,—поднимать разговоръ о томъ, что̀

---

*) Этотъ Оскаръ Авейда еще на студенческой скамьѣ былъ уже въ курсѣ польскаго движенія и очень скоро сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ заправилъ партіи, которая вела дѣло къ возстанію. Случайно арестованный, кажется, подъ именемъ Шмидта (его однако выдала, какъ говорилъ мнѣ Гогель, членъ особой слѣдственной коммиссіи въ Вильно, перемѣна цвѣта волосъ, — сидя подъ арестомъ, изъ брюнета онъ сталъ шатеномъ) въ Вильно, уже во время Муравьева, онъ далъ столь обширныя показанія, что былъ переведенъ въ Варшаву. Тамъ его дальнѣйшія разоблаченія дали такой богатый матеріалъ, что послужили къ выясненію многихъ обстоятельствъ польскаго движенія съ самаго его начала. Онъ же далъ отдаленное указаніе на Огрызко, такъ какъ самъ прямыхъ отношеній съ нимъ не имѣлъ.

до сихъ поръ раздѣляло поляковъ и русскихъ; мы собрались, чтобы установить сближеніе во имя общихъ цѣлей; у русской и польской молодежи, проникнутой демократическими идеями, не можетъ быть разногласія въ конечныхъ стремленіяхъ, и т. п. Утинъ увлекъ за собой остальныхъ русскихъ, и мой запросъ, никѣмъ не поддержанный, былъ, молчаливо, снятъ съ очереди.

На другой день я видѣлъ Хорошевскаго. Онъ понималъ всю важность поднятаго мною вопроса, такъ какъ признавалъ, что замалчиваніе спорныхъ пунктовъ русско-польскихъ отношеній не можетъ принести пользы ни той, ни другой сторонѣ; онъ даже не высказалъ мнѣ ни малѣйшаго упрека за несвоевременность моихъ словъ, а только сказалъ:—Настроеніе нашихъ было очень хорошее до момента, когда вы выступили, ваши слова раскрыли зіяющую пропасть.—Весьма возможно, что посланіе, которое чрезъ нѣсколько дней адресовалъ намъ Болеславъ Маркевичъ, было написано подъ впечатлѣніемъ моихъ словъ; въ этомъ посланіи, очень горячо редактированномъ, Маркевичъ, признавая всю цѣну сочувствія русской молодежи, вѣря ея искренности, допуская даже общность цѣлей, тѣмъ не менѣе высказалъ глубоко пессимистическую, но скоро фактами оправдавшуюся мысль. — Придетъ моментъ,—говорилъ онъ,—когда, можетъ быть, противъ всѣхъ доводовъ логики, сила чувствъ, сложившихся благодаря прошлому, броситъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ васъ, такъ какъ намъ нѣтъ возможности забыть, что вы принад-

лежите къ народу, который нанесъ полякамъ самыя тяжелыя раны.

Насталъ осенній семестръ 1861 г., и разыгралась студенческая исторія. Считаю долгомъ совѣсти снять съ поляковъ взведенное на нихъ обвиненіе, что они играли въ этомъ дѣлѣ роль ловкихъ провокаторовъ, а русскіе студенты представляли изъ себя не болѣе какъ панургово стадо *). На собраніяхъ руководящаго кружка бывалъ польскій делегатъ (помнится, Пржевускій), но онъ не дѣлалъ никакихъ предложеній, не вмѣшивался въ пренія, и все, что мы отъ него слышали, — что студенты-поляки не откажутъ намъ въ своей поддержкѣ. Они дѣйствительно бывали на сходкахъ, участвовали въ шествіи къ попечителю (генералу Филипсону); многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и Хорошевскій, были арестованы. Хорошевскій въ студенческой исторіи держалъ себя совершенно какъ русскій студентъ; онъ даже вмѣстѣ со мной редактировалъ адресъ къ министру (Путятину) и былъ 27-го сентября въ числѣ депутатовъ, отправленныхъ къ нему.

Ни съ кѣмъ даже изъ русскихъ студентовъ я не былъ такъ близокъ, какъ съ Хорошевскимъ; мы

---

*) Привычка ко всему припутывать поляковъ иногда приводитъ къ забавнымъ промахамъ. В. И. Модестовъ (Воспоминанія о В. Г. Васильевскомъ), указывая на разныя обстоятельства, которыя ему и его товарищамъ мѣшали на 4-мъ курсѣ спокойно и усидчиво заниматься, въ числѣ ихъ приводитъ и польское движеніе. Но самъ же В. И. свидѣтельствуетъ, что онъ кончилъ курсъ весной 1860 г., осенью того же года уѣхалъ учительствовать въ Петрозаводскъ. Между тѣмъ польское движеніе для русскаго общества свалилось какъ снѣгъ на голову въ февралѣ 1861 г.

очень часто видались. Всякій разговоръ съ нимъ былъ для меня живой и поучительной лекціей, такъ какъ по сравненію со мной онъ обладалъ огромнымъ и продуманнымъ историческимъ знаніемъ, при томъ почерпнутымъ изъ первыхъ рукъ. У насъ постепенно сказалось не только единство взглядовъ, но и одинаковость пониманія того, какъ ихъ надо проводить въ жизни; весной 1862 г. мы даже рѣшили основать особое общество; но онъ скоро получилъ заграничную командировку, а я, оставшись одинъ, примкнулъ къ «Землѣ и Волѣ». У насъ и въ частной жизни не было секретовъ; а его братъ Антонъ и старушка-мать относились ко мнѣ, какъ къ своему родному; когда ему понадобились деньги на поѣздку въ Варшаву (о ней было сказано выше), онъ обратился ко мнѣ. И какъ забыть хоть бы такой случай. Послѣ «думской исторіи» члены студенческаго комитета имѣли основаніе опасаться ареста; собрались на засѣданіе, чтобы намѣтить лицъ, которыя въ такомъ случаѣ могли бы принять на себя дальнѣйшее руководительство студенческими дѣлами. На засѣданіи былъ Хорошевскій, хотя онъ и не состоялъ членомъ комитета (онъ и Неклюдовъ очень часто приглашались на засѣданія комитета, потому оба и фигурируютъ на фотографической группѣ вмѣстѣ съ членами комитета). Кончилось засѣданіе, и стали расходиться.—Постойте, Л. Ф., — сказалъ Хорошевскій, — дайте мнѣ адресъ вашей матушки; вѣдь я знаю, что вы посылаете ей деньги, такъ въ случаѣ чего я позабочусь о ней.

Пробывъ годъ за границей, Хорошевскій лѣтомъ 1863 г. неожиданно вернулся въ Петербургъ и, явившись къ Головнину, просилъ освободить его отъ заграничной командировки.—Почему? спросилъ Головнинъ. — Я посланъ для приготовленія къ каѳедрѣ русской исторіи *), а при измѣнившихся условіяхъ, какъ полякъ и католикъ, развѣ я могу получить эту каѳедру? — Вы правы, сказалъ Головнинъ; — такъ поѣзжайте готовиться по славянскимъ нарѣчіямъ. Скрѣпя сердце онъ принялъ новое назначеніе,— славянскіе языки не особенно его интересовали.

Въ этотъ пріѣздъ Хорошевскій говорилъ мнѣ, что одно время совсѣмъ рѣшилъ пойти въ повстанцы, но сами же поляки удержали его.— Какой ты солдатъ?! Ты можешь еще пригодиться родинѣ на болѣе соотвѣтствующемъ поприщѣ.

Окончательно Хорошевскій вернулся въ Петербургъ весной 1864 г. Прежде чѣмъ готовиться къ магистерскому экзамену, надо было чѣмъ-нибудь жить; онъ просилъ у Ивана Давидовича мѣсто учителя въ Петербургѣ.—Нѣтъ, къ сожалѣнію. — Въ провинціи. — Тоже нѣтъ. Хорошевскій, понимая, что̀ значитъ этотъ отказъ, сказалъ:—Такъ не можете ли дать хоть мѣсто учителя уѣзднаго училища.—Представьте себѣ, нѣтъ ни одной вакансіи во всемъ округѣ. Только по непосредственному распоряженію Голов-

*) Дѣльная кандидатская диссертація Хорошевскаго была, помнится, объ Іосифѣ Волоцкомъ.

нина онъ получилъ мѣсто сверхштатнаго учителя русскаго языка въ Ларинской гимназіи.

Я тогда жилъ на Васильевскомъ Островѣ, и Хорошевскій постоянно бывалъ у меня. Онъ былъ совершенно убитъ печальнымъ исходомъ возстанія; несомнѣнно, онъ сознавалъ, что возстаніе было затѣяно опрометчиво, что въ самомъ веденіи его было сдѣлано много ошибокъ, но ни одного слова упрека я не слышалъ отъ него по адресу людей, которыхъ можно считать отвѣтственными за катастрофу. Не разъ я видѣлъ слезы на его глазахъ, когда заходила рѣчь о жертвахъ. Что еще поддерживало его, такъ мечта быть чѣмъ-нибудь полезнымъ своему родному народу; онъ уже тогда только и думалъ, какъ бы получить каѳедру въ варшавской Главной школѣ.

Другою темою разговоровъ были разсказы Хорошевскаго изъ его тогдашней педагогической практики (кромѣ гимназіи онъ долженъ былъ еще давать частные уроки). Съ необыкновенною радостью и любовью говорилъ онъ о всякомъ проявленіи способностей или интереса къ знанію у своихъ учениковъ. Чтобы отвлечь его отъ удручающихъ воспоминаній, я нерѣдко самъ наводилъ разговоръ въ эту сторону. Какъ онъ тогда оживлялся, начиналъ объяснять, какъ готовится къ урокамъ, подбираетъ для нихъ матеріалъ, наиболѣе способный возбуждать самостоятельную работу мысли учениковъ; вооружался противъ бездушной дисциплины (а она была еще далеко не такъ сурова, какъ спустя

какія-нибудь пять – шесть лѣтъ).—Изъ ученика,—говорилъ онъ,—все можно сдѣлать, дѣйствуя только на его лучшіе инстинкты, и ничего не добьешься путемъ формы и приказа.

Будучи за границей, Хорошевскій побывалъ во всѣхъ главныхъ центрахъ западнаго славянства. Его сужденія о тамошнихъ общественныхъ отношеніяхъ, партіяхъ, выдающихся дѣятеляхъ были такъ вѣрны и мѣтки, что когда черезъ двадцать лѣтъ я самъ сталъ бывать въ этихъ краяхъ, то, возстановляя въ памяти разсказы Хорошевскаго, нашелъ въ нихъ неоцѣненнаго руководителя.

Въ декабрѣ 1864 года я былъ арестованъ и вернулся въ Россію только въ 1875 году; за этотъ промежутокъ времени у меня оборвались всякія сношенія со старыми друзьями и товарищами. Понятно, что, попавши въ Петербургъ, я чуть не первый вопросъ задалъ: Гдѣ и что Хорошевскій? И тутъ мнѣ пришлось услышать то, что отозвалось такою болью, что всю остроту ея чувствую и по сей день. Хотя Хорошевскій и бывалъ въ Петербургѣ, но мы болѣе не встрѣчались, и я знаю только внѣшніе факты его жизни. Въ 1865 году онъ женился на чешкѣ, съ которою познакомился еще въ Прагѣ; въ томъ же году получилъ мѣсто профессора въ Главной школѣ въ Варшавѣ; затѣмъ сталъ директоромъ одной изъ варшавскихъ гимназій; но здѣсь оказался plus royaliste que le roi и былъ переведенъ въ Харьковъ съ миссіей подтянуть одну изъ тамошнихъ гимназій. Однако въ ис-

полненіи этой миссіи онъ пошелъ дальше, чѣмъ находило нужнымъ само высшее начальство, и подалъ въ отставку. Потомъ дослуживалъ до пенсіи въ должности директора волчанской учительской семинаріи. Умеръ въ концѣ 1900 года. Еще въ Польшѣ онъ и его жена одновременно приняли православіе; его же отношенія къ своимъ бывшимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ характеризуетъ разсказъ, который я слышалъ отъ покойнаго В. Г. Васильевскаго, рано отрезвившагося отъ всякаго полонофильства: —Недавно здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) былъ Хорошевскій; странно было его слушать, когда онъ говорилъ о полякахъ: «они, поляки».

О Хорошевскомъ есть вдумчиво написанный некрологъ В. П. Модестова «Несчастный человѣкъ» («С.-Пет. Вѣд.», конецъ 1900 г.). Судьба и въ послѣднюю минуту отмѣтила своимъ крестомъ этого человѣка. Онъ умеръ и схороненъ во Флоренціи, равно вдали какъ отъ своихъ кровныхъ единоплеменниковъ, такъ и отъ тѣхъ, къ которымъ пытался пристать.

XI.

Профессорская корпорація.

Какъ уже сказано ранѣе, я поступилъ въ петербургскій университетъ въ 1858 г. Нельзя сказать, чтобы новыя вѣянія замѣтно отразились на университетѣ; на всѣхъ факультетахъ царили профессора стараго закала. Такъ, на юридическомъ факультетѣ деканомъ былъ Калмыковъ, человѣкъ, быть-можетъ, большой учености, но совершенно окаменѣлый; а между тѣмъ онъ читалъ для начинающихъ самый важный предметъ—энциклопедію законовѣдѣнія, въ которую входила исторія философіи права. За нимъ шелъ Шнейдеръ, сорокъ лѣтъ занимавшій каѳедру римскаго права только потому, что некѣмъ было его замѣстить; Кранихфельдъ, излагавшій финансовое право по системѣ Свода Законовъ; Ивановскій по государственному праву европейскихъ державъ (въ 1849 году этотъ предметъ былъ упраздненъ и возобновленъ, кажется, въ 1856 г.) и международному; о немъ говорили, что въ сороковыхъ годахъ это былъ блестящій лекторъ и выдающійся знатокъ англійскаго государственнаго права, но въ мое время Ивановскій, давно переставшій работать, читалъ по старымъ запискамъ; потому, несмотря на большой интересъ къ государственному праву европейскихъ странъ, слушателей у него было очень мало. Профессоръ политической экономіи и статистики Гор-

ловъ, смѣнившій безвременно умершихъ В. Милютина и Журавскаго, излагалъ вяло и шаблонно, въ факультетскихъ дѣлахъ тянулся за Калмыковымъ. Затѣмъ были еще два адъюнкта. М. М. Михайловъ (мѣстные законы, межевое и торговое право) былъ совершенная бездарность, навязанная университету еще во времена попечительства Мусина-Пушкина; несмотря на то, что онъ былъ докторомъ права, ему даже старики не давали ходу. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ магистратуру и на всю Россію прославился слѣдующимъ эпизодомъ, кажется, имѣвшимъ мѣсто въ Харьковѣ. Какъ-то разъ онъ предсѣдательствовалъ по уголовному дѣлу и, выслушавъ послѣднее слово подсудимаго, обратился къ прокурору:—Г. прокуроръ, что вы на это имѣете возразить?—Вторымъ адъюнктомъ былъ Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, въ то же время секретарь факультета; онъ занималъ каѳедры полицейскаго права и русскаго государственнаго.

Новое направленіе представляли Кавелинъ и В. Д. Спасовичъ; послѣдній, какъ адъюнктъ, не имѣлъ голоса. Кавелинъ былъ назначенъ въ 1857 г., во время попечительства Щербатова; старики косо смотрѣли на него, какъ на москвича, и одно время онъ совсѣмъ пересталъ посѣщать факультетскія засѣданія.

Въ составѣ профессоровъ историко-филологическаго факультета мы видимъ Устрялова, Касторскаго, Фишера, Срезневскаго, М. С. Куторгу; индифферентный Штейнманъ (греческая словесность) вліянія не имѣлъ. Единственно живою

личностью на этомъ факультетѣ былъ Николай Михайловичъ Благовѣщенскій (маркизъ де-Благовѣщенскій, какъ его называли за изысканныя манеры), хорошій лекторъ и въ курсѣ своего предмета *), латинской словесности. Былъ еще Никитенко, дотягивавшій послѣдніе дни своего профессорства. О немъ припоминаю слѣдующія слова Кавелина.—Александръ Васильевичъ для насъ не существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ, не имѣя возможности прямымъ путемъ помѣшать кандидатурѣ Иринарха Введенскаго (въ свое время извѣстнаго переводчика Диккенса),—это было, кажется, въ первой половинѣ 50-хъ го-

*) Былъ у Н. М. по педагогическому институту, гдѣ онъ тоже читалъ римскую словесность, любимый ученикъ Михайловскій, очень талантливый юноша, къ сожалѣнію, рано умершій. Михайловскій былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Добролюбовымъ. Вышли публичныя лекціи Н. М. о Гораціи. Добролюбовъ далъ ихъ Михайловскому для рецензіи, при чемъ обратилъ его вниманіе, что въ рецензіи прежде всего надо разоблачить политическое флюгерство Горація. Михайловскій въ этомъ духѣ и написалъ рецензію. Н. М. питалъ къ Горацію особенную нѣжность, всякое нападеніе на него считалъ чуть-ли не личнымъ оскорбленіемъ: онъ узналъ, кто былъ авторомъ рецензіи, появившейся въ „Современникѣ“. И вотъ на одной лекціи, говоря о Гораціи, онъ выразилъ сожалѣніе, что и въ нашу литературу начинаютъ проникать пристрастныя сужденія о Гораціи.—Но, м. г., съ пафосомъ пояснилъ Н. М.,—такія вещи можно писать только за деньги. Понятно, что послѣ такого отзыва Михайловскій не счелъ возможнымъ продолжать бывать у Н. М. Однако ему надо было держать экзаменъ на магистра и съ чѣмъ-то черезъ годъ пришлось заявиться къ Благовѣщенскому. Ничего, встрѣтились какъ хорошіе старые знакомые, только по нѣкоторомъ времени Н. М. и говоритъ:—А, знаете, вы меня очень обидѣли своей рецензіей о Гораціи. – Да и вы, Н. М., не остались въ долгу, сказавъ, что такія статьи пишутъ только за деньги.—Я этого не говорилъ.—Такъ я никогда не писалъ рецензіи о Гораціи,—отвѣтилъ Михайловскій.

довъ, — выдвинулъ противъ него полицейскій аргументъ. Самъ же А. В. въ своихъ воспоминаніяхъ свою оппозицію кандидатурѣ Введенскаго объясняетъ якобы круглымъ невѣжествомъ послѣдняго, что̀ совсѣмъ не согласуется съ тою доброю памятью, которую оставилъ послѣ себя Введенскій, слишкомъ рано умершій. Если не ошибаюсь, ему былъ предпочтенъ М. И. Сухомлиновъ.

Весьма любопытенъ былъ тогдашній составъ естественнаго отдѣленія. Анатомію, физіологію, исторію развитія и систематику животнаго царства, а также геологію и палеонтологію — все это читалъ одинъ Степанъ Семеновичъ Куторга; неудивительно, что о немъ говорили: хорошій лекторъ, но скорѣе былъ бы на своемъ мѣстѣ въ качествѣ учителя гимназіи. Каѳедру ботаники занималъ выдающійся спеціалистъ Ценковскій, но онъ по слабости здоровья скоро оставилъ петербургскій университетъ. Минералогію преподавалъ старый горный генералъ Гофманъ, да былъ еще скромный труженикъ адъюнктъ Пузыревскій, кажется, читалъ кристаллографію. Каѳедру химіи занималъ П. А. Воскресенскій; было преданіе, что онъ въ молодости подавалъ большія надежды, но въ 50-хъ годахъ читалъ по учебнику Реньо въ передѣлкѣ Егорова.

За то блестяще было обставлено математическое отдѣленіе; тамъ были Буняковскій, Чебышевъ, Сомовъ, Э. Ленцъ, — все имена, которыя сами за себя говорятъ. Но физико-математики, равно какъ и профессоры восточнаго факуль-

тета (на камеральномъ отдѣленіи, тогда еще существовавшемъ, было только два своихъ собственныхъ профессора: Скобликовъ, — сельское хозяйство и технологія, и Красовскій, — гражданская архитектура), стояли какъ-то въ сторонѣ отъ кормила правленія университета; тонъ всему задавали юристы и профессоры историко-филологическаго факультета. Представители этихъ факультетовъ любили себя противопоставлять московскимъ профессорамъ. Не только Грановскій, Кудрявцевъ не считались людьми науки, а просто дилетантами, но и къ Соловьеву и Буслаеву относились съ нескрываемымъ пренебреженіемъ. Съ благоговѣніемъ произносилось имя бывшаго профессора петербургскаго университета Неволина, умершаго въ началѣ 50-хъ годовъ, не только бывшимъ его товарищемъ Калмыковымъ, но и молодымъ И. Е. Андреевскимъ; отъ того и другого при всякомъ удобномъ случаѣ слышались слова: школа Неволина. — Право, говаривалъ Ив. Еф., въ нѣсколькихъ страницахъ Неволина больше истинной науки, чѣмъ въ многотомныхъ трудахъ нѣкоторыхъ московскихъ профессоровъ. — Однако единственнымъ плодомъ этой школы налицо былъ самъ Ив. Еф., подарившій въ 50-хъ годахъ русской наукѣ знаменательныя изслѣдованія: О новгородскихъ скрахъ и О договорѣ Новгорода съ Любекомъ.

Какъ тѣнь Неволина витала на юридическомъ факультетѣ, такъ имя Михаила Семеновича Куторги озаряло особеннымъ блескомъ

историко-филологическій факультетъ. При мнѣ М. С. Куторга читалъ очень недолго, помнится, въ одинъ изъ семестровъ 1859—1860 г.; онъ былъ постоянно въ заграничныхъ командировкахъ. Тѣ его немногія лекціи, которыя мнѣ довелось выслушать, показывали въ немъ привычнаго лектора и мастера своего дѣла; къ тому же онъ несомнѣнно былъ человѣкъ огромной учености, хотя и замкнувшійся преимущественно въ исторіи Аѳинъ. По общимъ отзывамъ Куторгѣ крайне вредило его невѣроятное самохвальство; вотъ, напримѣръ, какъ онъ, вернувшись изъ-за границы, разсказывалъ о своемъ визитѣ Гроту, извѣстному историку Греціи.—Визитной карточки у меня съ собой не случилось, лакей едва согласился доложить обо мнѣ и Богъ знаетъ какъ передалъ мою фамилію; только Гротъ, видимо, принялъ меня неохотно и очень нелюбезно. «Я занятъ,—сказалъ онъ,—мнѣ право не до путешественниковъ; откуда вы?» — Изъ Петербурга... Хотѣлъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе первому историку Греціи,—отвѣчалъ я.—«Чего вы, русскіе, ѣздите за границу, когда у васъ есть Куторга?» — Это я и есть Куторга.—«Вы Куторга? Вы Куторга?»— и тутъ кинулся меня обнимать.—«Не вамъ ко мнѣ являться на поклонъ, а мнѣ слѣдуетъ вамъ поклониться; вы—настоящій историкъ, а я только вашъ ученикъ».

Этотъ случай мнѣ передавалъ покойный В. Г. Васильевскій; а самъ я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго. Встрѣтился я разъ съ Куторгой на

вечерѣ у Костомарова. М. С. только что вернулся изъ-за границы, при чемъ онъ побывалъ въ Египтѣ.—Очень, очень доволенъ поѣздкой,—говорилъ М. С. въ отвѣтъ на обращенные къ нему вопросы.—Во всѣхъ отношеніяхъ доволенъ; а главное мнѣ удалось разрѣшить одинъ важный и спорный вопросъ, занимающій теперешнихъ историковъ, — какъ двигалась цивилизація въ Египтѣ, съ верху къ низу или съ низу вверхъ по Нилу.—Какъ же вамъ удалось рѣшить этотъ вопросъ?—спросилъ кто-то.—Да очень просто, плылъ я по Нилу; по обоимъ берегамъ памятники: смотрю на нихъ, и совершенно очевидно, что цивилизація постепенно направлялась внизъ по теченію.

Но кромѣ указанной черты, кажется, были и другія въ характерѣ Мих. Сем., дѣлавшія его неособенно симпатичнымъ даже его старымъ товарищамъ профессорамъ; по крайней мѣрѣ университетъ разстался съ нимъ безъ малѣйшаго огорченія, когда онъ отслужилъ, кажется, свои 30 лѣтъ. При гр. Д. А. Толстомъ онъ былъ назначенъ въ московскій университетъ.

Куторга оставилъ университету трехъ учениковъ: М. М. Стасюлевича, Бауэра и Астафьева; всѣ трое были профессорами въ Петербургѣ и всѣ подъ вліяніемъ своего учителя дебютировали въ наукѣ по одному шаблону: Михаилъ Матвѣевичъ—Аѳинской гегемоніей, Бауэръ—Спартанской и Астафьевъ—Македонской; потомъ на степень доктора М. М. представилъ Ликурга аѳинскаго, pro venia legendi—защиту Кимонова

мира; на томъ, къ счастью, со школой Куторги и покончилъ.

А вотъ Устряловъ и Касторскій за все время своего профессорства рѣшительно никого не дали по русской исторіи, такъ что, когда Устряловъ выбылъ изъ университета, вакантную каѳедру пришлось замѣстить Костомаровымъ, который былъ воспитанникомъ харьковскаго университета. Конкуррентовъ у него не было.

Я уже сказалъ выше, что одно время Кавелинъ пересталъ бывать въ засѣданіяхъ факультета. — Тамъ, говорилъ онъ, китайская стѣна, ее ничѣмъ не пробьешь, и мнѣ дѣлать нечего.— Для характеристики приведу два случая. Вернулся изъ-за границы Б. Утинъ и пожелалъ себя посвятить профессурѣ, на что по своимъ научнымъ трудамъ имѣлъ полное право. Такъ какъ всѣ спеціальныя каѳедры были заняты, то Утинъ хотѣлъ открыть курсъ по сравнительной исторіи законодательствъ. Но такой каѳедры не существовало. Кавелинъ внесъ въ факультетъ предложеніе ходатайствовать передъ министромъ объ учрежденіи ея, но факультетъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе.—Настоящій ученый (а только таковой и можетъ занимать университетскую каѳедру), говорилъ Калмыковъ, долженъ читать по первоначальнымъ источникамъ; чтобы пользоваться ими, занимая каѳедру сравнительной исторіи законодательствъ, нужно знать всѣ языки, а это невозможно, потому и каѳедра немыслима. — Однако каѳедра была введена министерскимъ распоряженіемъ. Теперь надо

было ее замѣстить. Не видя нигдѣ кандидата, факультетъ соглашался допустить Утина, но въ званіи адъюнкта; Утинъ же, отказываясь отъ вознагражденія, ставилъ условіемъ, чтобы его приняли въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора (онъ былъ только магистръ, кажется, дерптскаго университета), т. е. съ правомъ голоса. Калмыковъ съ К° и слышать объ этомъ не хотѣли. — Еще никогда не бывало, чтобы человѣкъ, нигдѣ не читавшій, сразу становился экстраординарнымъ профессоромъ, возражалъ Калмыковъ. — И опять дѣло было рѣшено министерскимъ распоряженіемъ. Тогда министромъ былъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій.

Почти въ то же время Кавелинъ возбудилъ въ факультетѣ вопросъ о заблаговременной подготовкѣ молодыхъ силъ для занятія въ будущемъ каѳедръ. Факультетъ нашелъ, что этимъ дѣломъ нѣтъ никакой надобности торопиться.—Во всякій моментъ, горделиво отвѣтилъ Калмыковъ, факультетъ можетъ съ избыткомъ имѣть достойныхъ кандидатовъ для отправки за границу.— Когда затѣмъ послѣдовало свыше предложеніе факультету командировать двухъ молодыхъ людей за границу, выборъ его остановился на Дубравинѣ и Константиновѣ. Тотъ и другой, вернувшись потомъ изъ двухгодичной командировки, оказались совсѣмъ непригодными для профессорской дѣятельности. Дубравина я хорошо зналъ; онъ студентомъ буквально кромѣ лекцій ни во что не заглядывалъ.

А. Н. Пыпину, хотя и зарекомендовавшему себя нѣсколькими капитальными работами, тоже не безъ труда удалось стать профессоромъ. Каѳедры европейскихъ литературъ не существовало, и большинство факультета не очень благосклонно относилось къ А. Н., зная его сотрудничество въ «Современникѣ».

И однако не прошло и трехъ лѣтъ, какъ физіономія профессорской коллегіи петербургскаго университета измѣнилась до неузнаваемости. Въ этомъ случаѣ роль Кавелина была огромная. Прежде всего ему удалось пробить брешь въ юридическомъ факультетѣ, сначала введеніемъ Утина, а потомъ онъ сумѣлъ подчинить своему вліянію Горлова. Затѣмъ умираетъ Калмыковъ, выбываетъ Шнейдеръ, въ деканы проводится Горловъ, въ параллель съ которымъ открылъ курсъ молодой Балтазаръ Калиновскій, другъ В. Д. Спасовича; секретаремъ, кажется, сталъ В. Д. Такимъ образомъ юридическій факультетъ совсѣмъ попалъ въ руки Кавелина.

Читать на филологическомъ факультетѣ вернулись изъ за границы Стасюлевичъ, Сухомлиновъ, вошелъ Пыпинъ, каѳедру русской исторіи занялъ Н. И. Костомаровъ, а выбыли: Устряловъ, Никитенко, Касторскій (нашелъ пріютъ въ цензурномъ комитетѣ); весной 1861 г. послѣдовало назначеніе по каѳедрѣ новой исторіи Платона Васильевича Павлова. Тѣ, кто его зналъ въ концѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ, конечно, и представить себѣ не могутъ, что это былъ когда-то выдающійся профессоръ, человѣкъ иниціативы; онъ,

если не ошибаюсь, первый далъ толчокъ къ открытію воскресныхъ школъ; движеніе это охватило тогда всю Россію. Павловъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Пироговымъ покинуть Кіевъ; переселившись въ Петербургъ, онъ сначала читалъ въ Училищѣ правовѣдѣнія, а черезъ годъ получилъ каѳедру въ университетѣ. Невольное пребываніе въ Ветлугѣ въ связи съ рядомъ нервныхъ горячекъ совершенно сломило его *).

На физико-математическомъ факультетѣ появился Николай Ник. Соколовъ, не только истинно замѣчательный спеціалистъ-химикъ, но и человѣкъ весьма широкаго образованія и свѣтлаго ума (онъ потомъ былъ первымъ ректоромъ одесскаго университета); на свободную каѳедру ботаники, за уходомъ Ценковскаго, поступилъ А. Н. Бекетовъ, вмѣсто умершаго Скобликова сталъ читать молодой симпатичный Александръ Васильевичъ Совѣтовъ, неособенно давно умершій; показался на горизонтѣ многообѣщавшій Д. И. Менделѣевъ.

Даже восточный факультетъ не остался безъ движенія; туда вступилъ Каэтанъ Коссовичъ, пользовавшійся въ свое время репутаціей выдающагося оріенталиста.

Этотъ наплывъ молодыхъ силъ подѣйствовалъ освѣжающимъ образомъ даже на многихъ

*) Интересно, что, когда отъ прежняго Павлова сохранилось только одно имя, когда онъ совсѣмъ отсталъ отъ науки И. Д. Деляновъ въ 1878 г. назначилъ его профессоромъ въ тотъ самый кіевскій университетъ, съ которымъ были связаны лучшіе годы его дѣятельности, сдѣлавшіе имя Павлова извѣстнымъ всей Россіи. Какая горькая иронія судьбы!

изъ старыхъ или индифферентно относившихся къ судьбамъ университета профессоровъ, что и сказалось осенью 61-го года, когда огромное большинство профессорской коллегіи подъ руководительствомъ Кавелина стало въ рѣшительную оппозицію путятинскимъ мѣропріятіямъ, и много способствовало тому, что почтенный адмиралъ, несмотря на поддержку вліятельнаго гр. С. Строганова, долженъ былъ оставить министерство.

Нѣсколько словъ о профессорахъ, лекціи которыхъ не только усиленно посѣщались студентами, но и привлекали большое число стороннихъ слушателей.

Н. И. Костомаровъ въ теченіе 1860—1861 гг. читалъ исторію Новгорода и Пскова; этотъ курсъ онъ потомъ издалъ подъ именемъ «Исторіи сѣверно-русскихъ народоправствъ». Мы, прослушавшіе этотъ курсъ въ видѣ лекцій, почти не узнали его, когда онъ вышелъ въ печатномъ видѣ. До Ник. Ив., конечно, доходили отзывы научныхъ староверовъ, что онъ не настоящій ученый, а фельетонистъ. И вотъ въ печатномъ изданіи своего курса онъ постарался придать ему возможно болѣе сухой видъ. Нѣчто въ родѣ этого вышло у него и съ Богданомъ Хмѣльницкимъ въ послѣднемъ изданіи, появившемся въ концѣ 1870 годовъ.

Н. И. обыкновенно читалъ стоя, заложивши правую руку за бортъ жилета. Обладая феноменальной памятью,—а онъ еще жаловался, что въ Петропавловской крѣпости потерялъ половину ея,—Н. И. хотя и имѣлъ передъ собой

листочки, но заглядывалъ въ нихъ крайне рѣдко, цитируя наизусть не только выдержки изъ памятниковъ, но даже томы и страницы изданій памятниковъ. Голосъ у него былъ, если можно такъ выразиться, бабій, при томъ нѣсколько надтреснутый; но замѣчательное умѣнье располагать матеріалъ, подкрѣплять и окрашивать свою мысль характерными мѣстами лѣтописи или документовъ, неподражаемое искусство передавать слова современниковъ ихъ тономъ, придавали изложенію особенную живость и интересъ; вы слышали то властную рѣчь боярина, то безхитростныя слова человѣка изъ народа,—все это до такой степени очаровывало слушателей, что на лекціяхъ Ник. Ив. буквально можно было слышать, какъ муха летитъ; часовая лекція проходила какъ десять минутъ, и всѣ съ крайнимъ сожалѣніемъ выслушивали звонокъ; едва замолкало послѣднее слово Ник. Ив., какъ раздавался взрывъ рукоплесканій и провожалъ его до выхода изъ аудиторіи.

Но это было далеко не все. Стòитъ только вспомнить, что Н. И. явился на смѣну Устрялову и Касторскому, котораго подъ именемъ Креозотова такъ мастерски воспроизвелъ Писаревъ въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ. Но даже по сравненію съ Соловьевымъ историческое пониманіе Костомаровымъ нашего прошлаго представляло крупный шагъ впередъ. Русская исторія, выстроенная Соловьевымъ, говорила намъ о ростѣ государства, его постепенномъ строительствѣ; историкъ не игнорировалъ народныя

массы, но видѣлъ въ нихъ лишь страдательный матеріалъ для выполненія извѣстной исторической задачи: ко всему, что̀ стояло на дорогѣ, онъ относился безучастно, а иногда даже со страстною нетерпимостью; стоитъ, напр., вспомнить его «Исторію отношеній Новгорода къ великимъ князьямъ», или болѣе позднее «Паденіе Польши» *). Впервые въ трудахъ и на лекціяхъ Костомарова, а вслѣдъ за нимъ въ статьяхъ Щапова, послышался голосъ живого народа. И этотъ народъ выступилъ не въ одной роли лишь подчиненнаго матеріала, но какъ факторъ, пытавшійся самостоятельно направлять историческій процессъ, по меньшей мѣрѣ выражавшій свое отношеніе къ тѣмъ или другимъ его сторонамъ.

Не охлажденіе молодежи было причиною того, что въ 1863 г. Н. И. Костомаровъ не вернулся въ университетъ, съ чѣмъ онъ не могъ примириться до конца своихъ дней. Прискорбная думская исторія въ мартѣ 1862 г. была случайнымъ и временнымъ недоразумѣніемъ; все было

*) Ник. Ив. хотя и признавалъ все значеніе Соловьева, но жаловался, что его совсѣмъ нельзя читать, а можно только справляться съ нимъ.—И чѣмъ дальше ведетъ онъ свою исторію, продолжалъ Ник. Ив., тѣмъ болѣе заполняетъ ее сырымъ матеріаломъ, очень цѣннымъ, но совсѣмъ необработаннымъ. Сколько разъ я принимался за него, даже за тѣ томы, которые особенно интересны для меня, и не могъ осилить. Я убѣжденъ, что его цѣликомъ никто не прочелъ.—А Бестужевъ-Рюминъ, замѣтилъ я, вѣдь онъ печатаетъ такую пространную статью объ исторіи Соловьева.—Да онъ мнѣ признался, что не могъ одолѣть всей исторіи. Право же говорю вамъ, что Карамзина съ большимъ удовольствіемъ можно и теперь перечитать, чѣмъ справиться съ Соловьевымъ.

скоро забыто съ обѣихъ сторонъ. Вѣдь встрѣчались же потомъ за однимъ столомъ Н. И. и Евгеній Утинъ,—а онъ-то и нанесъ Н. И. въ Думѣ наиболѣе тяжкое оскорбленіе, вызвавшее запальчивыя слова Н. И. о Репетиловыхъ, которые завтра превратятся въ Расплюевыхъ.

Настоящихъ причинъ того, что такъ рано закончилась профессорская карьера Ник. Ив., надо искать на Страстномъ бульварѣ, въ той агитаціи, которая была поднята оттуда противъ Костомарова, какъ представителя «сепаратизма». Костомаровъ горячо любилъ свой родной народъ, болѣлъ за его прошлое, не удовлетворялся его настоящимъ; но онъ совсѣмъ не былъ сепаратистомъ въ томъ смыслѣ, который въ извѣстныхъ кругахъ соединяютъ съ этимъ словомъ.

— Вотъ проведутъ желѣзныя дороги, подымется образованіе народныхъ массъ, улучшится матеріальное положеніе ихъ,—говаривалъ не разъ Ник. Ив.,—и еще большой вопросъ, устоятъ ли тѣ особенности, которыя отличаютъ теперь малоруссовъ отъ великоруссовъ.

И этотъ взглядъ онъ высказывалъ въ такихъ кругахъ, гдѣ не только можно было, но и слѣдовало говорить вполнѣ безъ обиняковъ.

Завѣдывалъ я разъ устройствомъ литературнаго вечера въ университетѣ въ пользу студенческой кассы; приглашаю читать Костомарова. Онъ, какъ всегда, не колеблясь соглашается.— А что же вы предполагаете прочитать?—Подумавши, Ник. Ив. отвѣчалъ: Воспоминанія о молоканахъ; что вы скажете?—Отлично, у насъ

вѣдь о нихъ ничего не знаютъ. (Костомаровъ, когда былъ высланъ въ Саратовъ, имѣлъ возможность близко ознакомиться съ молоканами).— Только не знаю, разыщу ли матеріалы, имѣющіеся у меня; вы зайдите дня черезъ три.

Захожу.—Нашелъ,—съ живостью отозвался Н. И., даже не дождавшись моего вопроса;—и всѣ эти дни не могъ оторваться отъ нихъ, даже къ лекціи не успѣлъ порядкомъ подготовиться. Знаете, что я вамъ скажу: я всегда считалъ малорусское племя выше великоруссовъ, талантливѣе, и имѣлъ извѣстныя основанія. Но теперь я совершенно измѣнилъ свой взглядъ. Никогда малоруссы не подымались до такой высоты нравственно общественныхъ идеаловъ, какъ великоруссы; у нихъ ничего подобнаго молоканамъ не бывало. Добрые они были казаки, да пановъ не любили, а духовная сторона у нихъ осталась безъ всякаго движенія.

Чтеніе о молоканахъ однако не было разрѣшено; вмѣсто того Костомаровъ прочелъ художественный разсказъ «Два маляра» *).

Какъ лекторъ В. Д. Спасовичъ былъ очень и очень не интересенъ, всегда читалъ по запискамъ и при томъ съ тою интонаціей, которую сохра-

---

*) Разъ какъ-то я попросилъ у Ник. Ив. дать мнѣ прочитать его магистерскую диссертацію объ Уніи.—Нѣтъ ея у меня: самому до крайности нужна.—А развѣ въ публичной библіотекѣ нѣтъ?—И въ публичной библіотекѣ нѣтъ: и вездѣ я ее искалъ, и всѣхъ просилъ объ этомъ: должно быть все до послѣдняго экземпляра было уничтожено.

Интересно знать, не имѣется ли она у кого-нибудь изъ нашихъ библіофиловъ: не сохранилась ли она въ синодскихъ дѣлахъ?

нилъ и до сего дня, и которая всѣмъ знающимъ Владиміра Даниловича хорошо извѣстна. Но этого мало, уставится зачастую В. Д. въ какое нибудь слово, да и повторяетъ его; напр., и такъ и такъ, и такъ, точно не знаетъ, что должно далѣе слѣдовать. Но аудиторія всегда была полна и внимательна: всѣ недостатки внѣшнихъ пріемовъ выкупались богатымъ научнымъ содержаніемъ и гуманно-прогрессивными взглядами лектора. Къ слову сказать, В. Д. никогда не былъ радикаломъ ни въ научныхъ воззрѣніяхъ, ни въ отношеніи текущей политики. Въ 1863 году онъ былъ назначенъ профессоромъ уголовнаго права въ Казань. «Московскія Вѣдомости» открыли по этому случаю столь рѣшительный походъ противъ В. Д., совершенно несправедливо обвиняя его въ научномъ и политическомъ радикализмѣ, что назначеніе было взято обратно. Вотъ причина, почему въ непродолжительномъ времени В. Д., видя, что профессура для него навсегда закрыта, записался въ присяжные повѣренные. Позднѣе, уже совсѣмъ изъ противуположнаго лагеря, иногда слышались упреки В. Д. въ измѣнѣ прежнимъ идеаламъ, но и они такъ же мало основательны, какъ обвиненія, пущенныя «Моск. Вѣдомостями».

Въ 1859 г., вернувшись изъ за границы, открылъ свои курсы по средневѣковой исторіи М. М. Стасюлевичъ. Я помню, какъ онъ началъ свою первую лекцію: «Отецъ исторіографіи Геродотъ говоритъ, что народы дѣлятся на путешествующихъ, къ таковымъ онъ относитъ гре-

ковъ, и непутешествующихъ — варваровъ». И затѣмъ лекція была посвящена развитію той мысли, что уразумѣніе своей собственной исторіи немыслимо безъ пониманія исторіи другихъ народовъ; въ заключеніе М. М., указавъ на тѣ основные элементы, взаимное сочетаніе которыхъ характеризуетъ періодъ Среднихъ вѣковъ, намѣтилъ программу своего ближайшаго курса. Кажется, въ тотъ же годъ М. М. прочелъ краткое обозрѣніе внутренней исторіи евреевъ какъ введеніе къ появленію христіанства, при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на Филонѣ и умственномъ движеніи начала александрійскаго періода. Эти лекціи, основанныя на послѣднихъ данныхъ европейской науки, были выслушаны аудиторіей съ напряженнымъ вниманіемъ и интересомъ, и съ каждой лекціей все болѣе и болѣе увеличивалось число слушателей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ обратили на себя вниманіе и внѣ университетскихъ сферъ, такъ что, помнится, М. М. пришлось имѣть объясненіе съ митрополитомъ. Не мнѣ, случайному слушателю, говорить о высокомъ научномъ значеніи курсовъ М. М.; оно было признано даже оффиціальнымъ историкомъ университета Григорьевымъ (впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати), когда М. М. былъ уже въ сторонѣ не только отъ университета, но и вообще отъ министерства народнаго просвѣщенія: онъ при вступленіи въ министерство гр. Толстаго долженъ былъ оставить ученый комитетъ. Скажу только, что съ внѣшней стороны М. М. читалъ безукориз-

ненно; замѣчалась лишь нѣкоторая сухость, вѣрнѣе сказать, безстрастность изложенія. Когда много лѣтъ спустя мнѣ случайно пришлось перечитать одинъ изъ курсовъ Гизо, почему-то вспомнился М. М.—Вотъ, должно быть, и Гизо читалъ такимъ же тономъ, подумалъ я.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ читалъ гражданское право и судопроизводство. Догму онъ излагалъ довольно поверхностно, за что его и винить нельзя. Стоило ли въ самомъ дѣлѣ тратить много времени на дѣйствовавшее судопроизводство, когда коренная реформа его уже была поставлена на очередь? Что касается до гражданскаго права, то вѣдь тогда никто не вѣрилъ, что нашъ X томъ не только благополучно просуществуетъ десятки лѣтъ, но даже перейдетъ въ двадцатое столѣтіе.

Слаба у К. Д. была и историческая часть. Онъ хотя и непризнавалъ себя гегельянцемъ, а совсѣмъ напротивъ склонялся къ Канту, особенно Локку, но гегелевская троица властно засѣла въ его головѣ и своеобразно облегчала ему исторію при изложеніи институтовъ гражданскаго права. Оказывалось, что всякій институтъ обязательно проходилъ у насъ три періода развитія: родовой, общинный и государственный. Напр. наслѣдственный институтъ: въ родовомъ бытѣ наслѣдуетъ родъ, — общинномъ семья, — государственномъ начинающая обособляться личность.

Кавелинъ страдалъ однимъ органическимъ недостаткомъ; у него была слабая фактическая

память; онъ самъ въ этомъ откровенно признавался и разсказывалъ, что когда сдавалъ у Крылова кандидатскій экзаменъ, то едва совсѣмъ не срѣзался, имѣя въ рукахъ билетъ о «владѣніи по римскому праву», хотя, кажется, только за годъ до экзамена онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе на эту самую тему. Вотъ почему экзаменъ у него былъ очень легокъ; самъ не особенно твердый по части фактовъ, Кавелинъ снисходительно относился съ этой стороны и къ студентамъ. Но обыкновенно, выслушавъ отвѣтъ на билетъ, онъ задавалъ два или три вопроса общаго характера, изъ отвѣтовъ на которые однако можно было убѣдиться, понимаетъ ли что-нибудь отвѣчающій, заглядывалъ ли онъ во что-нибудь кромѣ лекцій. На этихъ вопросахъ многіе и проваливались; тогда даже хорошій отвѣтъ на билетъ не спасалъ отъ неудовлетворительной отмѣтки. Это и создало Кавелину незаслуженную репутацію грознаго экзаменатора.

Читалъ Конст. Дм. хорошо, хотя онъ и не былъ блестящимъ лекторомъ, его рѣчь не лилась свободнымъ потокомъ, лекціи скорѣе походили на бесѣду. Съ именемъ Кавелина прежде всего соединялись его безупречное прошлое, цѣлый рядъ цѣнныхъ для своего времени научныхъ статей, крупная общественная роль; онъ былъ не только авторъ извѣстнаго проекта объ освобожденіи крестьянъ съ землею, но благодаря его рѣдкой отзывчивости въ немъ, какъ въ фокусѣ, отражались всѣ преобразовательныя стремленія того времени. Наконецъ, его недавняя

отставка отъ преподаванія наслѣднику Николаю Александровичу также имѣла не малую долю вліянія на увеличеніе его популярности.

Если въ своихъ лекціяхъ К. Д. не поражалъ слушателей ни тонкимъ анализомъ догмы (онъ усиленно рекомендовалъ намъ въ этомъ отношеніи курсъ своего предшественника, незабвеннаго Мейера), ни богатствомъ историческаго матеріала, за-то онъ всегда умѣлъ сопоставить правовыя догмы, выработанныя прошлымъ, съ требованіями современной жизни, а основной фонъ его идей далеко уходилъ отъ катехизиса тогдашняго ходячаго либерализма; вѣдь самъ К. Д. въ извѣстномъ письмѣ къ Герцену говоритъ, что онъ мыслитъ и чувствуетъ по Герцену. Вотъ почему Кавелинъ скорѣе примыкалъ къ «Современнику», чѣмъ къ «Русскому Вѣстнику», даже въ наиболѣе либеральные годы послѣдняго. Позволяю себѣ привести здѣсь одинъ фактъ, кажется, до сихъ поръ остававшійся подъ спудомъ, характеризующій отношенія Кавелина къ «Современнику». Его старые литературные друзья, въ родѣ, напр., А. Д. Галахова, были глубоко возмущены тономъ «Современника», въ частности же всего болѣе «Свисткомъ»; кто-то даже подсчиталъ, что въ «Перепискѣ Петербурга съ Москвой» задѣто чуть ли не до ста человѣкъ. Они рѣшили подъ флагомъ Кавелина выступить съ печатнымъ протестомъ; но К. Д. не только уклонился отъ предлагаемой ему чести, но и ихъ отговорилъ отъ этой затѣи. Въ нашемъ студенческомъ кружкѣ К. Д. нисколько не скрывалъ,

что признаетъ «Свистокъ» очень полезнымъ явленіемъ.—Это, говорилъ онъ, большая хищная птица и дѣлаетъ хорошее дѣло, очищаетъ наше болото отъ разной застарѣлой нечисти.

Напомню еще, что К. Д., близко зная Добролюбова и складъ его убѣжденій, тѣмъ не менѣе не затруднился довѣрить ему своего сына, которому Добролюбовъ давалъ уроки по литературѣ и, кажется, исторіи. Конечно, не гонораръ (о немъ, вѣроятно, и рѣчи не было) привлекалъ Добролюбова, а необыкновенная даровитость мальчика. Онъ умеръ отъ скарлатины въ началѣ зимы 1861 года. Смерть сына страшно потрясла К. Д. (впослѣдствіи ему пришлось пережить и свою единственную дочь),—одно время даже сильно опасались за него самого, — и вызвала къ нему всеобщее сочувствіе *). Вскорѣ послѣ смерти сына К. Д. мнѣ по какому-то дѣлу довелось быть у И. Д. Делянова, тогдашняго попечителя. — Вы куда направляетесь? спросилъ меня И. Д., когда я уходилъ отъ него.—Мнѣ нужно на Островъ, отвѣтилъ я, побывать у Костомарова. — Такъ поѣдемте вмѣстѣ, я тоже на Островъ, хочу навѣстить Константина Дмитріевича, сказалъ И. Д. Усѣлись на извозчика и ѣдемъ.—Какая потеря, какой ударъ для К. Д., заговорилъ И. Д., отецъ—рѣдкій умница и огромный талантъ, а сынъ куда бы дальше пошелъ; да и какъ былъ

*) Между прочимъ была отправлена депутація отъ студентовъ.

обставленъ, вѣдь ему самъ Добролюбовъ давалъ уроки!—И долго разсказывалъ И. Д. о необыкновенномъ мальчикѣ, котораго вѣроятно зналъ, а можетъ-быть многое слышалъ о немъ. Наконецъ, близится Николаевскій мостъ, значитъ скоро разставаться. — А все Провидѣніе, закончилъ И. Д., — все въ его рукахъ! И можете себѣ представить, есть же такіе ослѣпленные умы, которые не вѣрятъ въ Провидѣніе!

К. Д. поступилъ въ петербургскій университетъ во время попечительства князя Щербатова, съ которымъ всегда оставался въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но въ 1858 г. на мѣсто Щербатова былъ назначенъ И. Д. Деляновъ. При немъ вліяніе Кавелина, мало замѣтное въ началѣ, постепенно все возрастая, достигло своего апогея въ 1861 году, когда по его настоянію вмѣстѣ съ другими профессорами И. Д. назначилъ подъ предсѣдательствомъ Кавелина коммисcію (Стасюлевичъ, Спасовичъ, Утинъ, кажется, Пыпинъ) для выработки устава студенческой корпораціи. Въ коммиссію, согласно предложенію попечителя, были приглашены съ правомъ голоса депутаты отъ студентовъ.

Пользуясь вліяніемъ на попечителя, Кавелинъ прилагалъ всѣ усилія къ обновленію не только юридическаго факультета, но и историко-филологическаго; не безъ его поддержки получилъ каѳедру и Пыпинъ на условіяхъ, имъ заявленныхъ.

Не менѣе велико было вліяніе К. Д. и на студентовъ, конечно, главнымъ образомъ на юристовъ, которые однако тогда составляли чуть-ли

не половину университета. Онъ старался сблизиться со своими слушателями; всякій сколько-нибудь выдающійся студентъ могъ разсчитывать быть принятымъ у Кавелина на его воскресныхъ утреннихъ журфиксахъ, спеціально существовавшихъ для студентовъ. Всегда высказывая свое мнѣніе безъ малѣйшаго колебанія, безъ опасливой оглядки, — понравится оно или нѣтъ, — онъ въ то же время умѣлъ внимательно выслушивать всякое возраженіе, никогда не старался подавить юнаго оппонента своимъ авторитетомъ. На журфиксахъ обсуждались научные вопросы, новости литературы, но преимущественно явленія нашей тогдашней внутренней жизни. На первомъ планѣ, конечно, стояло освобожденіе крестьянъ. Будучи отлично освѣдомленъ о ходѣ реформы, К. Д. знакомилъ насъ съ мельчайшими деталями ея и тѣми перипетіями, которыя она испытывала. Какъ теперь помню, какое на всѣхъ удручающее впечатлѣніе произвело назначеніе Панина; съ нетерпѣніемъ мы ждали воскресенья, но К. Д. сейчасъ же насъ успокоилъ.— Ему (т. е. Панину) поставлены два условія: не мѣнять направленія дѣла и не касаться личнаго состава редакціонныхъ коммиссій. А затѣмъ К. Д. вскорѣ сообщилъ о неудачной попыткѣ Панина разыгрывать роль не предсѣдателя, а начальника коммиссій. Впервые отъ К. Д. мы узнали о начатыхъ Н. А. Милютинымъ приготовленіяхъ къ выработкѣ земскихъ учрежденій, и тутъ же К. Д. выяснилъ намъ все значеніе готовящагося преобразованія не только съ хозяйственной, но и общественной

стороны, какъ воспитательной школы. При своихъ обширныхъ связяхъ К. Д. былъ au courant всего, что̀ тогда имѣло общественное значеніе, и всѣмъ охотно дѣлился съ своими собесѣдниками. Была только одна грань, которую К. Д. никогда не переходилъ: даже я, какъ студентъ, пользовавшійся его особымъ расположеніемъ (уѣзжая на лѣто въ деревню, онъ мнѣ поручилъ веденіе юридической хроники въ «Вѣкѣ», однимъ изъ редакторовъ котораго состоялъ), никогда не видалъ у него «Колокола», который онъ, несомнѣнно, получалъ.

К. Д. былъ убѣжденный оптимистъ (лишь въ послѣдніе годы его жизни стала у него пробиваться пессимистическая нота, что особенно было замѣтно въ личныхъ бесѣдахъ съ нимъ), хотя и не обманывался насчетъ громадныхъ трудностей, которыя еще стояли на пути нашего развитія; но обыкновенно онъ любилъ приговаривать:—Все перемелется, мука будетъ.—Свой оптимизмъ, точнѣе сказать, свою вѣру въ будущее К. Д. старался передать и своимъ слушателямъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, вѣдь тогда самый крайній скептикъ не могъ себѣ представить, что черезъ сорокъ лѣтъ вновь придется доказывать и защищать самыя элементарныя условія общественнаго развитія.

Была еще одна черта, рѣзко сказывавшаяся у К. Д. и, несомнѣнно, оставившая крупный слѣдъ на той молодежи, которая была близка къ нему. Цѣня всякую общественную заслугу, отдавая въ этомъ отношеніи полную дань справедливости

даже своимъ принципіальнымъ противникамъ, напримѣръ, славянофиламъ, К. Д. тѣмъ не менѣе никогда не упускалъ изъ вида этическій характеръ личности; и тутъ ничто не могло подкупить его,—былъ ли то Погодинъ, въ которомъ онъ цѣнилъ его ненависть къ крѣпостному праву, или Некрасовъ, таланту котораго поклонялся.

Я уже сказалъ, что К. Д. былъ лидеромъ профессорской коллегіи въ оппозиціи Путятинскимъ мѣропріятіямъ *). Какъ тогда, такъ и много времени спустя въ извѣстныхъ кругахъ противъ К. Д. и другихъ профессоровъ было выдвинуто тяжкое обвиненіе, что они были виновниками студенческихъ волненій, не только косвенно, но и прямо подстрекая студентовъ. Нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго, какъ подобное обвиненіе; говорю это категорически, такъ какъ принималъ слишкомъ близкое участіе въ студенческой исторіи 1861 года и въ то же время былъ близокъ къ Кавелину. Совсѣмъ напротивъ: К. Д. можетъ быть излишне полагался на благопріятный исходъ борьбы университета съ Путятинымъ и прилагалъ всѣ средства убѣжденія, чтобы удержать студентовъ отъ какихъ-нибудь демонстрацій. Такъ же держали себя и другіе профессора какъ въ

*) Въ оппозиціи Путятину оказался не только университетъ, но и И. Д. Деляновъ. Путятинъ, вступивъ въ министерство, счелъ нужнымъ перевести И. Д. изъ попечителей въ директоры департамента: но послѣ октябрьскаго погрома университета И. Д. подалъ въ отставку и при этомъ писалъ Путятину: „У меня нѣтъ той энергіи молота, которая не разбирая бьетъ по наковальнѣ или по живому человѣку“. И. Д. вновь занялъ мѣсто попечителя, когда министромъ сталъ Головнинъ.

этомъ дѣлѣ, такъ и въ другихъ позднѣйшихъ: рискуя своей популярностью, они высказывали свое мнѣніе опредѣленно, безъ всякихъ двусмысленностей.

Вотъ случай, рѣзко характеризующій Кавелина. Кажется, зимой 1860 года было арестовано нѣсколько студентовъ харьковскаго и частью кіевскаго университетовъ. Этотъ арестъ вызвалъ большіе толки; говорили о тайномъ обществѣ, объ участіи въ немъ профессоровъ, даже прямо называли имя Каченовскаго, даровитаго и популярнаго харьковскаго профессора *).—Не вѣрю въ участіе профессоровъ, говорилъ Кавелинъ, не могу себѣ представить такого профессора, который бы въ наше время рѣшился толкать молодежь на политическую агитацію; это было бы ничѣмъ не оправдываемое преступленіе противъ Россіи. У насъ такъ мало интеллигентныхъ силъ, надо беречь молодое поколѣніе; 14-е декабря, каковы бы ни были побужденія и личный характеръ его участниковъ, на тридцать лѣтъ задержало общественное развитіе Россіи; послѣ гибели декабристовъ образовалась пустота, которая еще и теперь не заполнена.

Надо еще сказать, что если роль Кавелина осенью 1861 года вызвала въ извѣстныхъ кругахъ подозрительное и недоброжелательное от-

*) Тогда были арестованы Бекманъ, Ефименко, Португаловъ, Зеленскій, Завадскій. Былъ просто замкнутый кружокъ, задававшійся просвѣтительными цѣлями; ихъ однако разослали по разнымъ городамъ; никакого участія профессоровъ не было и слѣда, но Я. Н. Бекманъ былъ любимцемъ П. В. Павлова.

ношеніе, то въ это же самое время его общественное значеніе достигло своего апогея. Лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что, едва было рѣшено назначеніе Головнина, какъ онъ сейчасъ же сдѣлалъ визитъ Кавелину, съ которымъ раньше не имѣлъ никакихъ прямыхъ отношеній.

XII.

Педагогическій кружокъ.

Первое время моего пребыванія въ университетѣ я вращался преимущественно въ средѣ товарищей—земляковъ, да имѣлъ два—три знакомыхъ семейства; лишь въ половинѣ второго года сталъ посѣщать утренніе журфиксы Кавелина, о которыхъ только что говорилъ. Почти въ то же время я свелъ близкое знакомство съ кружкомъ бывшихъ воспитанниковъ Педагогическаго института, переведенныхъ въ университетъ *); кружокъ, помнится, состоялъ исключительно изъ студентовъ историко-филологическаго факультета, большею частью дотягивавшихъ послѣдній годъ школьнаго ученія; но такъ какъ многіе изъ кружка по окончаніи курса остались въ Петербургѣ, то онъ

*) По закрытіи въ 1859 г. Педагогическаго института неокончившіе его воспитанники были переведены въ петербургскій университетъ.

просуществовалъ до лѣта 1862 года. Въ Педагогическомъ институтѣ ходила поговорка «пьянъ какъ филологъ», и, надо правду сказать, нѣкоторые члены кружка, и даже очень дѣльные, по милости этой слабости весьма преждевременно покончили земное поприще.

Кружокъ имѣлъ на меня крупное вліяніе, слѣды котораго остались и до сего дня. Я вошелъ въ него горячимъ поклонникомъ идей «Русскаго Вѣстника»; между тѣмъ характерными чертами кружка являлись: крайнее презрѣніе къ схоластической наукѣ, не имѣющей никакого прямого отношенія къ жизни, и философско-политическій радикализмъ. Хотя въ наукѣ я былъ очень слабъ, но въ первомъ пунктѣ придерживался тѣхъ же взглядовъ; за то въ другомъ крѣпко стоялъ на своемъ; мнѣ иногда приходилось одному выдерживать цѣлый вечеръ споръ съ мѣняющимися по очереди оппонентами. Лишь понемногу я сталъ сдаваться влѣво; на это отчасти имѣло вліяніе и знакомство съ Кавелинымъ.

На сторонѣ кружка было огромное преимущество; почти всѣ члены его имѣли уже очень солидную научную подготовку; они много читали и при томъ въ подлинникѣ писателей, которыхъ только что начинали переводить у насъ,—Бокль, напримѣръ, былъ извѣстенъ въ кружкѣ ранѣе, чѣмъ Тибленъ сталъ выпускать его,—читали и такихъ, какъ Фейербахъ, который никогда не появлялся въ настоящемъ русскомъ изданіи. Здѣсь я въ первый разъ узналъ о тюбингенской школѣ, о Бауэрѣ, Максѣ Штирнерѣ. Члены

кружка были знакомы и съ французскими соціалистами; одни особенно увлекались Луи Бланомъ, другіе благоговѣли передъ Прудономъ. Когда Кавелинъ посвятилъ двѣ—три лекціи изложенію и критикѣ (весьма благопріятной) взглядовъ соціалистовъ на собственность, его лекціи не удовлетворили моихъ пріятелей; они не нашли въ нихъ ничего новаго для себя, и при томъ, по ихъ мнѣнію, взгляды Кавелина были недостаточно радикальны. Понятно, что изъ тогдашнихъ журналовъ «Современникъ» пользовался въ этомъ кружкѣ особенными симпатіями; преимущественно увлекались политико-экономическими идеями; въ то же время рѣзкое отношеніе «Современника» къ разнымъ доморощеннымъ авторитетамъ какъ разъ совпадало со взглядами кружка. Даже «Полемическія красоты» Чернышевскаго, вызвавшія противъ него чуть не крестовый походъ, очень сочувственно были встрѣчены въ кружкѣ. Конечно, въ кружкѣ были двѣ—три личности, стоявшія нѣсколько въ сторонѣ отъ этого направленія, но онѣ совершенно стушевывались. Въ періодъ усиленнаго броженія (со второй половины 1861 г. по лѣто 1862 г.) симпатіи нѣкоторыхъ, и при томъ самыхъ видныхъ, членовъ кружка не двусмысленно сказались на сторонѣ движенія; они даже находили нѣкоторыя проявленія этого движенія слишкомъ умѣренными, напримѣръ, прокламаціи «Великоруссъ»; за то чуть не въ восторгъ были приведены «Молодой Россіей» и усердно распространяли ее, хотя изъ всѣхъ прокламацій она была наименѣе обдуман-

ная. Ни объ одномъ изъ тогдашнихъ профессоровъ историко-филологическаго факультета, если исключить Костомарова, въ этомъ кружкѣ не отзывались добрымъ словомъ; правда и то, что большинство изъ нихъ было ниже снисходительной критики. Даже Костомаровымъ не особенно удовлетворялись,—въ его лекціяхъ не видѣли ясно проведенной тенденціи; къ Стасюлевичу относились нѣсколько свысока; Пыпина игнорировали. Съ особеннымъ озлобленіемъ въ кружкѣ вспоминали о Педагогическомъ институтѣ. Теперь, напримѣръ, В. И. Модестовъ говоритъ: «Мало было въ Россіи высшихъ учебныхъ заведеній, столь существенно полезныхъ, каковъ былъ Главный педагогическій институтъ». Но въ тѣ далекія времена такого значенія за нимъ не признавали; напротивъ, указывали на то, что за все свое, помнится, сорокалѣтнее существованіе онъ только и далъ Мейера (юристъ) да Добролюбова (Благовѣщенскаго, бывшаго воспитанника Педагогическаго института, снисходительно замалчивали). Его послѣдняго директора И. И. Давыдова въ кружкѣ не иначе называли какъ Ванькой и не находили достаточно словъ, чтобы выразить презрѣніе къ Смирнову, который былъ правой рукой Давыдова.

Могу указать здѣсь на умершихъ участниковъ этого кружка: В. Г. Васильевскій, Д. Ѳ. Щегловъ, Долгомостьевъ (оба были уже учителями гимназій) — послѣдній пописывалъ въ «Эпохѣ» Ѳ. М. Достоевскаго (его перу принадлежитъ «Сказаніе о дураковой плѣши» въ раз-

гарѣ полемики съ возрожденнымъ «Современникомъ»),—А. Г. Новоселовъ,—умеръ директоромъ одной изъ московскихъ гимназій (его имя я встрѣтилъ въ 80-хъ годахъ подъ адресомъ или иконой, поднесенной варшавскому попечителю Апухтину), — Смирновъ, Сергѣй Фортунатовъ (оба рано умерли), Гавриловъ (былъ, кажется, директоромъ гимназіи при Филологическомъ институтѣ); въ этомъ же кружкѣ я познакомился съ Хорошевскимъ.

Д. Ѳ. Щегловъ, тогда молившійся на Прудона, доводилъ свой радикализмъ до того, что оплакивалъ «паденіе» Добролюбова (они были товарищами по институту).—Вотъ гдѣ у меня Добролюбовъ, ударяя себя въ сердце, говаривалъ Щегловъ; плачу о немъ, онъ сталъ бариномъ, завелъ себѣ лакея. Щегловъ вообще не могъ выносить никакой популярной личности; онъ свысока третировалъ Кавелина, о которомъ не имѣлъ впрочемъ ни малѣйшаго понятія, и съ перваго же времени сталъ относиться враждебно къ Костомарову; а какъ только появилась статья Н. И. о происхожденіи Руси, то сейчасъ же заявилъ, что онъ его въ грязь втопчетъ. Дѣйствительно, Щегловъ и вступилъ съ Костомаровымъ въ запальчивую полемику по этому вопросу. Кажется въ 1861—2 годахъ, онъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ «Библіотекѣ для Чтенія» (редакціи А. Ѳ. Писемскаго) и подъ именемъ «Охочекомонный» прославился своими дикими статьями. Впослѣдствіи Щегловъ былъ директоромъ гимназіи, но его раньше времени

принуждены были убрать... Въ половинѣ 80-хъ годовъ Щегловъ разъ заявился ко мнѣ съ предложеніемъ издать 2-й т. его Исторіи соціальныхъ ученій.—Она пойдетъ, говорилъ онъ, такъ какъ будетъ рекомендована; вѣдь я получилъ субсидію; кромѣ того ее будутъ покупать и революціонеры,—преимущественно ими и былъ раскупленъ 1-й т... — Такъ вамъ всего лучше самимъ ее издать, разъ что вы получили субсидію. — А мнѣ не хочется ее тратить.

Въ 1862 г. Головнинъ, желая поднять научный уровень нашихъ университетовъ и имѣя въ виду предстоящее открытіе двухъ новыхъ университетовъ, въ Одессѣ и Вильно (въ 1862 г. я лично слышалъ отъ И. Д. Делянова, что состоялось рѣшеніе правительства объ открытіи университета въ Вильно), отправилъ, кажется, сто молодыхъ людей за границу. Не полагаясь на одни университеты, онъ обратился даже къ редакціямъ крупныхъ журналовъ, предоставивъ каждой изъ нихъ указать двухъ молодыхъ людей, достойныхъ заграничной командировки. Командированнымъ назначалось 1,500 р. въ годъ, что̀ по тогдашнему курсу составляло около 5,500 фр.; срокъ командировки былъ двухлѣтній. Кажется, пять человѣкъ изъ кружка были отправлены за границу. Напечатанные въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» первые отчеты В. И. Модестова и А. Г. Новоселова, въ которыхъ они весьма не лестно отзывались о лекціяхъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ свѣтилъ въ области классической филологіи, вызвали бурю негодо-

ванія со стороны Каткова, уже тогда открывшаго энергическую кампанію противъ Головнина. Одно время можно было думать, что В. И. Модестовъ и А. Г. Новоселовъ будутъ отозваны; однако Головнинъ этого не сдѣлалъ *).

Къ осени 1864 г. всѣ посланные вернулись изъ-за границы. Тамъ у бывшихъ членовъ кружка не только остылъ политическій пылъ (да и время въ Россіи было очень глухое), но измѣнились существенно и другіе взгляды. Помню, какъ-то сошлись у меня Васильевскій и Хорошевскій; возникъ о чемъ-то споръ, и Хорошевскій поставилъ вопросъ:—Какъ вы думаете, Василій Григорьевичъ, сама ли по себѣ существуетъ наука, или она прежде всего должна служить обществу. — А я думаю, отвѣтилъ В. Г., что наука должна существовать сама по себѣ.

Вернувшись окончательно въ Петербургъ въ половинѣ 80-хъ годовъ, я по нѣкоторомъ времени сталъ встрѣчаться съ В. Г. на вечерахъ у Л. Н. Майкова, и наши старыя отношенія возобновились, мы бывали другъ у друга. Иногда вспоминали прошлое; хотя его взгляды существенно измѣнились, но онъ относился къ сво-

---

*) Вотъ что, должно быть въ началѣ 62 г., разсказывалъ Кавелинъ:—видѣлъ Каткова, онъ пріѣзжалъ сюда, чтобы выхлопотать у Головнина субсидію.—Да вѣдь „Рус. Вѣстникъ" хорошо расходится.—Такъ, но у нихъ ужъ очень большіе расходы. Головнинъ, однако отказалъ, такъ какъ ранѣе обѣщалъ субсидію Краевскому, который будетъ издавать свою газету („Голосъ"). — У меня даже сохранилась въ памяти цифра —15 т. р. было назначено Краевскому.

имъ юношескимъ увлеченіямъ безъ малѣйшаго озлобленія. Прошлое отлично сохранялось въ его памяти до самыхъ незначительныхъ мелочей; ничего онъ не замалчивалъ, не старался представить въ другомъ видѣ или по крайней мѣрѣ значительно смягчить. Поворотнымъ пунктомъ въ своихъ общественныхъ взглядахъ онъ считалъ встрѣчу за границей съ Кавелинымъ и разсказъ К. Д. о разговорѣ съ Зибелемъ по поводу польскихъ дѣлъ. Какъ извѣстно, Зибель принадлежалъ къ оппозиціи и вмѣстѣ съ ней рѣшительно нападалъ на Бисмарка за его поддержку Россіи въ подавленіи возстанія. Зибель говорилъ Кавелину:—Можетъ ли быть глупѣе политика, чѣмъ та, которую проводитъ Бисмаркъ; нашъ прямой интересъ заключается въ томъ, чтобы познанскіе поляки оказывали самую дѣятельную поддержку возстанію и чѣмъ дольше, тѣмъ лучше; они бы тогда совсѣмъ разорились, и мы, нѣмцы, за безцѣнокъ скупили бы ихъ помѣстья.—На современную жизнь В. Г. смотрѣлъ глазами пессимиста, особенно когда рѣчь заходила о нашемъ просвѣщеніи. Будучи убѣжденнымъ классикомъ, онъ съ грустью говорилъ, что классическая система вслѣдствіе ложной постановки ея у насъ рѣшительно ничего не дала. Изъ всѣхъ своихъ учениковъ онъ всегда съ особенной теплотой говорилъ объ И. М. Гревсѣ.

В. Г. Васильевскій до конца сохранилъ привычки студенческаго sans façon. Вспоминаю одинъ забавный случай на журфиксѣ у Л. Н. Майкова. Разъ входитъ какой-то незнакомый

мнѣ господинъ; то оказался С., спеціалистъ по доисторической археологіи, пріѣхавшій изъ другого города. Можетъ-быть, минутъ пять -десять съ нимъ занялся Майковъ, а затѣмъ гость былъ предоставленъ самому себѣ. Сидѣлъ С. подлѣ меня; вотъ по-времени я и спрашиваю его:—Вы, кажется, долго жили въ Польшѣ; что̀, представляетъ она большой интересъ для доисторической археологіи? — Нѣтъ, и затѣмъ онъ оживленно и красно сталъ развивать мнѣ послѣдовательность какихъ-то археологическихъ періодовъ, которые однако всѣ миновали Польшу. Я внимательно слушалъ. Противъ меня сидѣлъ Васильевскій и, казалось, совсѣмъ не интересовался словами С.; вдругъ В. Г. выпалилъ:—Ахъ, какія ереси вы разсказываете; впрочемъ мы съ вами довольно объ этомъ спорили и на словахъ, и печатно; а теперь я это замѣчаю для того, чтобы Л. Ф. не всему повѣрилъ, что̀ вы говорите... Всѣ разговоры моментально стихли, С., конечно, вскипѣлъ, начался споръ.—Іорданъ говоритъ, что они (какой-то славянскій народъ) ушли за Карпаты.- Ничего подобнаго Іорданъ не говоритъ, у него стоитъ — «ушли за горы», а какія — кто ихъ знаетъ, отвѣчаетъ В. Г., и т. д. въ этомъ родѣ.

Какъ-то разъ я обратился къ нему съ просьбой указать какую-нибудь исторію Византіи для перевода на русскій языкъ.—Да нѣтъ подходящихъ, отвѣчалъ В. Г. И что̀ интереснаго въ исторіи Византіи? Вонъ Ѳедоръ Ивановичъ (проф. Успенскій) еще находитъ въ ней какую-то жизнь

и развитіе, а по-моему эта исторія — не что иное, какъ медленное гніеніе большого трупа. Намъ, кабинетнымъ крысамъ, есть надъ чѣмъ въ ней копаться, а другимъ не знаю, что можетъ быть въ ней интереснаго.

И это говорилъ человѣкъ, котораго В. И. Модестовъ называетъ основателемъ школы византинистовъ въ Россіи. Позволительно спросить, для кого же она существуетъ?

XIII.

Диспуты.

Ученые диспуты являются немаловажнымъ событіемъ во внутренней жизни нашихъ университетовъ; при мнѣ однако въ петербургскомъ университетѣ не было выдающихся диспутовъ по ихъ научному или общественному значенію; все-же три изъ нихъ сохранились въ моей памяти благодаря нѣкоторымъ побочнымъ обстоятельствамъ. Зимою 1860 года Бальтазаръ Калиновскій *) защищалъ диссертацію на магистра о

*) Въ 1862 г. осенью онъ, будучи уже профессоромъ, возвращался изъ-за границы, гдѣ между прочимъ побывалъ и въ Лондонѣ; везъ съ собой на память портретъ Герцена съ автографомъ; портретъ былъ отобранъ въ таможнѣ, а Калиновскому пришлось переселиться въ Астрахань.

развитіи идеи свободной торговли,—точнаго заглавія не помню. Оффиціальные оппоненты И. Я. Горловъ и, кажется, И. Е. Андреевскій сдѣлали нѣсколько замѣчаній второстепеннаго значенія, такъ какъ по существу они ничего не имѣли противъ фритрэдерскихъ идей диспутанта и горячей защиты имъ принципа laissez faire—laissez passer. Предсѣдательствовавшему на диспутѣ Калмыкову оставалось только выполнить формальную обязанность: обратиться къ публикѣ съ вопросомъ, не желаетъ ли кто сдѣлать возраженій, и затѣмъ, выждавъ съ полминуты, объявить, что диспутантъ признанъ достойнымъ степени магистра, какъ вдругъ, къ общему удивленію, встаетъ офицеръ въ драгунской формѣ и проситъ слова. То былъ, какъ оказалось, пріятель Калиновскаго Сигизмундъ Сѣраковскій *), пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ въ польскихъ кругахъ и имѣвшій большія связи въ русскомъ обществѣ, а со многими изъ русскихъ онъ даже былъ въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, напримѣръ, съ Кавелинымъ, Чернышевскимъ (послѣдній въ «Прологѣ пролога» вывелъ Сѣраковскаго подъ именемъ Соколовскаго). Сѣраковскій потомъ принялъ участіе въ возстаніи

*) Въ 1848 г., будучи студентомъ, онъ изъ Волыни пытался пробраться въ Галицію, чтобы тамъ примкнуть къ революціонному движенію, но былъ схваченъ и доставленъ въ Петербургъ. Здѣсь Сѣраковскій обратилъ на себя особенное вниманіе крайне откровеннымъ заявленіемъ образа своихъ мыслей и былъ сосланъ въ солдаты въ одинъ изъ оренбургскихъ батальоновъ, тамъ дослужился до офицера, затѣмъ прошелъ курсъ академіи генеральнаго штаба.

1863 г., хотя и не вѣрилъ въ его успѣхъ. Раненый онъ былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ Муравьевымъ. Но возвращаюсь къ диспуту. Сѣраковскій, ничего не имѣя противъ идеи свободной торговли, съ жаромъ напалъ на принципъ laissez faire—laissez passer. Уже одна горячность рѣчи Сѣраковскаго, съ ежеминутнымъ біеніемъ въ грудь, немало смутила чиновно-степеннаго Калмыкова, но когда Сѣраковскій сказалъ:—Вотъ теперь вырабатываются проекты освобожденія крестьянъ съ надѣломъ землею, и я знаю, что вы этому сочувствуете; между тѣмъ этотъ надѣлъ является прямымъ нарушеніемъ вашего основного принципа,—тутъ Калмыковъ пришелъ въ ужасъ священный отъ такой нескромности и поторопился закрыть диспутъ.

Вскорѣ Калмыковъ заболѣлъ; Кавелинъ, забывая ихъ очень обостренныя отношенія по факультету, навѣстилъ больного; тотъ этимъ былъ тронутъ и между прочимъ сказалъ, что его такъ разстроилъ диспутъ Калиновскаго, что онъ съ тѣхъ поръ никакъ не можетъ поправиться.—Этотъ ужасный офицеръ, повторялъ Калмыковъ, что̀ онъ себѣ позволилъ! Недолго спустя Калмыковъ и умеръ.

Помнится, въ томъ же году В. И. Ламанскій защищалъ диссертацію «О славянахъ въ Малой Азіи, Италіи» и еще гдѣ-то. Оффиціальнымъ оппонентомъ былъ Касторскій, который двухъ словъ не могъ сказать безъ уморительныхъ гримасъ, кривляній и шутовства. Съ внѣшней стороны, а именно своимъ объемомъ, дис-

сертація В. И. Ламанскаго рѣзко отличалась отъ обычныхъ въ тѣ времена диссертацій, вообще довольно жиденькихъ,—она представляла очень изрядный томъ. — Одинъ греческій мудрецъ, такъ началъ Касторскій, помахивая диссертаціей, сказалъ: большая книга — большое зло, и сейчасъ же при этихъ словахъ сдѣлалъ неописуемую гримасу. Аудиторія, и ранѣе при видѣ Касторскаго несерьезно настроенная, разразилась громкимъ смѣхомъ, смѣшаннымъ съ легкимъ шиканьемъ. Но далѣе Касторскій, — и кажется не безъ нѣкотораго основанія,—началъ уличать Влад. Иван. въ черезчуръ свободномъ пользованіи источниками, благодаря чему у него и оказались славяне тамъ, гдѣ для нихъ не было надлежащаго мѣста. Однако аудиторія всѣ замѣчанія Касторскаго принимала несочувственно не потому только, что они шли отъ него, но и потому еще, что нѣкоторая слабость къ славянамъ тогда была довольно распространена между студентами. Напротивъ, всякій отвѣтъ В. И. Ламанскаго покрывался рукоплесканіями, а когда диспутъ былъ законченъ, то ему была сдѣлана шумная овація.

Третій диспутъ происходилъ весной 1864 г., когда я собственно уже не былъ студентомъ. Покойный Брикнеръ защищалъ свою диссертацію «О мѣдныхъ деньгахъ въ Россіи 1656 - 1663 г. и денежныхъ знакахъ въ Швеціи въ 1716—1719 г.». Аудиторію нѣсколько сочувственно настраивала въ пользу диспутанта его предшествующая исторія. По окончаніи курса въ петербургской Peterschule ему хотѣлось поступить въ универси-

тетъ, но папаша, служившій въ какой-то коммерческой конторѣ, и слышать о томъ не хотѣлъ, а заставилъ сына также поступить въ контору. Однако черезъ нѣсколько лѣтъ папаша умеръ; тогда Брикнеръ, имѣя небольшія сбереженія, отправился за границу; тамъ въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ слушалъ историческіе курсы и, кажется, въ Іенѣ получилъ степень доктора; затѣмъ вернулся въ Петербургъ съ намѣреніемъ посвятить себя научной карьерѣ. Для этого надо было прежде всего сдать экзаменъ на магистра, но у Брикнера не имѣлось кандидатскаго диплома, держать же экзаменъ на кандидата онъ не могъ ни по историко-филологическому факультету, такъ какъ не занимался чисто филологическими науками, ни по юридическому, цѣлые отдѣлы котораго ему были совершенно неизвѣстны. Но въ немъ приняли участіе Кавелинъ и другіе вліятельные профессора; благодаря ихъ предстательству Брикнеру дано было разрѣшеніе прямо держать на магистра.

Предсѣдательствовалъ на диспутѣ И. И. Срезневскій. Спеціалиста по русской исторіи въ то время въ университетѣ не имѣлось, такъ какъ не только Касторскій, но и Костомаровъ уже не состояли въ числѣ профессоровъ. Оффиціальные оппоненты Бауэръ и еще кто-то послѣ нѣсколькихъ замѣчаній почтили работу Брикнера лестнымъ отзывомъ. Послѣ нихъ выступилъ Срезневскій въ качествѣ неоффиціальнаго оппонента. —Прежде чѣмъ приступить къ замѣчаніямъ по существу вашего труда, обратился Срезневскій

къ диспутанту, позвольте предложить вамъ условиться въ нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ, чтобы потомъ намъ было легче вести нашу бесѣду.— Брикнеръ весьма любезно выражаетъ свое полное согласіе. Что такое научное изслѣдованіе? —спрашиваетъ Срезневскій, и сообща съ Брикнеромъ рѣшаютъ, что это—такая научная работа, которая основывается на самостоятельномъ изученіи первоначальныхъ источниковъ. — Какимъ условіямъ обязательно должно отвѣчать научное изслѣдованіе? Въ немъ должно быть строго проведено внутреннее единство предмета, самый же предметъ изслѣдованія подвергнутъ всестороннему изученію. — И затѣмъ еще установили нѣсколько положеній. Публика, не знакомая съ работой Брикнера, весьма недоумѣвала, къ чему ведется рѣчь; но Срезневскій скоро вывелъ ее изъ этого положенія; въ какія-нибудь пять минутъ онъ затѣмъ доказалъ, что работа Брикнера не отвѣчаетъ ни одному изъ положеній, сообща принятыхъ: нѣтъ никакой связи между исторіей мѣдныхъ денегъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и въ Швеціи въ началѣ XVIII в., что всѣ источники Брикнера—статейка Строева да какая-то нѣмецкая книга. Все это Брикнеръ, крошечная фигурка котораго едва виднѣлась изъ-за каѳедры, почтительно выслушалъ и не нашелъ что̀ возразить. Послѣ этого уничтожающаго разноса Срезневскому же пришлось выполнить щекотливую для него обязанность—провозгласить Брикнера достойнымъ степени магистра; онъ, конечно, это и сдѣлалъ, но при этомъ особенно подчеркнулъ,

что факультетъ *большинствомъ голосовъ* призналъ Брикнера достойнымъ степени магистра.

Повидимому, диспуты въ петербургскомъ университетѣ никогда не достигали того значенія, какъ это бывало въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ. Сколько я ни разспрашивалъ старыхъ студентовъ болѣе близкаго времени и даже 40-хъ годовъ, никто не вспоминалъ о какомъ-нибудь выдающемся диспутѣ. Только Ник. Ив. Погребовъ, кончившій университетъ, кажется, въ началѣ 40-хъ годовъ, разсказывалъ мнѣ, что въ его время сохранялась въ университетѣ память о замѣчательномъ и совершенно исключительномъ диспутѣ Устрялова, происходившемъ въ срединѣ 30-хъ годовъ. Н. Г. Устряловъ защищалъ свою диссертацію о мѣстѣ, которое занимаетъ исторія Литвы въ общей исторіи Россіи. Оффиціальная часть диспута прошла обычнымъ порядкомъ, т. е. все дѣло сводилось къ незначительнымъ и мелочнымъ замѣчаніямъ, а въ общемъ диссертація была признана крупнымъ вкладомъ въ русскую науку. Наконецъ, деканъ обращается къ публикѣ съ обязательнымъ вопросомъ, не желаетъ ли кто возражать диспутанту. Поднимается какой-то старичокъ и проситъ слова. Въ теченіе почти часовой рѣчи онъ, ссылаясь на авторитетные источники, доказалъ не только полное невѣжество Устрялова, но и констатировалъ самое непозволительное извращеніе историческихъ фактовъ. Оппонентомъ оказался Онацевичъ, бывшій профессоръ виленскаго университета, въ то время библіотекарь Императорской Публичной би-

бліотеки. Серьезность, спокойствіе и изысканная вѣжливость оппонента отнимали всякій поводъ остановить его, а между тѣмъ провалъ Устрялова былъ проваломъ патріотически-оффиціальной теоріи. Можно себѣ представить, въ какомъ трепетѣ находился весь ученый синклитъ!

XIV.

Женщины въ Петербургскомъ университетѣ.

Разъ въ осенній семестръ 1859 г. сидимъ мы, студенты-юристы 2-го курса, въ IX аудиторіи и поджидаемъ профессора Кавелина; аудиторія, какъ всегда на его лекціяхъ, полнымъ-полнехонька: Константинъ Дмитріевичъ былъ тогда въ зенитѣ своей популярности. По времени входитъ Кавелинъ; но къ крайнему нашему удивленію вслѣдъ за нимъ показалась фигура ректора П. А. Плетнева, ведшаго подъ-руку молодую миловидную барышню. Петръ Александровичъ любезно усадилъ барышню въ кресло, усѣлся самъ, а Кавелинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, прочелъ свою лекцію. Не думаю однако, что на этотъ разъ всѣ прослушали лекцію съ тѣмъ вниманіемъ, какъ это обыкновенно бывало. То же повторилось и на слѣдующей лекціи; затѣмъ

Кавелинъ самъ нѣсколько разъ вводилъ барышню, а потомъ она стала появляться въ аудиторію одна, принося съ собой тетрадь для записыванія лекцій, и, въ ожиданіи профессора, усаживалась за однимъ изъ общихъ столовъ. Барышня имѣла рѣзко выраженный итальянскій типъ, небольшого роста, всегда одѣта въ черное шерстяное, простого фасона платье; волосы у нея были нѣсколько подстрижены и собраны въ сѣтку. То была Наталья Іеронимовна Корсини, дочь небезызвѣстнаго тогда въ Петербургѣ архитектора Іеронима Дементьевича Корсини. Ея мать, въ то время уже не живая, въ сороковыхъ и вначалѣ 50-хъ годовъ принимала нѣкоторое участіе въ литературѣ и была знакома съ Плетневымъ. Помнится, въ изданной перепискѣ Я. Грота съ Плетневымъ имя матери Натальи Іеронимовны не разъ упоминается.

Барышня, видимо, не желала ограничиваться слушаніемъ лекцій одного Кавелина, а стала весьма исправно посѣщать и другихъ профессоровъ юридическаго факультета, какъ-то В. Д. Спасовича, потомъ Б. И. Утина (впослѣдствіи перешедшаго въ магистратуру и давно умершаго); слушала ли она еще кого-нибудь изъ профессоровъ-юристовъ—не помню. Кажется, у нея хватало мужества и терпѣнія и на это.

Н. І. Корсини (впослѣдствіи замужемъ за Н. Утинымъ, нынѣ вдова) недолго оставалась единственною слушательницею; вскорѣ рядомъ съ ней мы увидали Антониду Петровну Блюммеръ (вдова Кравцова), затѣмъ Марью Арсеньевну

Богданову (вдова Быкова). М. А. Богданова предпочтительно слушала лекціи по естественному факультету. Потомъ встрѣчаемъ въ аудиторіяхъ Екат. Іер. Корсини (нынѣ Висковатова), Надежду Прокопьевну Суслову, Марью Александровну Бокову (нынѣ Сѣченова). Во второмъ семестрѣ стало все болѣе и болѣе являться женщинъ; въ числѣ ихъ была и М. М. Коркунова, впослѣдствіи г-жа Манассеина, извѣстная своими писаніями по всѣмъ отраслямъ. А въ 1860—61 г. сдѣлалось совсѣмъ обычнымъ явленіемъ, что на лекціяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ дамъ бывало чуть ли не столько же, сколько студентовъ. Впрочемъ тогда довольно трудно было отличить настоящихъ студентовъ; форма, хотя и была отмѣнена только весной 1861 года, но какъ-то сама собой стала выходить изъ практики у студентовъ. И этого долженъ былъ не замѣчать тотъ самый инспекторъ Фицтумъ, который еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ всю свою душу полагалъ въ улавливаніи студентовъ, въ чемъ-нибудь нарушившихъ форму. Въ то же время университетъ какъ-то самъ собой открылся для всѣхъ желающихъ; даже не надо было записываться въ вольнослушатели, а просто—приходи и слушай. Въ аудиторіяхъ постоянно можно было видѣть воспитанниковъ римско-католической духовной академіи, чиновниковъ, офицеровъ, особенно изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній; помню даже одного жандармскаго офицера, довольно регулярно посѣщавшаго лекціи М. М. Стасюлевича и, кажется, Костома-

рова, что̀, повидимому, нисколько не стѣсняло лекторовъ и нимало не смущало остальныхъ слушателей. Въ аудиторіяхъ нерѣдко появлялись извѣстные литераторы, учителя, профессора другихъ учебныхъ заведеній, люди почтенные по своему возрасту и оффиціальному положенію; такъ, одно время гр. Ѳ. П. Толстой, тогдашній вице-президентъ академіи художествъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ посѣщалъ лекціи Ник. Ив. Костомарова. Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ такого разнообразнаго состава своихъ слушателей Костомаровъ и выступилъ въ концѣ 1861 г. съ проектомъ преобразованія нашихъ университетовъ на манеръ Collège de France *).

Какъ же отнеслась профессорская коллегія къ появленію женщины въ университетѣ? О Кавелинѣ и говорить нечего,—онъ былъ убѣжденнымъ защитникомъ равноправности женщины. При всемъ его глубокомъ уваженіи къ Прудону, онъ бывало говаривалъ:—Трудно понять, что такой глубокоумный человѣкъ, какъ Петръ Осиповичъ (такъ онъ шутя называлъ Прудона), высказываетъ такія отсталыя идеи, когда касается женскаго вопроса; только тѣмъ и можно объяснить, что онъ происходитъ изъ крестьянской среды, гдѣ женщина понимается какъ рабочее орудіе.

Несомнѣнно большинство профессоровъ не

*) Этотъ проектъ не встрѣтилъ сочувствія какъ у студентовъ, такъ и у большинства профессоровъ; М. М. Стасюлевичъ съ точки зрѣнія чисто научныхъ интересовъ весьма основательно возражалъ Ник. Ив—чу.

особенно сочувственно смотрѣло на стремленіе женщины къ высшему образованію; оно совсѣмъ не догадывалось, что это—начало очень серьезнаго движенія, а видѣло въ этомъ стремленіи простую моду. Настоящая наука, типичнымъ представителемъ которой былъ Калмыковъ, казалась старикамъ несовмѣстимою съ присутствіемъ женщины въ университетѣ. Тѣмъ не менѣе никто не заявилъ открытаго протеста противъ посѣщенія ихъ лекцій женщинами. Кажется, Ст. Сем. Куторга довольно косо смотрѣлъ на присутствіе женщинъ въ его аудиторіи; говорили, что онъ частенько усиленно подчеркивалъ нѣкоторыя подробности, щекотливыя для женщинъ; но дальше этого и онъ не пошелъ.

Немногія изъ женщинъ, посѣщавшихъ университетъ, специализировались въ слушаніи лекцій, какъ Н. І. Корсини, М. А. Богданова, Н. П. Суслова; большинство ограничивалось лекціями наиболѣе выдающихся тогда профессоровъ, а именно Кавелина, Спасовича, Стасюлевича, Костомарова.

Какія же отношенія установились у студентовъ къ ихъ новымъ товарищамъ—слушательницамъ? Надо прежде всего сказать, что составъ студентовъ за мое время былъ довольно-таки пестрый. Были еще студенты совсѣмъ стараго добраго времени, и при томъ двухъ типовъ. Одни беря себѣ въ образецъ нѣмецкихъ буршей, на первомъ планѣ ставили выпивку и посѣщеніе разныхъ «залъ» въ Загибенномъ переулкѣ, гдѣ студенты даже пользовались своеобразной при-

вилегіей,—уменьшенной платой за входъ. Эти студенты мало интересовались тѣмъ, что́ происходило въ университетѣ, и какъ-то мелькомъ въ немъ показывались. Другіе, напротивъ, весьма усердно посѣщали всѣ обязательныя лекціи, записывали ихъ и уже больше знать ничего не хотѣли, ни въ какіе журналы или книги, кромѣ развѣ романовъ, не заглядывали (газеты тогда вообще мало читались студентами). Точно такъ же ихъ никогда нельзя было встрѣтить на лекціяхъ другихъ профессоровъ. Впрочемъ я думаю, что такіе студенты никогда не переводились. За этой группой студентовъ стараго времени шла довольно значительная масса, если можно такъ выразиться, студентовъ перваго пробужденія новой жизни въ университетѣ; ея типичнымъ представителемъ можно назвать покойнаго Модзалевскаго. Изъ профессоровъ представителемъ этого момента является недавно умершій академикъ Мих. Ив. Сухомлиновъ; въ 58 г. онъ былъ за границей. Его поклонники—студенты возлагали большія надежды на возвращеніе Сухомлинова. М. Ив., по ихъ словамъ, вдохнетъ новую жизнь въ нѣсколько застоявшуюся студенческую среду, онъ ихъ объединитъ. Но вотъ, помнится, въ 1859—1860 году вернулся М. Ив., открылъ свой курсъ по исторіи русской литературы и... болѣе чѣмъ не удовлетворилъ своихъ слушателей; что же касается до попытокъ его сблизиться со студентами и вернуть прежнее руководительство,—все это, конечно, свидѣтельствовало о самыхъ лучшихъ побужденіяхъ съ его

стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорило и о большой наивности М. Ив. За два года пребыванія его за границей студенчество нѣсколько ушло впередъ. Какъ на лекціяхъ М. Ив. оно не приходило въ умиленіе отъ того, что уже у Кирилла Туровскаго явно проступаютъ слѣды народности въ словахъ «зори румяны персты», такъ и въ его возгласахъ: «Ахъ студенты, ахъ молодое поколѣніе!» не находило никакой руководящей идеи. У Писарева М. Ив. фигурируетъ подъ именемъ Телицына, и, насколько я припоминаю отзывы товарищей, постоянно слушавшихъ М. Ив. и имѣвшихъ съ нимъ болѣе или менѣе близкія отношенія, Писаревъ не особенно погрѣшилъ въ своей характеристикѣ. Когда въ октябрѣ 1861 г., послѣ временнаго прекращенія лекцій, университетъ былъ вновь открытъ, студенты, даже взявшіе «матрикулы», отказались посѣщать лекціи. Мих. Ив., все еще вѣря въ свой авторитетъ у студентовъ, просилъ дозволенія собрать сходку, чтобы уговорить ихъ возобновить слушаніе лекцій. По счастью для него попечитель Филипсонъ отказалъ въ разрѣшеніи. Затѣмъ, какъ извѣстно, послѣ эпизода 14-го октября, университетъ былъ окончательно закрытъ. Въ началѣ 1862 года, уже при министрѣ Головнинѣ, студенческій комитетъ организовалъ чтеніе университетскихъ курсовъ въ залахъ Думы и Петершуле; М. Ив. не былъ приглашенъ. Когда онъ объ этомъ узналъ, то пришелъ въ крайнее волненіе и черезъ студента Хорошевскаго просилъ передать комитету, что онъ застрѣлится, если не будетъ приглашенъ.

Комитетъ однако остался при прежнемъ рѣшеніи, что̀ М. И-чу и сообщилъ тотъ же Хорошевскій. — Но скажите пожалуйста, что могутъ имѣть противъ меня студенты? спросилъ М. Ив.— Да, кажется, они находятъ, что въ вашихъ лекціяхъ больше краснорѣчія, чѣмъ содержанія,— дипломатично отвѣчалъ Хорошевскій. — Представьте себѣ, въ этомъ самомъ упрекаютъ и французскихъ профессоровъ, возразилъ М. Ив. и на этомъ успокоился.

Огромное большинство студентовъ отнеслось къ появленію женщинъ въ университетѣ какъ къ явленію совершенно естественному и, кажется, ничѣмъ не подало слушательницамъ повода хотя бы къ малѣйшему неудовольствію. Тогда у студентовъ уже начала сказываться большая щепетильность въ охранѣ добраго имени студента. Такъ, припоминаю два случая. Разъ,—это было въ одинъ изъ семестровъ 1859—1860 года,— профессоръ богословія Полисадовъ, не окончивъ лекціи, вышелъ изъ аудиторіи (1-го курса), потому что небольшая группа студентовъ вела себя недостаточно сдержанно, особенно Г., сынъ одного изъ самыхъ важныхъ тогда сановниковъ; было даже подозрѣніе, что компанія играла въ карты. Студенты пришли въ волненіе, на сходкахъ высказывались требованія объ исключеніи изъ университета главнаго виновника.—Посѣщеніе лекцій необязательно, значитъ,—разъ пришелъ на лекцію, долженъ сохранять полное уваженіе къ профессору и своимъ товарищамъ.— Только извиненіе Г. передъ проф. Полисадовымъ

и аудиторіей покончило это дѣло. Другой случай. Была какая-то выставка въ Петербургѣ, на ней экспонировались между прочимъ сыры; посѣтители могли ихъ пробовать. Разъ распорядители замѣтили, что два студента, С—ій и П—въ (оба давно умершіе), черезчуръ усердно пробовали сыры. Объ этомъ дошли слухи до университета; собралась сходка; С. и П. пришлось оправдываться и въ концѣ-концовъ выслущать рѣзкое порицаніе.

И вотъ при такихъ-то нравахъ за два года посѣщенія женщинами университета не было ни одного случая, который сталъ бы предметомъ товарищескаго обсужденія и тѣмъ болѣе суда.

Какъ отразилось появленіе женщинъ въ университетѣ на нравахъ студентовъ? Безъ малѣйшаго преувеличенія могу сказать, что самымъ благопріятнымъ образомъ. Какъ читатель уже знаетъ, я поступилъ въ университетъ въ 1858 году. Несмотря на новыя вѣянія, нравы студентовъ оставляли желать многаго. Тогда студентовъ постоянно можно было видѣть прогуливающимися въ извѣстные часы по Невскому проспекту, а онъ въ тѣ времена далеко не походилъ на нынѣшній; тутъ «нашъ братъ студентъ» не только не задумывался заглянуть подъ всякую шляпку, но и вступалъ въ самыя непринужденные разговоры и отношенія съ прекрасными дѣвицами; на Васильевскомъ Островѣ всякаго наименованія «залы» усердно посѣщались молодежью; попойки (водка и пиво были не въ ходу, имъ студенты предпочитали хересъ и мадеру) были въ большомъ ходу. Еще незадолго передъ

тѣмъ начальство на все это смотрѣло весьма снисходительно; преслѣдовалось лишь всякое нарушеніе формы да малѣйшее проявленіе «вольнаго духа». Однако всѣ непривлядныя стороны студенческихъ нравовъ стали быстро сглаживаться, и въ 1861 году многое уже казалось чѣмъ-то давно минувшимъ. И тутъ, конечно, не безъ крупнаго вліянія оказалось общеніе съ интеллигентной женской молодежью.

Разъ въ началѣ 1862 г. выходилъ я съ Н. Г. Чернышевскимъ съ небольшого студенческаго собранія, на которомъ были двѣ-три барышни.— А какія милыя эти барышни, сказалъ Н. Г., въ первый разъ ихъ видѣвшій, большая разница противъ прежняго; въ мое время въ студенческой компаніи можно было встрѣчать только публичныхъ женщинъ.

Присутствіе женщинъ въ аудиторіяхъ не повліяло ли на лекторовъ въ томъ смыслѣ, что, видя въ числѣ своихъ слушателей довольно большой процентъ лицъ, быть-можетъ, недостаточно подготовленныхъ къ слушанію университетскихъ курсовъ, они въ силу этого должны были нѣсколько понизить научный характеръ своихъ лекцій? Не думаю; по крайней мѣрѣ тѣ профессора, лекціи которыхъ наиболѣе посѣщались женщинами, читали совершенно такъ же, какъ и ранѣе; смѣло ссылаюсь на М. М. Стасюлевича и В. Д. Спасовича, въ полной увѣренности, что они подтвердятъ мои слова.

Сколько мнѣ извѣстно, женщины посѣщали только петербургскій университетъ. Кавелинъ

разсказывалъ, что въ совѣтѣ московскаго университета обсуждался вопросъ о допущенiи женщинъ въ аудиторiи и большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.—Все-же нашлось два умныхъ профессора, замѣтилъ Кавелинъ, интересно бы знать, кто это такiе.—Черезъ нѣкоторое время К. Д. получилъ письмо отъ Б. Н. Чичерина. —Вы желали знать, писалъ онъ, кто были тѣ умные профессора, что подали въ совѣтѣ голосъ за допущенiе женщинъ въ университетъ, могу удовлетворить вашему любопытству: это—Анке (медикъ) и Мюльгаузенъ (финансы).—И тотъ, и другой были далеко не молодые профессора.

Въ университетѣ, открывшемся въ 63-мъ году, уже не оказалось мѣста для женщинъ; въ учебный 1862—1863 г. нѣкоторыя изъ нихъ начали слушать курсы въ военно-медицинской академiи съ намѣренiемъ держать потомъ экзаменъ на ученую степень; это были Н. П. Суслова, М. А. Богданова и М. А. Бокова, но и здѣсь черезъ годъ двери были закрыты; только покойной Кашеваровой (по мужу Рудневой) дозволено было окончить курсъ въ уваженiе особеннаго ходатайства оренбургскаго генералъ-губернатора.

М. А. Богданова (Быкова) болѣе 25-ти лѣтъ при самыхъ трудныхъ условiяхъ работала на педагогическомъ поприщѣ и у всѣхъ знавшихъ ее навсегда оставила неизгладимо признательное воспоминанiе. Спустя нѣкоторое время Н. П. Суслова, потомъ М. А. Бокова поступили въ цюрихскiй университетъ, гдѣ и получили док-

торскую степень, въ которой по colloquium'y были утверждены въ Россіи. Вслѣдъ за ними двинулась цѣлая волна русскихъ женщинъ въ швейцарскіе университеты, что даже вызвало особое правительственное распоряженіе, направленное противъ посѣщенія цюрихскаго университета. Это движеніе русскихъ женщинъ за границу отчасти способствовало разрѣшенію медицинскихъ курсовъ для женщинъ при медицинской академіи, закрытыхъ въ концѣ 80-хъ годовъ. Послѣдующее время принесло разные спеціальные курсы для женщинъ, сначала сейчасъ упомянутые медицинскіе курсы, потомъ высшіе женскіе курсы (одно время совершенно неправильно называвшіеся бестужевскими; К. П. Бестужевъ былъ только первымъ оффиціальнымъ предсѣдателемъ, — другого бы гр. Толстой не утвердилъ,—главнымъ же двигателемъ и душою всего дѣла былъ А. Н. Бекетовъ), педагогическіе курсы вѣдомства императрицы Маріи Ѳеодоровны и, наконецъ, въ недавнее время женскій медицинскій институтъ. Какъ переходная мѣра въ отвѣтъ на все болѣе и болѣе возрастающую у женщинъ потребность въ высшемъ образованіи всѣ эти учрежденія имѣютъ свое оправданіе и даже могутъ продолжать свое существованіе. Но опытъ петербургскаго университета въ 60-хъ годахъ, а также современная практика на западѣ достаточно убѣдительно говорятъ, что всѣ высшія учебныя заведенія должны быть одинаково открыты какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

XV.

Литературныя чтенія, спектакли литераторовъ и публичныя лекціи.

Теперь литературныя чтенія, отчасти и публичныя лекціи—просто одинъ изъ самыхъ обычныхъ способовъ сбора денегъ для разныхъ благотворительныхъ цѣлей, преимущественно въ пользу учащейся молодежи и разныхъ просвѣтительныхъ цѣлей. Но, понятно, вначалѣ они имѣли болѣе широкое общественное значеніе. На нихъ публика не только знакомилась съ ея любимыми писателями, да еще читающими свои собственныя произведенія, но и пріобрѣтала вкусъ и наклонность къ болѣе утонченнымъ наслажденіямъ. Не надо забывать, что передъ тѣмъ даже въ интеллигентныхъ кругахъ карты, ѣда съ выпивкой и самыя заурядныя сплетни были довольно обычными явленіями.

Кажется, въ тотъ годъ, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, т. е. въ 1858 г., товарищество «Общественная Польза», незадолго передъ тѣмъ открывшее свою дѣятельность, впервые организовало цѣлый рядъ публичныхъ лекцій (въ единственной тогда залѣ Пассажа) по естественнымъ и прикладнымъ наукамъ; въ числѣ лекторовъ были проф. Ходневъ, Ценковскій и др. Но литературныя чтенія начались только съ открытія Литературнаго Фонда (1859 г.). Они тоже сначала происходили въ залѣ Пассажа; попасть на

первыя чтенія было очень трудно, такъ какъ зала Пассажа была невелика, а желающихъ послушать было видимо-невидимо; и я только благодаря протекціи Кавелина, который состоялъ членомъ комитета Фонда, доставалъ себѣ билеты.

На первыхъ чтеніяхъ участвовали всѣ корифеи тогдашней литературы: Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Достоевскій, Островскій, Некрасовъ, Шевченко, Майковъ, Полонскій. Эти чтенія были интересны для публики не только тѣмъ, что она могла видѣть своихъ любимцевъ, но и потому, что большая часть тогдашнихъ литераторовъ были отличные чтецы, чѣмъ далеко не можетъ похвастаться настоящее время, несмотря на существованіе разныхъ декламаціонныхъ школъ и кружковъ выразительнаго чтенія. Тутъ дѣло не въ оскудѣніи талантовъ, а самая простая причина. Теперь что̀ читаютъ въ частныхъ кружкахъ? Изрѣдка вещь еще не напечатанную, но которая имѣетъ появиться, чаще же всего то, что̀ по какимъ нибудь причинамъ не можетъ доходить до публики. Тутъ о какихъ-нибудь требованіяхъ отъ чтеца и рѣчи быть не можетъ. Въ 40-хъ годахъ (какъ то между прочимъ свидѣтельствуетъ Достоевскій) соберется, бывало, нѣсколько человѣкъ, и если не усядутся за карты, то и примутся за чтеніе какого-нибудь классическаго произведенія. Бѣдность тогдашней общественной жизни достаточно объясняетъ это расположеніе перечитывать въ кружкахъ вещи, уже давно каждому извѣстныя, но все-же способныя доставлять большое художе-

ственное наслажденіе. Отсюда въ чтецахъ вырабатывалось не столько желаніе произвести сильный эффектъ, сколько стремленіе точнѣе и проще передать всю внутреннюю красоту и правду.

Это и было видно въ чтецахъ, выступившихъ на первыхъ литературныхъ вечерахъ. Честь открыть первое чтеніе выпала на И. С. Тургенева; въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не умолкали рукоплесканія; Тургеневъ хотя и съ замѣтной просѣдью, но еще во всей красѣ сорокалѣтняго возраста, только успѣвалъ раскланиваться; наконецъ, установилась тишина. На этотъ пріемъ Тургеневъ отвѣтилъ такъ: «Какъ ни глубоко тронутъ я знаками выказаннаго мнѣ сочувствія, но не могу всецѣло принять его на свой счетъ, а скорѣе вижу въ немъ выраженія сочувствія къ нашей литературѣ». Новыя рукоплесканія, и только когда Тургеневъ далъ понять, что хочетъ приступить къ чтенію, мало-по-малу публика затихла.

Голосъ у И. С. былъ негромкій, не особенно пріятный, но такова была простота и вдумчивость его чтенія, что Хорь и Калинычъ *) сто-

*) На одномъ изъ послѣдующихъ вечеровъ И. С. читалъ „Гамлета и Донъ Кихота". Хотя эта статья и была напечатана въ „Современникѣ", однако она лишь завершила тотъ разладъ, который еще ранѣе начиналъ сказываться между Тургеневымъ и лѣвымъ крыломъ „Современника"; послѣднее заподозрѣло, что И. С. именно его имѣлъ въ виду, говоря о Гамлетахъ. Кстати, считаю нелишнимъ исправить ошибку М. А. Антоновича (въ его воспоминаніяхъ о Добролюбовѣ). Тургеневъ въ разговорѣ съ Чернышевскимъ выразился: „Вы змѣя, а Добролюбовъ—очковая". М. А. Антоновичъ передаетъ ихъ какъ разъ наоборотъ.

яли передъ слушателями какъ живые; въ каждомъ словѣ чувствовались всѣ переливы ихъ души, оттѣнялась контрастность двухъ типовъ. Нечего и говорить, что когда Тургеневъ кончилъ, то рукоплесканіямъ и вызовамъ не было конца; почти вся публика встала, дамы махали платками, мужчины не жалѣли своихъ рукъ.

Первоклассный чтецъ былъ Островскій; никогда на меня «Свои люди—сочтемся» не производили такого впечатлѣнія, какъ въ чтеніи Островскаго. Онъ прочелъ всю драму, сдѣлавъ лишь очень незначительныя купюры; всѣмъ слушателямъ драма была извѣстна, но таково было мастерство чтенія, что всѣ прослушали ее, не только не испытавъ утомленія, но съ поразительнымъ увлеченіемъ. Я точно сію минуту слышу Островскаго: — Олимпіада Самсоновна, позвольте ручку поцѣловать.—Вы дуракъ необразованный.

Своего рода былъ великій мастеръ-чтецъ Писемскій. Разъ онъ читалъ совершенно незначительную вещь—изъ «Гаваньскихъ чиновниковъ» давно забытаго Генслера. Не только всѣ разговоры Писемскій передавалъ такъ, что слушатель совсѣмъ забывалъ чтеца, а, казалось, слышалъ самихъ обитателей Гавани, но даже когда онъ рисовалъ картину, напримѣръ, корову, стоящую передъ лужей и задумавшуюся, что ей дѣлать, или кофейницу, неустанно работающую,—иллюзія доводилась до необычайнаго совершенства.

И. А. Гончаровъ на одномъ изъ вечеровъ познакомилъ публику съ главой изъ будущаго «Об-

рыва» — Софья Николаевна Бѣловодова (этотъ отрывокъ былъ озаглавленъ «Эпизоды изъ жизни Райскаго»). Тогда Гончаровъ былъ въ зенитѣ своей славы; за годъ передъ тѣмъ вышелъ «Обломовъ», и всѣ нетерпѣливо ждали новаго произведенія. Онъ также читалъ хорошо, но у него была своя манера: читалъ какъ опытный докладчикъ, обдуманно, выразительно, но безъ внутренняго увлеченія.

На каждомъ чтеніи выступалъ Некрасовъ; читалъ онъ тихимъ, замогильнымъ голосомъ; къ нѣкоторымъ стихамъ его это очень шло, напримѣръ, «Ѣду ли ночью», но гдѣ требовалось больше энергіи, напримѣръ, «Стой, ямщикъ», тутъ онъ не могъ производить сильнаго впечатлѣнія. Какъ-то Кавелинъ разсказывалъ, что когда Некрасовъ въ первый разъ прочиталъ въ ихъ кружкѣ только-что написанное имъ «Ѣду ли ночью», то всѣ такъ были потрясены, что со слезами на глазахъ кинулись обнимать поэта. Манера Некрасова, умѣстная въ его собственномъ чтеніи и при томъ однако не всегда производившая соотвѣтственное впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе нашла подражателей; нѣкоторые, — я разумѣю чтецовъ въ частныхъ кружкахъ, — безъ различія, что̀ читали, читали à la Некрасовъ; тогда вообще замѣчалась нѣсколько наивная подражательность; напр., многіе говорили à la Чернышевскій, съ постоянными ну-съ, да-съ, однообразной интонаціей, какъ зачастую говорилъ Чернышевскій, когда, вѣроятно, думалъ о чемъ-нибудь совершенно стороннемъ. Не скажу, чтобы Некрасова

очень восторженно встрѣчали; всѣ высоко чтили его талантъ; молодежь многое знала изъ него наизустъ, но противъ него, какъ человѣка, царило широкораспространенное предубѣжденіе. Одни говорили, что играть на его вечерахъ это значитъ быть навѣрняка обыграннымъ *); другіе не могли ему простить, что Бѣлинскій, для котораго собственно и былъ основанъ «Современникъ», оказался въ немъ простымъ сотрудникомъ, которымъ, видимо, скоро стали даже тяготиться. Затѣмъ ему ставили на счетъ «Огаревское дѣло», до сихъ поръ совсѣмъ неразъясненное; даже фактическая его сторона разсказывается до крайности разнорѣчиво **); а партійно-литературные счеты, которые при этомъ сводятся, запутываютъ его до невозможности. Кавелинъ, который былъ въ курсѣ этого дѣла, не стѣснялся даже въ кружкѣ молодежи прямо говорить, что Некрасовъ въ отношеніяхъ къ Огареву сыгралъ очень некрасивую роль. Но никогда въ тѣ времена я не слыхалъ о трехъ тысячахъ руб., якобы данныхъ Тургеневымъ Некрасову для передачи Герцену, какъ это много позднѣе разсказы-

---

*) О карточныхъ операціяхъ Некрасова въ свое время ходило много толковъ: что въ нихъ правда—одинъ Богъ знаетъ, но у меня есть документальное доказательство, что Некрасовъ даже въ 70-хъ годахъ посѣщалъ такіе притоны какъ знаменитаго Дубецкаго, гдѣ все выдавало, а Некрасовъ былъ настолько житейски-опытный человѣкъ, что отлично понималъ, гдѣ бывалъ, — самая квартира помѣщалась по одной лѣстницѣ съ клубомъ.

**) Въ этомъ отношеніи интересно сопоставить разсказъ А. Я. Панаевой (въ ея Воспоминаніяхъ) и статью г. Гутьяра въ № 1 „Рус. Старины“ за 1903 г.

валъ Н. Успенскій. Неправдоподобность этого разсказа сама собой ясна; какимъ образомъ Тургеневъ могъ пересылать черезъ Некрасова деньги Герцену, когда послѣдній, несмотря даже на посредничество Ив. С., отказался видѣться съ Некрасовымъ въ 1857 г.

Внѣ чтеній я только разъ видѣлъ Некрасова; это было осенью 1862 или 1863 г., хорошенько не помню. Я былъ у Г. З. Елисѣева. Вдругъ входитъ Некрасовъ; онъ только-что вернулся изъ-за границы, выглядѣлъ бодро, да и самъ говорилъ, что чувствуетъ себя отлично. Не помню, о чемъ у нихъ шелъ разговоръ, который они вели, расхаживая по комнатѣ; но вотъ что̀ сохранилось у меня въ памяти. Г. З. держалъ себя съ нимъ безъ всякой приниженности; но онъ, несмотря на свою довольно плотную фигуру, какъ-то сразу умалился; напротивъ, Некрасовъ, державшій себя просто, всякимъ жестомъ, всякимъ словомъ говорилъ какъ человѣкъ «власть имущій»; казалось, что онъ даже впередъ зналъ, что ему отвѣтитъ Г. З., тогда какъ послѣдній точно пугался, точно постоянно думалъ: такъ ли я его понялъ. При оцѣнкѣ характера Некрасова надо всегда имѣть въ виду, что это былъ человѣкъ огромнаго житейскаго ума, ни на одну минуту не терявшій изъ виду разсчета, понимая это слово въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ принято. Характерный разсказъ я слышалъ отъ Н. А. Бѣлоголоваго. Богдановскій лѣчилъ Некрасова; когда признана была необходимость операціи, Некрасову самому пришла мысль пригласить

Бильрота; но онъ зналъ, что Бильротъ прiѣдетъ, сдѣлаетъ операцiю и уѣдетъ, а онъ останется на попеченiи Богдановскаго. И вотъ, чтобы какъ-нибудь не охладить Богдановскаго, онъ черезъ другихъ устроилъ такъ, что Богдановскiй самъ предложилъ вызвать Бильрота. Бильротъ прiѣхалъ, операцiя произведена, всѣ ждутъ, когда Некрасовъ придетъ въ чувство. Вотъ, наконецъ, Некрасовъ открываетъ глаза и первое, что̀ сдѣлалъ, — беретъ руку Богдановскаго и говоритъ: —Я этимъ вамъ обязанъ.—Я не знаю, существовала ли до Некрасова система журнальныхъ авансовъ, но во всякомъ случаѣ онъ практиковалъ ее такъ широко, какъ никто; въ этомъ многiе видятъ что-то рыцарское. Не можетъ быть сомнѣнiя, что Некрасовъ отличался рѣдкою способностью угадывать таланты и дарованiя; а система авансовъ, хотя при ней и возможны потери, въ нѣкоторомъ смыслѣ прикрѣпощаетъ сотрудниковъ.

А вотъ Шевченко былъ встрѣченъ такъ задушевно, что растроганный до глубины души и чувствуя, какъ измѣняютъ ему силы, онъ ушелъ съ эстрады; и только когда нѣсколько успокоился, онъ вернулся и приступилъ къ чтенiю. Этотъ случай мнѣ недавно напомнилъ Н. Ѳ. Анненскiй. Прочелъ онъ, помнится, изъ «Гайдамаковъ» и «Думы мои, думы».

Достоевскiй читалъ въ первый разъ изъ «Мертваго дома»; ему тоже была сдѣлана самая трогательная овацiя. Литературная слава его была еще въ зародышѣ, но въ немъ чтили недавняго

страдальца. Къ слову о «Запискахъ изъ Мертваго дома». Тамъ въ числѣ сотоварищей Достоевскаго по каторгѣ упоминается А—въ. Это—Аристовъ, какъ мнѣ довелось узнать въ Сибири, личность въ нѣкоторомъ родѣ историческая. Кажется, провинціальный купеческій сынокъ, промотавшійся, отъ котораго отказались семья и родные, явился онъ въ Петербургъ искать счастья. Пожить ему хотѣлось, а настоящаго дѣла никакого не любилъ, вотъ и надумалъ онъ заняться политикой; заявился въ III отдѣленіе. Было это вскорѣ послѣ дѣла Петрашевскаго, которое, какъ извѣстно, велось Мин. Вн. Дѣлъ, такъ что III отдѣленіе было въ нѣкоторомъ конфузѣ. — Я могу вамъ, сказалъ Аристовъ, раскрыть дѣло, передъ которымъ дѣло Петрашевскаго сущіе пустяки. — Сдѣлайте одолженіе.—Только нужно еще послѣдить нѣкоторое время.—Пожалуйста.—А для этого необходимы деньги.—И это можно.—Постепенно Аристовъ перебралъ не одну тысячу рублей. На вопросы: а какъ же дѣло? онъ многозначительно отвѣчалъ: еще немного надо подождать, чтобы всѣ корни и нити уловить. А той порой на легко получаемыя деньги завелъ у себя открытый домъ, почти каждый день обѣды, карты и т. п. Наконецъ, терпѣніе Дуббельта стало истощаться (о дѣлѣ въ свое время было доложено Государю Николаю Павловичу), и отъ Аристова настойчиво потребовали, чтобы онъ, наконецъ, сообщилъ все, что знаетъ. Прижатый такимъ образомъ, Аристовъ продиктовалъ огромный списокъ людей, фамиліи

которыхъ почему-нибудь случайно зналъ. Всѣ оговоренные были разомъ арестованы, но съ первыхъ же допросовъ обнаружилось что-то совсѣмъ несообразное, и черезъ нѣсколько дней всѣ были выпущены; Аристовъ же за ложный доносъ угодилъ въ каторгу и какъ-разъ былъ въ омской военной тюрьмѣ, когда тамъ находился Достоевскій, оттуда какъ-то выбрался на поселеніе и былъ одно время въ конторѣ Олекминскихъ пріисковъ Базилевскаго. Такъ какъ его біографія никому не была извѣстна, то понемногу вошелъ въ довѣріе главноуправляющаго; тотъ даже сдѣлалъ его чѣмъ-то въ родѣ личнаго секретаря и разъ взялъ съ собой въ Иркутскъ. На бѣду Аристова иркутскимъ губернаторомъ былъ Бѣликовъ, одинъ изъ оговоренныхъ имъ; едва тотъ узналъ, что Аристовъ въ Иркутскѣ, какъ немедленно распорядился выслать его въ самое глухое мѣсто Якутской области. Такъ какъ въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ мнѣ не придется упоминать о Достоевскомъ, то нахожу здѣсь нелишнимъ сказать, что въ 1864 г. я печаталъ (въ типографіи Н. Тиблена и К°) его «Эпоху». Приходилось часто видѣться; рѣдкая встрѣча обходилась безъ разговора о текущихъ общественныхъ дѣлахъ. Одинъ изъ такихъ разговоровъ рѣзко сохранился и остался въ моей памяти. Тогда подъ вліяніемъ патріотическаго возбужденія, вызваннаго 1863 годомъ, не рѣдко можно было слышать разсужденія о необходимости перенесенія столицы въ Москву. Достоевскій былъ горячимъ партизаномъ этой мысли.

Разъ какъ-то я спросилъ его:—да что же Россія выиграла бы отъ подобнаго перенесенія правительственнаго центра?—А то, съ живостью отвѣчалъ Ѳед. Мих., что сегодня въ Москвѣ столица, завтра это будетъ городъ съ двумя милліонами населенія, и тогда долго ли бы удержался теперешній порядокъ вещей?

Продолжаю о чтеніяхъ. Изъ поэтовъ также часто выступали Майковъ и Полонскій. Якова Петровича встрѣчали съ добродушною снисходительностью; чтецъ онъ былъ не ахти какой; кто не зналъ его лично, тотъ могъ даже заподозрить Я. П. въ несовсѣмъ умѣломъ декламаторствѣ. Напротивъ, Майковъ читалъ умно, даже съ увлеченіемъ, но въ немъ чувствовалась какая-то искусственность. Его сначала принимали очень сочувственно; однако онъ скоро набилъ публикѣ оскомину, слишкомъ часто выступая съ чтеніемъ «По нивѣ прохожу я» и т. п.

За чтеніями въ пользу Литературнаго Фонда послѣдовали чтенія въ пользу студенческой кассы,—они обыкновенно происходили въ университетѣ (тогда университетская зала была широко открыта, я разъ даже устроилъ въ ней концертъ въ пользу Никольскаго); а когда въ 1860 году открылась зала въ домѣ Руадзе (нынѣ Кононова), то Пассажъ былъ покинутъ навсегда; впрочемъ успѣхъ литературныхъ чтеній былъ таковъ, что литературно-музыкальное утро въ память Шевченка происходило въ залѣ Дворянскаго собранія. Съ залой Руадзе невольно вспоминается тотъ вечеръ, кажется 2-го марта

1862 г., который имѣлъ такія фатальныя послѣдствія для Пл. В. Павлова. Распорядителемъ вечера былъ Н. Л. Тибленъ, въ числѣ чтецовъ — Чернышевскій, Павловъ, В. Курочкинъ. Теперь не можетъ быть спора, что чтеніе Чернышевскаго, воспоминаніе о Добролюбовѣ, было неудачно. Это былъ его первый да и единственный выходъ передъ публикой; онъ былъ, видимо, ажитированъ, хотя и старался показать противное. Экспромптомъ говорить онъ, видно, былъ не мастеръ, а между тѣмъ къ чтенію не подготовился.

Дошла очередь до Павлова. Я уже говорилъ выше, какимъ ореоломъ было окружено его имя, и публика приготовилась съ напряженнымъ вниманіемъ слушать его. Онъ, повидимому, замѣтилъ, что въ заднихъ рядахъ плохо слышали лекторовъ, а голосъ у него былъ слабый; онъ взялъ нѣсколькими нотами выше обыкновеннаго; отсюда все чтеніе получило замѣтно выкрикивающій характеръ, и въ то же время сильно подчеркивались слова, сами по себѣ не заключавшія ничего страшнаго. Читалъ онъ по поводу тысячелѣтія Россіи *); основная мысль чтенія была такая: какъ въ древней, такъ и въ новой Россіи были извѣстныя общественныя группы, пользовавшіяся тѣми или другими правами, только масса населенія всегда стояла внѣ правового порядка, и положеніе ея посте-

*) Въ академическомъ календарѣ (а другихъ тогда не дозволялось) на 1862 г. есть его обстоятельная статья на ту же тему.

пенно настолько ухудшилось, что можно было ожидать страшнаго народнаго взрыва. Къ счастью, правительство это поняло и приступило къ реформѣ. До публики, извѣстнымъ образомъ настроенной, часто слова лектора доходили совсѣмъ въ переиначенномъ видѣ; напр., Павловъ сказалъ: «Ко времени вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго государя (передъ тѣмъ говорилъ о Крымской войнѣ) чаша народныхъ страданій преисполнилась»; а многимъ послышалось *во время* и т. д... Вотъ онъ кончилъ; начались вызовы. Павловъ долго не выходилъ, наконецъ, показался и далъ знакъ, что хочетъ говорить; мгновенно воцарилась тишина. Что было у него на умѣ, трудно сказать; только онъ произнесъ: — Имѣющій уши слышать, да слышитъ.—Послѣ этихъ словъ въ залѣ произошло нѣчто трудно описуемое, вѣроятно, потомъ оказалось немало поломанныхъ стульевъ. Многіе тутъ же громко говорили, что Павлову не сдобровать.

На этомъ же вечерѣ В. Курочкинъ читалъ «Господинъ Искаріотовъ, патріотъ изъ патріотовъ»; казалось, что потолокъ обрушится отъ рукоплесканій и криковъ, всякій разъ сопровождавшихъ слово: «Тише, тише, господа: господинъ Искаріотовъ, патріотъ изъ патріотовъ, приближается сюда».

Вечеръ закончился исполненіемъ въ 16 разъ Камаринской.

Вечеръ былъ въ четвергъ; въ воскресенье я и Н. Утинъ въ качествѣ представителей студен-

ческаго комитета сочли нужнымъ навѣстить Павлова. Застали его въ самомъ спокойномъ настроеніи; онъ прямо сказалъ, что не можетъ себѣ представить, чтобы ему могли угрожать какія-нибудь непріятности, такъ какъ въ его чтеніи рѣшительно ничего не было противоправительственнаго. Уйдя отъ Павлова, я цѣлый день не былъ дома и вернулся къ себѣ уже къ самой ночи. Каково же было мое удивленіе, когда нашелъ у себя на столѣ записку Н. Утина: «Павловъ арестованъ и высылается въ Ветлугу, завтра назначено засѣданіе комитета (студенческаго), приходи непремѣнно».

Тѣ, кто ближе зналъ Павлова, и тогда считали его не совсѣмъ нормальнымъ человѣкомъ. Тяжелыя ли горячки (послѣдняя осенью 1861 г.), которыя онъ перенесъ не разъ, или трудное положеніе профессора въ кіевскомъ университетѣ не только за время Бибикова *), но и позднѣе сдѣлали изъ него человѣка крайне подозрительнаго; онъ, напримѣръ, пресерьезно увѣрялъ, что за нимъ вездѣ слѣдятъ іезуиты. Общественное credo его было: la revolution par l'école (это выраженіе онъ любилъ повторять), но не въ томъ смыслѣ, что школа приведетъ къ внѣшней рево-

*) Какъ-то Павловъ разсказывалъ намъ:—разъ Бибиковъ собираетъ насъ, профессоровъ, и студентовъ (Б. былъ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попечителемъ округа) въ университетскую залу и держитъ такую рѣчь; вы, профессора, можете собираться другъ у друга, но только для картъ; а вы, студенты, запомните—я буду снисходительно смотрѣть на ваши кутежи и т. п., но солдатская фуражка грозитъ каждому, кто будетъ замѣченъ въ вольнодумствѣ.

люціи, а что распространеніе знанія неминуемо трансформируетъ наше полуазіатское общество.

Когда Павлова выслали въ Ветлугу, студентами была собрана въ его пользу небольшая сумма, около 300 руб.; узнавъ объ этомъ, онъ написалъ, что проситъ эти деньги переслать «извѣстному страдальцу Б.». Мы поняли, что деньги надо отправить Бакунину, незадолго передъ тѣмъ бѣжавшему изъ Сибири; но хорошо, что не успѣли этого сдѣлать. Когда до Павлова дошло, кого мы поняли подъ Б., онъ крайне взволновался, такъ какъ имѣлъ въ виду бывшаго своего ученика и любимца, студента кіевскаго университета Я. Ник. Бекмана, высланнаго въ Вологду, которому деньги и были мною переданы.

Высылка Павлова находится въ связи съ такъ называемой «думской исторіей», т. е. крушеніемъ публичныхъ курсовъ; этому будетъ посвященъ особый очеркъ.

Попутно съ литературными вечерами совершенно умѣстно вспомнить о первыхъ любительскихъ спектакляхъ въ пользу Литературнаго Фонда *). Инціаторомъ ихъ былъ П. И. Вейнбергъ; тогда онъ былъ извѣстенъ въ публикѣ

*) Объ этихъ спектакляхъ есть воспоминанія П. И. Вейнберга, помѣщенныя въ „Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ", сезонъ 1893—94 гг. Приношу уважаемому Петру Исаевичу сердечную признательность за сообщеніе этой статьи, благодаря которой я могъ здѣсь точно возстановить имена главныхъ литераторовъ, принимавшихъ участіе въ спектакляхъ, и роли, которыя они выполняли. Мои личныя воспоминанія лишь въ двухъ пунктахъ не совсѣмъ сходятся съ разсказомъ П. И.

подъ именемъ «Гейне изъ Тамбова»,—подъ этимъ псевдонимомъ писалъ въ «Искрѣ». Первый спектакль происходилъ 14-го апрѣля 1860 г.; былъ поставленъ «Ревизоръ». Если бы зала Руадзе была вдвое больше, то и тогда она, вѣроятно, не вмѣстила бы всѣхъ желающихъ быть на спектаклѣ. И еще бы! Согласно афишѣ въ «Ревизорѣ» должны были выступить почти всѣ тогда наиболѣе любимые или извѣстные литераторы: Писемскій — городничій, П. И. Вейнбергъ—Хлестаковъ, Ѳ. М. Достоевскій—почтмейстеръ, Тургеневъ, Майковъ, Дружининъ, Григоровичъ, В. Курочкинъ, Островскій и даже степеннѣйшій А. А. Краевскій—купцы. Но сначала скажу о двухъ постороннихъ исполнителяхъ. Незадолго передъ тѣмъ покойному П. А. Гайдебурову, тогда студенту второго курса, пришла мысль устроить спектакль въ пользу студентовъ, при чемъ исполнителями должны были явиться студенты. Несмотря на то, что ему помогалъ своими совѣтами Самойловъ, спектакль прошелъ плоховато; но выдѣлился въ роли Осипа студентъ Ловягинъ, никогда ранѣе не игравшій. Только и разговоровъ было,—вотъ такъ самородокъ открылся! Неудивительно, что Ловягинъ былъ приглашенъ на ту же роль въ спектаклѣ 14-го апрѣля. Объ его игрѣ въ этотъ вечеръ П. И. Вейнбергъ говоритъ: «Смѣло могу сказать, до геніальности былъ хорошъ Ловягинъ... ему подстать могъ быть развѣ только Садовскій». Судьба Ловягина была печальная: онъ простудился на этомъ вечерѣ, схватилъ горячку, и въ нѣсколько дней его не

стало. Роль Тяпкина-Ляпкина исполнялъ офицеръ Преображенскаго полка Всеволодъ Өедоровичъ Панютинъ, большой любитель театра, устраивавшій у себя въ ротѣ солдатскіе спектакли и самъ часто игравшій на любительскихъ спектакляхъ. Онъ былъ неподражаемо хорошъ въ роли Скалозуба. Панютинъ и Тяпкина-Ляпкина провелъ безподобно.

Надо однако правду сказать, огромное большинство публики не очень-то слѣдило за художественнымъ выполненіемъ пьесы или за какими-нибудь недостатками въ постановкѣ ея. Ни мастерская игра Писемскаго, ни П. Ис. въ роли Хлестакова, ни Достоевскій—Шпекинъ, ни Ловягинъ—въ Осипѣ не могли настолько увлечь публику, чтобы она была въ состояніи забыть, что прежде всего собралась повидать своихъ излюбленныхъ литераторовъ въ совершенно новомъ положеніи; и настоящіе театралы, а въ числѣ ихъ былъ и В. К. Константинъ Николаевичъ, довольно открыто высказывали свое неудовольствіе, что такое настроеніе публики мѣшаетъ имъ вполнѣ отдаться художественному наслажденію. Кульминаціоннымъ пунктомъ спектакля стала сцена купцовъ (но вмѣсто Островскаго въ Абдулинѣ вышелъ Кони), когда появились Тургеневъ, Григоровичъ, Майковъ, Панаевъ, Некрасовъ, Дружининъ. Что̀ тутъ происходило въ теченіе нѣсколькихъ минутъ—и разсказать трудно; пусть читатель вообразитъ себѣ: Тургеневъ въ длиннополомъ кафтанѣ съ головой сахара въ рукахъ! Веселый смѣхъ, рукоплесканія продолжались такъ

долго, что Хлестаковъ, по его словамъ, даже присѣлъ отдохнуть.

Во второй спектакль шла «Женитьба»; хотя въ немъ изъ литераторовъ участвовали, кажется, только Писемскій — Подколесинъ, Вейнбергъ— Кочкаревъ, Ознобишинъ—Жевакинъ, онъ тоже привлекъ публику, главнымъ образомъ тѣмъ, что еще была поставлена «Провинціалка» Тургенева, и въ ней выступила В. В. Самойлова, любимица петербургской публики, въ полномъ блескѣ таланта и античной красоты въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ оставившая сцену. При появленіи ея публика была такъ растрогана, что многіе расплакались. Лично у меня о В. В. Самойловой (я только, помнится, на этомъ вечерѣ и видѣлъ ее какъ актрису) сохранилось воспоминаніе какъ о чемъ-то до такой степени во всѣхъ отношеніяхъ изящномъ на сценѣ, чего болѣе мнѣ уже не приходилось видѣть.

XVI.

Публичныя лекціи.

Публичныя лекціи, начавшись съ естественно-научныхъ въ Пассажѣ, скоро приняли болѣе общій характеръ. Такъ, въ пользу студентовъ читали въ университетѣ въ 1859 — 1860 г. пр.

Никитенко, Стасюлевичъ, Благовѣщенскій. Въ началѣ зимы 61 г. Н. Ив. прочелъ цѣлый рядъ крайне интересныхъ лекцій—Гадячская Рада. Я былъ распорядителемъ, и по моему настоянію цѣны были значительно повышены противъ обычныхъ. И тѣмъ не менѣе актовая зала была достаточно полна. Стояли морозы, въ залѣ было въ пору хоть въ шубахъ сидѣть, и тѣмъ не менѣе всѣ, помнится, пять лекцій одинаково усердно посѣщались публикой. Точно слышу Костомарова, цитирующаго рѣчь Беньевскаго, обращенную къ казакамъ: «И бѣдному казаку и горилки нельзя будетъ выпить!» Въ томъ же 1861 г. также въ университетѣ читали Брикнеръ (только что появившійся изъ-за границы) и Сѣверцевъ. Лекціи перваго (обзоръ новой исторіи отъ паденія Константинополя до Парижскаго мира) успѣха не имѣли. Съ Сѣверцевымъ вышло иначе, имя его было очень извѣстно среди спеціалистовъ по его труду «Птицы Воронежской губерніи»; за этотъ трудъ Сѣверцева называли русскимъ Одюбономъ *) и ждали отъ него много въ будущемъ; въ широкой публикѣ онъ сталъ извѣстенъ по своимъ приключеніямъ въ Средней Азіи (разсказъ о нихъ незадолго передъ тѣмъ былъ напечатанъ въ «Русскомъ Словѣ»); тамъ онъ попалъ въ плѣнъ кокандцамъ и натерпѣлся всякихъ мученій въ клоповникѣ. Въ то же время ходило неисчислимое множество разсказовъ объ его легендарной разсѣянности и забывчивости.

*) Извѣстный изслѣдователь американскихъ птицъ.

Лекціи Сѣверцева были посвящены только-что опубликованной Дарвиномъ его теоріи происхожденія видовъ. На первую лекцію собралось много публики, преимущественно изъ научныхъ круговъ, а также студентовъ-естественниковъ. Распорядители знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, а потому болѣе чѣмъ за два часа отправились за Сѣверцевымъ, дома однако его не нашли; коекакъ удалось разыскать; такъ что лекція началась часомъ позднѣе назначеннаго. Съ первыхъ словъ Сѣверцева видно было, что у него только матеріалъ подобранъ, а самая лекція совсѣмъ не подготовлена. Читаетъ часъ, читаетъ два,— ряды слушателей замѣтно порѣдѣли. Но вотъ Сѣверцевъ начинаетъ ежеминутно смотрѣть на часы, а лекція все не кончается; затѣмъ совсѣмъ въ тонъ лекціи произноситъ:—А теперь мы на часы посмотримъ, и все продолжаетъ читать. Было уже около 11½ часовъ, когда онъ остановился почти совсѣмъ въ пустой залѣ. Послѣдняя лекція даже не состоялась,—Сѣверцевъ куда-то уѣхалъ.

Но, думаю, что всѣ лекціи, вмѣстѣ взятыя, не дали столько студенческой кассѣ, какъ диспутъ Погодина съ Костомаровымъ. Кажется, въ первой книжкѣ «Современника» за 1860 г. Костомаровъ напечаталъ статью о происхожденіи Руси и выводилъ ее изъ Литвы; Погодинъ, защитникъ норманской теоріи, воспламенился и печатно вызвалъ Костомарова на публичный диспутъ. Онъ состоялся 19-го марта въ университетской залѣ; касса студентовъ не преминула

имъ воспользоваться; и несмотря на крайне высокія цѣны зала была до нельзя переполнена. Конечно, ничего новаго не сказали на немъ ни Погодинъ, ни Костомаровъ. Несмотря на юмористическую форму этотъ диспутъ весьма живо и вѣрно былъ переданъ въ «Свисткѣ» (перепечатывается въ сочиненіяхъ Добролюбова). Имя Погодина ничего не говорило молодежи. Встрѣченъ онъ былъ холодно, но проводили старика тепло благодаря его находчивости. Въ 1859 г. нѣкто Перозіо выступилъ съ рядомъ обвинительныхъ статей противъ Общества русскаго пароходства и торговли, во главѣ котораго стоялъ не особенно давно умершій Н. А. Новосельскій (когда-то городской голова Одессы). Стороны рѣшили прибѣгнуть къ публичному третейскому разбирательству; въ числѣ судей, кажется, со стороны Перозіо были Чернышевскій и Н. Серно-Соловьевичъ; суперарбитромъ былъ избранъ Е. И. Ламанскій. Диспутъ (онъ имѣлъ мѣсто въ Пассажѣ) не дошелъ до конца вслѣдствіе шумливаго вмѣшательства публики, состоявшей главнымъ образомъ изъ акціонеровъ, и Е. И. нашелъ нужнымъ закрыть его, произнеся при этомъ:— мы еще не созрѣли до публичныхъ преній. Эти слова надѣлали въ свое время много шума и вызвали безчисленныя протестаціи. Погодинъ же въ заключительномъ словѣ сказалъ между прочимъ:—каковы бы ни были научные результаты сегодняшняго диспута, онъ во всякомъ случаѣ доказалъ, что мы созрѣли до публичныхъ преній. Раздался громъ рукоплесканій, и

старика вмѣстѣ съ Костомаровымъ вынесли изъ залы на рукахъ. Студенческая касса, помнится, заработала въ этомъ диспутѣ свыше 2,000 р.

Въ 1860 г. была возстановлена каѳедра философіи (закрытая вмѣстѣ съ государственнымъ правомъ европейскихъ державъ въ 1849 году). Конкуррентами на занятіе ея явились въ Петербургѣ двое: Буличъ, извѣстный тогда профессоръ исторіи литературы въ Казани, и П. Л. Лавровъ, артиллерійскій полковникъ, профессоръ высшей математики и механики въ артиллерійской академіи. Конечно, факультетъ остановилъ свой выборъ на Буличѣ; но министерство, считавшее почему-то Булича опаснымъ либераломъ, не утвердило его, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не спеціалистъ по философіи. Разобиженный Буличъ пріѣхалъ и въ пику министерству прочелъ въ пользу Литературнаго Фонда нѣсколько лекцій о Беконѣ Веруламскомъ; но эти лекціи только подтвердили основательность министерскаго неутвержденія. Въ осенній семестръ 1861 г. въ казанскомъ университетѣ тоже разыгралась студенческая исторія, и тутъ министерство могло убѣдиться, что Буличъ далеко не такой страшный либералъ, какимъ оно его считало.

По примѣру Булича не захотѣлъ остаться въ долгу, но на этотъ разъ передъ университетомъ, П. Л. Лавровъ и тоже прочелъ въ Пассажѣ, въ пользу опять же Литературнаго Фонда, три лекціи о «современномъ значеніи философіи». До этихъ лекцій въ большой публикѣ Ла-

вровъ былъ извѣстенъ по очень темно (можетъ-быть, по цензурнымъ соображеніямъ) написаннымъ статьямъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» (ред. Дружинина) о «гегелизмѣ», да его «Механической теоріей міра» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1859 г. Эта послѣдняя весьма основательно доказывала, что основа матеріалистической философіи Бюхнера и К° такая же чистая метафизика, какъ и та, противъ которой они выступали. Отсюда возникли нѣсколько натянутыя отношенія къ «Современнику». На лекціи Лаврова собралась публика двухъ сортовъ: одни, уже знавшіе Лаврова и весьма его цѣнившіе, другіе, и при томъ большинство, — послушать офицера, который будетъ читать о философіи. Лекціи Лаврова имѣли вполнѣ заслуженный успѣхъ. Горячимъ поклонникомъ Лаврова былъ Кавелинъ; насколько могъ, онъ старался ранѣе провести его въ университетъ, при его же поддержкѣ Лавровъ вошелъ въ комитетъ Литературнаго Фонда. Въ 1889 г. въ Астрахани Чернышевскій разсказывалъ мнѣ:—Какъ вы, можетъ быть, помните, въ «Современникѣ» нѣсколько прохаживались насчетъ Петра Лавровича; въ обществѣ, хотя и рѣдко, мы встрѣчались, но, конечно, держались другъ отъ друга въ сторонѣ (это я и самъ разъ замѣтилъ на вечерѣ у Тиблена); но вотъ какъ-то довелось мнѣ выходить съ нимъ вмѣстѣ изъ засѣданія комитета Фонда; извозчикъ сразу не подвернулся; идемъ мы съ нимъ въ одномъ направленіи, разговорились; да и проходили мы по улицамъ Петербурга до разсвѣта,

все другъ-друга до квартиры провожали, а разговоръ никакъ не кончается, наконецъ, зашли ко мнѣ и еще часа два проговорили. Да,—подумавши, прибавилъ Чернышевскій, — глубочайшее уваженіе имѣю къ Петру Лавровичу.

Не мое дѣло судить о значеніи Лаврова въ исторіи развитія русской мысли; скажу только, что онъ уже въ 60-хъ годахъ производилъ необыкновенное впечатлѣніе: положительныя науки, философія, исторія, науки общественныя—вездѣ онъ былъ какъ у себя дома. И, кажется, не будетъ большою смѣлостью сказать, что за XIX вѣкъ русское общество не имѣло болѣе научно-всеобъемлющаго ума.

XVII.

„Основа".

Съ января 1861 г. началъ выходить въ Петербургѣ новый журналъ «Основа» подъ редакціей Вас. Мих. Бѣлозерскаго, при весьма дѣятельномъ участіи Костомарова и Кулиша. Онъ печатался на двухъ языкахъ: беллетристика, кажется, сплошь на малороссійскомъ, тоже отчасти и отдѣлъ корреспонденцій; научный отдѣлъ велся на великорусскомъ. Благодаря студенту Кон. Ал. Гену, родному брату жены редактора,

и до нынѣ, слава Богу, здравствующей Надежды Александровны, я сталъ бывать на недѣльныхъ журфиксахъ редакціи; посѣщалъ я эти вечера регулярно и съ большимъ интересомъ, такъ какъ это было мое первое проникновеніе въ чисто литературные круги.

Въ гостиной на диванѣ за столомъ обыкновенно усаживались Шевченко, Костомаровъ и ни на шагъ отъ нихъ не отходившій Кулишъ. Хотя я и былъ знакомъ съ Ник. Иван., но все же не рѣшался помѣщаться около такого многозначительнаго тріо; къ тому же на вечерахъ бывало немало выдающихся нотаблей малороссовъ, напр., Афанасьевъ-Чужбинскій, А. Стороженко (авторъ малор. повѣстей), Трутовскій (художникъ) и другіе. Помню, замѣтивъ одного довольно плотнаго господина, я спросилъ, кто это.— Мужъ Марко Вовчка,—получилъ я въ отвѣтъ такимъ тономъ, что больше сказать о немъ нечего *). Самой Марко Вовчка, въ то время крайне популярной, я ни разу не встрѣчалъ. Меня особенно приковывалъ къ себѣ Шевченко; ранѣе я видалъ его изрѣдка въ университетѣ на лекціяхъ Костомарова и на литературныхъ чтеніяхъ, но только на вечерахъ «Основы» имѣлъ случай пристальнѣе вглядѣться въ его лицо. Я тогда очень мало обращалъ вниманія на физіономіи, но лицо Шевченко положительно увлекло меня. На близкомъ разстояніи онъ выглядѣлъ очень

*) Онъ впрочемъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Кирилло-Меѳодіевскаго Общества.

схожимъ, какъ изображенъ на литографскомъ портретѣ Мюнстера; лицо, порядочно отекшее, носило явные слѣды многаго пережитаго Шевченко, въ томъ числѣ и той слабости, которая въ послѣдніе годы преждевременно ускорила его жизненный конецъ. При томъ крупныя черты лица его не производили особенно располагающаго впечатлѣнія. Но стоило отойдти на нѣсколько шаговъ, и Шевченко становился совершенно неузнаваемъ: онъ тогда дѣлался похожимъ на извѣстный портретъ-офортъ его собственной работы. И все это дѣлали его удивительные, бархатные, такіе глубокіе-глубокіе темно-каріе глаза; все лицо такъ ими скрашивалось, что Шевченко точно преображался, становился моложе, тихая вдумчивость и мягкость сердечная свѣтились на его лицѣ. Шевченко мало принималъ участія въ спорахъ, но, когда онъ начиналъ говорить, точно какія-то искорки пробѣгали въ его глазахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у меня съ кѣмъ-то вышелъ споръ,—какого цвѣта были глаза у Шевченка; ссылаясь на портретъ Рѣпина, мой собесѣдникъ утверждалъ, что они были сѣрые. Не полагаясь на свою память, я обратился къ уважаемой Н. А. Бѣлозерской, которая хорошо знала Тараса Григорьевича; она подтвердила мое воспоминаніе и при этомъ прибавила, что когда Шевченко былъ сильно возбужденъ или въ гнѣвѣ, то изъ его глазъ точно искры сыпались.

До 1860-го года Шевченко знали, конечно, малороссы, его имя было извѣстно въ русскихъ

литературныхъ кружкахъ, въ широкой же публикѣ онъ былъ почти неизвѣстенъ. Но вотъ въ 1860-мъ году въ журнальчикѣ «Чтеніе для народа» (такъ, кажется, назывался) онъ помѣстилъ свою коротенькую автобіографію; конечно, въ ней ни слова не было объ его ссылкѣ, а только простой разсказъ о дѣтствѣ, времени, когда онъ былъ крѣпостнымъ, и какъ, наконецъ, выбрался на человѣческую дорогу, отвѣчавшую его дарованіямъ. Статья оканчивалась указаніемъ, что его родные все еще находятся въ крѣпостной зависимости. — Да, милостивый государь (статья была въ формѣ письма редактору), они все еще крѣпостные.—Отрывки изъ этой автобіографіи были процитированы почти во всѣхъ журналахъ и газетахъ и разнесли имя Шевченко по всей Россіи. Это имѣло послѣдствіемъ то, что помѣщикъ согласился отпустить на волю родныхъ Шевченка, уже не помню—даромъ или за выкупъ.

Шевченко умеръ и похороненъ; осенью 1861 г. мы, студенты, сидимъ въ Петропавловской крѣпости. Вотъ разъ доставляютъ изъ города новый нумеръ «Основы», кажется, ноябрьскій. Тамъ оказалось много малороссійскихъ стихотвореній за подписью «Казакъ Кузьменко»,—имя до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстное. Внизу подъ ними стояло примѣчаніе отъ редакціи приблизительно такого содержанія: Только что мы потеряли нашего незабвеннаго Тараса, какъ добрая мать Украина народила новаго поэта, казака Кузьменка, который по своему таланту можетъ впол-

нѣ замѣнить Тараса. Естественно, что это примѣчаніе возбудило разговоры и интересъ— кто такой Кузьменко. Спустя нѣкоторое время тайна раскрылась: то былъ... Кулишъ, да самъ же онъ и примѣчаніе сочинилъ. Кулишъ вообще много писалъ въ «Основѣ» какъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, такъ и подъ разными псевдонимами: Симоновъ, Кузьменко и, кажется, другими. Для чего это дѣлалось, не знаю. Съ Кулишемъ мнѣ разъ пришлось столкнуться, и этотъ случай отбилъ у меня охоту продолжать знакомство съ нимъ. Я былъ однимъ изъ распорядителей литературнаго вечера въ пользу студентовъ. Генъ посовѣтовалъ мнѣ пригласить Кулиша:—Онъ такъ читаетъ, что малороссы просто плачутъ, и ради Кулиша ихъ толпа придетъ на вечеръ.—Являюсь къ Кулишу; онъ былъ видимо польщенъ приглашеніемъ принять участіе въ вечерѣ и безъ колебанія согласился. — Вы, можетъ быть, прочтете что-нибудь малороссійское, сказалъ я. — Нѣтъ,— отвѣчалъ Кулишъ, и затѣмъ, Богъ знаетъ почему, завелъ невыносимо скучную и кисло-сладкую рацею насчетъ Малороссіи. Рѣчь Кулиша сводилась къ тому, что сами они, литературные представители Малороссіи, еще не знаютъ, что такое ихъ родной край, и какую судьбу готовитъ ему будущее. Я торопился временемъ, а между тѣмъ долженъ былъ выслушивать изліянія Кулиша. Наконецъ, я какъ-то улучилъ минуту и спросилъ:—Такъ что̀ же вы намѣрены прочесть?—Мою еще ненапечатанную повѣсть «Тай-

на». — Она не будетъ слишкомъ велика? — О, нѣтъ, мое чтеніе займетъ минутъ 20, развѣ немного болѣе; вы, пожалуйста, пришлите мнѣ программу вечера ранѣе, чѣмъ она будетъ отпечатана.—Когда я потомъ явился съ проектомъ программы, Кулишъ, въ противность моимъ представленіямъ, что неудобно ставить рядомъ два прозаическія чтенія, настоялъ, чтобы его очередь была сейчасъ же за Костомаровымъ. Насталъ день вечера, участвовали, между прочимъ, Некрасовъ, Майковъ *), Полонскій. Костомаровъ прочелъ поразительно блестящій разсказъ «Два маляра», и долго неумолкавшія громкія рукоплесканія были наградой тогда любимому лектору **). Когда все успокоилось, выступилъ

---

*) По поводу этого вечера мнѣ пришлось нѣсколько разъ бывать у А. Н. Майкова: при этомъ, конечно, не обошлось безъ разговоровъ о текущихъ событіяхъ, а именно, о первыхъ демонстраціяхъ въ Варшавѣ. А. Н. очень горячо нападалъ на нашу тогдашнюю систему управленія Польшей, особенно за то, что правительство оттолкнуло отъ себя маркиза Велепольскаго (онъ, какъ извѣстно, потомъ вернулся къ власти въ 1862 году при назначеніи намѣстникомъ Вел. Кн. Константина Николаевича). У меня отчетливо сохранилось въ памяти, какъ А. Н. доказывалъ, что съ польскимъ вопросомъ непремѣнно надо покончить въ смыслѣ широкаго удовлетворенія національныхъ требованій поляковъ, такъ какъ безъ этого мы не можемъ выполнить своей исторической миссіи—стать во главѣ объединеннаго славянства. Кажется, около этого времени состоялось назначеніе Сухозанета, военнаго министра, намѣстникомъ въ Варшаву. Это назначеніе всѣхъ поразило своей неожиданностью. Кавелинъ разсказывалъ: Д. А. Милютинъ, кажется, въ 60-мъ году назначенный товарищемъ военнаго министра, подалъ прошеніе о шестимѣсячномъ заграничномъ отпускѣ, что почти равнозначаще подачѣ прошенія объ отставкѣ. Онъ былъ вызванъ къ государю, и результатомъ было: назначеніе Сухозанета въ Варшаву, а Д. А. Милютина—военнымъ министромъ.

**) Николай Ив. всегда охотно соглашался участвовать

Кулишъ, да и читалъ себѣ подъ носъ болѣе часу, и все-таки не окончилъ всей повѣсти. Первые ряды должны были терпѣливо выносить эту скуку, но средніе и задніе всѣ разбрелись по университетскому корридору. На меня всѣ напали: охота вамъ была откопать эту «Тайну».—Я оправдывался, ссылаясь на рекомендацію Гена, но отъ этого никому не было легче *).

На стороннихъ, т. е. не на малороссовъ, бывавшихъ на вечерахъ «Основы», недоумѣвающее впечатлѣніе производило присутствіе на нихъ нѣкоей дѣвы Маруси. Она была настоящее, въ буквальномъ смыслѣ, дитя народа, одѣта, конечно, въ народный костюмъ. Я не скажу даже, чтобы она была очень красива, и не увѣренъ, знала ли она до пріѣзда въ Петербургъ грамоту. Помнится, одинъ художникъ вывезъ ее съ привольнаго юга въ туманный Петербургъ, гдѣ она повидимому должна была служить живымъ воплощеніемъ далекой Украины. За ней ухаживали, оказывали всякое вниманіе, и, кажется, это

въ литературныхъ вечерахъ, вотъ только относительно выбора дня обязательно предстоялъ долгій торгъ съ нимъ.—Вечеръ предполагается въ воскресенье.—Не могу, я ѣду въ балетъ.—Такъ можно перенести на среду.—Тоже не свободенъ, даютъ Фрейшюца, и т. д. Разъ какъ-то завелъ я съ нимъ разговоръ о „Жизни за Царя".—Не люблю ее, казенная опера, всего только разъ и видѣлъ, еще въ сороковыхъ годахъ. — Я сталъ защищать „Жизнь за Царя". Спустя нѣкоторое время вижусь съ Н. И.—А знаете, послѣ нашего разговора о „Жизни за Царя" я рѣшился посмотрѣть ее: да теперь ни одного представленія не пропускаю; когда ее смотрю, то такъ цѣликомъ и переношусь въ Московскую Русь 17 вѣка. Удивительная опера!

*) „Тайна", кажется, потомъ была напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ".

наивное дитя природы скоро и Богъ знаетъ что о себѣ вообразило. Наконецъ она стала въ тягость и была отправлена на родину; что съ ней затѣмъ сталось, не знаю. Я упоминаю объ этомъ незначительномъ эпизодѣ отнюдь не съ обличительной мыслью, а просто время было довольно наивное, и многое, что не только теперь, но даже какіе-нибудь года два спустя казалось смѣшнымъ и не особенно умнымъ, тогда дѣлалось совершенно искренно.

На вечерахъ «Основы» я встрѣчался съ Ѳ. П. Дозе, имя котораго упоминается въ очеркѣ «Уроки». Это былъ человѣкъ лѣтъ около 30-ти, блестящій преподаватель русской словесности (Ларинской гимназіи) и въ то же время хорошо знакомый съ иностранными литературами; отличный піанистъ, симпатичнаго характера, онъ былъ любимъ всѣми, кто его зналъ. У него было знакомство между студентами, не имѣвшее впрочемъ никакого тенденціознаго характера. Дозе держалъ себя между молодежью просто, какъ старый студентъ, да и по натурѣ своей, къ тому же холостякъ, онъ былъ таковымъ. Во время студенческой исторіи 1861 г. его связи со студентами навлекли на него подозрѣнія, сдѣланъ былъ обыскъ; при этомъ на бѣду Дозе найдены были нѣкоторыя герценовскія изданія. Его выслали въ Кострому; педагогическая карьера навсегда закрылась для Дозе несмотря на всѣ хлопоты А. В. Латышева, переведеннаго изъ Вологды въ Петербургъ и по нѣкоторомъ времени ставшаго помощникомъ попечителя. Человѣкъ

совсѣмъ не житейски-практическаго характера, онъ, однако, чтобы существовать, долженъ былъ принять службу по губернской администраціи и завѣдывалъ типографіей губернскаго правленія. Кажется, въ началѣ 80-хъ годовъ Дозе покончилъ съ собой самоубійствомъ; послѣ его смерти оказалась растрата типографскихъ суммъ въ нѣсколько тысячъ рублей.

Не помню хорошенько, на вечерахъ ли «Основы», или у Костомарова я встрѣчалъ А. Котляревскаго. Съ нимъ былъ непріятный казусъ; держась въ сторонѣ отъ всякой активной политики, онъ готовился къ магистерскому экзамену, какъ вдругъ въ 1862 году его арестовали, припутавъ къ дѣлу Кельсіева *). Сидитъ онъ въ III отдѣленіи и естественно высказываетъ неудовольствіе, что его оторвали отъ научныхъ занятій. Предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи былъ генералъ Дренякинъ, человѣкъ случайно выдвинувшійся, но вообще не особенно далекій **). Вотъ разъ на какую-то горячую рѣчь Котляревскаго онъ и говоритъ:—Ахъ, г. Котляревскій, я хорошо понимаю, что вы недовольны. Сколько лѣтъ вы учились? Семь лѣтъ въ гимназіи, потомъ

*) Кельсіевъ, уже будучи эмигрантомъ, секретно пріѣзжалъ въ Россію и былъ въ Москвѣ,—это, должно быть, происходило осенью 1861 г.

**) Командированный для наблюденія за первымъ примѣненіемъ Положенія 19-го февраля, онъ по своей ограниченности учинилъ ненужную пальбу. Въ 1864 г. Муравьевъ его и Потапова выпросилъ себѣ въ помощники; но Дренякинъ скоро попалъ у него въ немилость за недостатокъ энергіи и строгости; въ такомъ же положеніи, какъ извѣстно, очутился и Потаповъ.

въ университетѣ, и теперь еще учитесь,—и все еще ничего не достигли. А тутъ передъ вами Дренякинъ, въ чинахъ, крестахъ, хорошее жалованье получаетъ. А что такое Дренякинъ? Что онъ знаетъ? Вотъ иногда вздумается позвать къ себѣ пріятеля, просто чаю напиться вечеромъ, такъ вѣдь сколько бумаги изведешь, чтобы написать двѣ—три строки. Ну, конечно, видите вы такого Дренякина, вамъ и завидно, и недовольны вы; а право, не позавидовали бы, если бы знали, что̀ Дренякину пришлось вынести на своемъ вѣку, — вѣдь въ молодости тысячу душъ прокутилъ.

Редакторъ «Основы» В. М. Бѣлозерскій (онъ былъ въ 1849 году по дѣлу Кирилло-Меѳодіевскаго Общества высланъ въ Петрозаводскъ) въ журналѣ не игралъ достаточно авторитетной роли; тонъ ему больше задавалъ Кулишъ. Секретаремъ редакціи былъ А. Ѳ. Кистяковскій, служившій въ сенатѣ и готовившійся къ магистерскому экзамену; онъ тогда поражалъ своей сонливой флегмой, и, вѣроятно, никому не приходило въ голову, что изъ него со временемъ выработается талантливый профессоръ и криминалистъ. «Основа» просуществовала недолго, финансовое положеніе ея было не блестяще, и въ 1862 году до окончанія года она закрылась. Неуспѣхъ журнала (несмотря на сравнительно умѣренную цѣну «Основа» не расходилась и въ 2000 экз.) отчасти, можетъ быть, зависѣлъ и отъ того, что во главѣ его стоялъ В. М. Бѣлозерскій. Ни ученыхъ, ни литературныхъ выдаю-

щихся заслугъ за нимъ никакихъ не имѣлось; сколько помню, раньше чѣмъ стать руководителемъ журнала, онъ редактировалъ какой-то сборникъ документовъ, относящихся до южно-русской исторіи, и, кажется, ничего болѣе. Въ журналѣ особеннаго публицистическаго таланта онъ не проявилъ, а рядомъ съ нимъ стояли Кулишъ, съ именемъ въ литературѣ, человѣкъ крайне самолюбивый и стремящійся играть первую роль; Костомаровъ, тогда въ зенитѣ своей популярности, хотя такихъ притязаній и не заявлялъ, но, какъ человѣкъ крайне впечатлительный, вспыхивалъ иногда, какъ порохъ, и съ нимъ приходилось ладить, какъ съ малымъ ребенкомъ. В. М. и старался быть дипломатомъ, но и въ этой роли большихъ способностей не проявилъ. Дипломатія его сводилась главнымъ образомъ къ тому, что, съ кѣмъ бы онъ ни говорилъ и о чемъ бы ни говорилъ, любезная улыбка не сходила съ его лица. Никогда мнѣ не приходилось видѣть, чтобы онъ рѣзко спорилъ, не въ смыслѣ тона, а опредѣленно поставленнаго вопроса и ясно высказаннаго мнѣнія; даже съ нашимъ братомъ молодежью онъ такъ же себя держалъ, — а вѣдь съ молодежью-то и надо говорить безъ всякихъ экивоковъ. Конечно, были два вопроса, и при томъ первостепенной важности, гдѣ Вас. Мих. нельзя было отдѣлываться улыбкой и его дипломатической манерой вести бесѣду, это—крѣпостной вопросъ и борьба противъ польскихъ притязаній на Юго-западный край. Въ первомъ—«Основа» стояла на сторонѣ

самаго широкаго рѣшенія дѣла, во второмъ—въ полемикѣ съ Падалицей, Грабовскимъ и другими польскими публицистами Костомаровъ давалъ исторически обоснованный и горячій отпоръ. Кульминаціоннымъ пунктомъ этой борьбы является открытый переходъ на сторону идей «Основы» двухъ молодыхъ людей, которыхъ поляки считали своими,—В. Антоновича (теперешній профессоръ кіевскаго унив.) и Рыльскаго (кажется, при этомъ оба перешли въ православіе). Но та же полемика противъ польскихъ притязаній ставила иногда «Основу» и въ щекотливое положеніе: приходилось давать мѣсто на своихъ страницахъ такимъ лицамъ какъ, напримѣръ, Юзефовичъ (помнится, б. пом. попеч. кіевскаго уч. округа за время Бибикова). Но если прежнее поколѣніе поляковъ представляло себѣ Польшу не иначе какъ «отъ моря и до моря», то и предѣлы Малороссіи въ свою очередь такъ расширялись, что имъ не было точно опредѣленныхъ границъ ни съ запада, ни съ востока, не говоря уже о сѣверѣ. Отсюда и вышло то, что въ крестьянскомъ вопросѣ «Основѣ» пришлось столкнуться съ вліятельнымъ классомъ не только въ Юго-западномъ краѣ, гдѣ онъ почти исключительно состоялъ изъ поляковъ, но и тамъ, гдѣ никакого полонизма и слѣда не было. А время, когда выходила «Основа», было самымъ острымъ въ развитіи крестьянскаго дѣла,— время перваго примѣненія Положеній 19-го февраля. Положеніе «Основы» стало особенно затруднительнымъ, когда на нее ополчился

кн. Васильчиковъ, тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ, неблаговолившій вообще къ малороссамъ (Шевченко въ свою послѣднюю поѣздку на родину былъ даже арестованъ) и бывшій подъ значительнымъ вліяніемъ южно-русскихъ магнатовъ; а съ другой стороны: сначала выступилъ Соловьевъ съ полемикой противъ Костомарова о значеніи казачества (Соловьевъ видѣлъ въ немъ лишь антигосударственный элементъ), а по времени раздался голосъ и Каткова. Впервые онъ выступилъ противъ украйнофиловъ, сколько помню, по слѣдующему обстоятельству. Н. И. Костомаровъ напечаталъ воззваніе о сборѣ денегъ на изданіе книгъ для народа на малороссійскомъ языкѣ. Оно имѣло успѣхъ, и деньги начали поступать. Въ горячей статьѣ возсталъ Катковъ; статья заканчивалась словами: «Бросьте эти деньги, Н. И., онѣ жгутся въ рукахъ». Оппозиція Каткова не осталась безъ практическихъ послѣдствій, сохранившихъ свою силу и до сего дня.

Съ самимъ В. Мих. произошелъ непріятный казусъ,—у него былъ сдѣланъ обыскъ, и хотя ничего не было найдено компрометирующаго, однако ему было заявлено, что онъ долженъ оставить мѣсто,—В. М. служилъ въ канцеляріи государственнаго совѣта. Это, если не ошибаюсь, случилось въ 1863 г. Куда было дѣваться? Въ видѣ компенсаціи ему черезъ Гильфердинга было предложено мѣсто профессора въ варшавской Главной школѣ (кажется, славянскихъ языковъ); никакой подготовки онъ для этого не имѣлъ, но

скрѣпя сердце принялъ предложеніе и сталъ готовиться къ отъѣзду. Разъ я возвращаюсь домой и нахожу записку В. М.: — Былъ у васъ, очень жалѣю, что не засталъ дома, хотѣлъ проститься; ѣду въ Польшу, на службу въ учредительный комитетъ, но мои занятія будутъ чисто кабинетныя. Въ послѣднихъ словахъ какъ бы сказывалась нѣкоторая попытка оправдать себя за принятое мѣсто. Тогда далеко не всѣ благословляли отправлявшихся на службу въ Царство Польское и Западный Край. Въ Польшѣ В. М. одно время былъ правителемъ дѣлъ учредительнаго комитета, а затѣмъ дослуживалъ до пенсіи въ званіи члена судебной палаты въ Варшавѣ. Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ вернулся въ Петербургъ, но уже не показывался въ тѣхъ кругахъ, съ которыми могъ бы возобновить отношенія какъ одинъ изъ дѣятелей 60-хъ годовъ. Онъ умеръ въ 1896 г. Все время семья его оставалась въ Петербургѣ, и всѣхъ дѣтей воспитала и поставила на ноги Надежда Александровна исключительно своимъ трудомъ.

Какъ извѣстно, изъ малороссовъ не одинъ В. М. уѣхалъ въ Царство Польское; туда же направился и Кулишъ; онъ однако тамъ оставался не особенно долго; послѣ того одно время онъ сталъ горячимъ полонофиломъ, даже переселился-было въ Галицію; впрочемъ не остался тамъ навсегда, вернулся въ Россію и тоже не особенно давно умеръ на своемъ хуторѣ Мартыновкѣ. Громека, ставшій потомъ губернаторомъ въ Царствѣ Польскомъ, тоже былъ малороссъ,

но настоящіе малороссы почему-то чуждались его даже и въ то время, когда онъ блисталъ своимъ либерализмомъ и грозилъ Чернышевскому, что въ награду за его статью о Поэріо онъ пошлетъ ему свой старый жандармскій мундиръ *).

А. Θ. Кистяковскаго, по отъѣздѣ его въ Кіевъ, я лишь разъ видѣлъ, — это было въ началѣ 80-хъ годовъ; только-что былъ введенъ новый университетскій уставъ. Въ Кіевъ, частнымъ путемъ, дано было знать, что надъ нѣкоторыми профессорами готова разразиться гроза по подозрѣнію въ украйнофильствѣ. Незадолго передъ тѣмъ въ разныхъ университетахъ было уже уволено нѣсколько профессоровъ. Вотъ по этому случаю и пріѣхалъ Кистяковскій въ Петербургъ. Онъ былъ у министра И. Д. Делянова, который имѣлъ то рѣдкое качество, что всѣмъ и всякому былъ доступенъ и охотно пускался въ собесѣдованіе. Я какъ-разъ видѣлъ А. Θ. послѣ свиданія съ министромъ.—А знаете, А. Θ., вѣдь о васъ очень и очень нехорошія свѣдѣнія,—по обыкновенію нѣсколько покачивая головой, сказалъ Иванъ Давыдовичъ;—ужъ право не знаю, какъ и быть съ вами. Однако, выслушавъ Кистяковскаго, отпустилъ его съ миромъ, прибавивъ на прощаніе: — Только будьте, А. Θ., осторожнѣе, да и товарищамъ вашимъ то же передайте.

---

*) Эта угроза была имъ высказана черезъ Кавелина. Въ „Полемическихъ красотахъ“ Чернышевскаго есть шутливый намекъ на это обстоятельство.

У Ив. Дав. была черта,—рѣшительныя мѣры онъ всегда принималъ подъ чьимъ-нибудь давленіемъ; но разъ замѣчалъ, что давленіе нѣсколько ослабѣвало, то онъ и не доводилъ дѣла до конца.

XVIII.

Студенческая исторія.

О студенческой исторіи 1861 г. въ разное время было довольно писано *); потому я здѣсь главнымъ образомъ ограничусь лишь тѣмъ, о чемъ, кажется, никогда не было говорено. Волненія тогда охватили всѣ университеты кромѣ дерптскаго; но въ то время какъ во всѣхъ другихъ университетахъ они продолжались только по нѣскольку дней (напримѣръ, въ Москвѣ все кончилось такъ-называемой «битвой подъ Дрезденомъ», т. е. сходкой передъ домомъ ген.-губернатора и препровожденіемъ студентовъ въ Тверскую часть), въ Петербургѣ исторія затянулась на цѣлый мѣсяцъ и въ концѣ-концовъ привела къ закрытію университета. Правила о воспрещеніи сходокъ, закрытіи кассы и студенческой библіотеки, обязательной платѣ за слу-

*) Между прочимъ: В. Д. Спасовичъ. — „Пятидесятилѣтіе с.-петербургскаго университета", И. Е. Андреевскій—„Русская Старина", май 1882 г.

шаніе лекцій были распубликованы еще въ концѣ лѣта, тотчасъ по вступленіи въ министерство гр. Путятина, который былъ выдвинутъ гр. Строгановымъ и даже въ мелочахъ слѣдовалъ его указаніямъ *). Едва университетъ былъ открытъ, какъ сейчасъ же сформировался негласный студенческій комитетъ, который и рѣшилъ вести самую энергическую борьбу противъ новыхъ правилъ. Несмотря на то, что члены его одинъ за другимъ подвергались аресту, онъ однако, постоянно обновляясь, просуществовалъ цѣлый мѣсяцъ и достигъ въ результатѣ крайней намѣченной цѣли—закрытія университета. Не разъ высказывалось прямое утвержденіе, что студенческое движеніе въ Петербургѣ было муссировано со стороны, а не шло непосредственно отъ самихъ студентовъ. Прежде всего винили профессоровъ, но это — чистѣйшая выдумка, которою могъ развѣ утѣшаться гр. Путятинъ. Руководящій студенческій кружокъ даже былъ очень мало освѣдомленъ о борьбѣ, которую велъ совѣтъ университета съ министромъ. Многіе изъ профессо-

*) 27-го сентября была отправлена къ министру депутація отъ студентовъ съ адресомъ; я былъ въ числѣ депутатовъ. Министра не застали дома и рѣшили ждать; сидѣли въ пріемной болѣе двухъ часовъ. Наконецъ, пріѣхалъ министръ, но отказался принять депутацію; только послѣ долгихъ переговоровъ согласился выслушать одного кого-нибудь изъ депутатовъ; къ нему отправился студентъ Леонардъ. Той порой дежурный чиновникъ добродушно разсказалъ намъ:—Къ министру пріѣзжалъ гр. Строгановъ и просилъ передать ему, что явится депутація отъ студентовъ, такъ онъ бы ее не принималъ.—Такъ гр. Строгановъ сказалъ?—переспросилъ Путятинъ.—Такъ точно.—Ну, такъ скажите имъ (т. е. депутатамъ), что я не могу ихъ принять.

ровъ, напримѣръ, Кавелинъ, Б. Утинъ *), Стасюлевичъ, Спасовичъ, даже поплатились частью своей популярности за то, что старались удержать студентовъ отъ всякаго активнаго сопротивленія. Далѣе указывалось на поляковъ, но объ этомъ уже говорилось въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ, притягивалась къ отвѣту та группа, которая какъ бы олицетворялась въ «Современникѣ». Чернышевскаго какъ разъ не было въ Петербургѣ, когда разыгралась студенческая исторія, онъ находился въ Саратовѣ; Добролюбовъ, вернувшійся изъ-за границы, умиралъ да и связей между студентами не имѣлъ. Въ руководящемъ кружкѣ былъ студентъ М., находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ Н. В. Шелгунову; этотъ студентъ дѣйствительно поддерживалъ въ комитетѣ все болѣе рѣзкія предложенія; но вѣдь одинъ М., если даже допустить, что имъ руководилъ Шелгуновъ, не могъ всѣхъ увлечь, при томъ же онъ былъ въ числѣ первыхъ арестованъ. Въ разгаръ исторіи Г. З. Елисѣевъ съ другимъ сотрудникомъ «Современника» явились къ студ. М. П. Покровскому (тоже члену кружка и при томъ наиболѣе возбужденному, о немъ еще будетъ рѣчь) и поставили ему такой вопросъ: — Есть у васъ 300 человѣкъ на все готовыхъ? — Да, отвѣтилъ слишкомъ самоувѣренно Покровскій. Но когда они развили ему одинъ крайне фантастическій проектъ (на него

---

*) Н. Утинъ даже разсорился со своимъ братомъ, проф. Б. Утинымъ, и при своей обычной несдержанности въ выраженіяхъ называлъ его дуракомъ.

есть намекъ у Н. Н. Страхова въ матеріалахъ для біографіи Ѳ. М. Достоевскаго. На мой вопросъ, откуда онъ это знаетъ, Страховъ отвѣтилъ:—да мнѣ говорилъ о немъ М. П. Покровскій), то разговоръ кончился ничѣмъ. Какъ-то разъ я и Н. Утинъ разсказали Чернышевскому этотъ эпизодъ.—Не удивляюсь, отвѣчалъ Николай Гавриловичъ,—вѣдь Григорій Захаровичъ несмотря на свои сѣдые волосы самый юный въ редакціи «Современника». Н. А. Серно-Соловьевичъ тогда мало былъ извѣстенъ среди университетской молодежи. Въ комитетѣ за наиболѣе активное сопротивленіе были Неклюдовъ, Н. Утинъ,—оба, какъ я положительно знаю, въ то время не имѣли связей въ литературныхъ кругахъ,—вышеупомянутый М., Покровскій, большой пріятель Страхова, — трудно себѣ представить, чтобы послѣдній могъ инспирировать Покровскаго; былъ еще К. Генъ, родственникъ В. М. Бѣлозерскаго, но Генъ только молча на все соглашался; что касается лично меня, незадолго передъ тѣмъ на вечерахъ «Основы» начавшаго знакомиться съ литераторами, то я въ комитетѣ рѣшительно возставалъ противъ проекта торжественнаго сожженія матрикулъ, до чего впрочемъ дѣло и не дошло. Но важно вотъ что. Путятинскія мѣропріятія вызвали неудовольствіе не въ одной только университетской сферѣ или либеральныхъ литературныхъ кругахъ; все общество было ими взволновано; въ нихъ увидѣли явный поворотъ къ недавнему прошлому, къ ограниченію числа студентовъ и при томъ даже не по конкурсному

экзамену, а на основаніи имущественнаго положенія. Это настроеніе общества не было секретомъ для студентовъ; напротивъ того, они вездѣ слышали одни слова—неужели вы, студенты, не постоите за себя? Когда часть студентовъ, и при томъ довольно значительная, взяла матрикулы, они однако послѣ событій 14-го октября *) не ходили на лекціи, и пустой университетъ пришлось закрыть. Этимъ пассивнымъ сопротивленіемъ они желали оправдать себя не только передъ товарищами, сидѣвшими подъ арестомъ, но и передъ обществомъ; матрикулистовъ вездѣ встрѣчали сухо, а нерѣдко имъ приходилось выслушивать и прямые упреки. Когда студентовъ освободили, то ихъ чуть не на рукахъ носили. Я давалъ уроки у Н. И. Погребова (тогда городской голова), меня никѣмъ не замѣщали въ теченіе почти двухъ съ половиною мѣсяцевъ въ ожиданіи моего освобожденія. Живя передъ арестомъ въ Большой Конюшенной, я часто заходилъ въ кондитерскую-булочную Вебера; когда 6-го декабря вернулся на старую квартиру, гдѣ даже прислуга чуть не со слезами радости на глазахъ встрѣтила меня, то вскорѣ какъ-то зашелъ къ Веберу; едва меня увидѣли, какъ всѣ выбѣжали, чтобы повидать, пожать мнѣ руку; разспросамъ не было конца. Какой-то Евреиновъ разыскивалъ меня и наводилъ справки, не получалъ ли я стипендію имени,

---

*) Тогда подали въ отставку: Кавелинъ, Спасовичъ, Стасюлевичъ, Б. Утинъ и Пыпинъ.

кажется, его брата, чтобы оказать мнѣ матеріальную поддержку. И кто изъ потерпѣвшихъ тогда студентовъ, нерѣдко совершенно неожиданно для себя, не былъ предметомъ самаго сердечнаго вниманія.

Но никогда не надо забывать, что общественное сочувствіе есть столь деликатно-тонкая нить, что она порой рвется отъ простой неосмотрительности и даже случайности. Это и намъ пришлось испытать послѣ такъ-называемой «Думской исторіи» съ Н. И. Костомаровымъ.

XIX.

Вечера Штакеншнейдера, Тиблена и др.

Съ декабря 1861 г., т. е. когда студентовъ выпустили изъ крѣпости, кругъ вечеровъ, на которыхъ я сталъ бывать, значительно расширился. Настроеніе общества было крайне приподнятое; куда ни придешь, вездѣ шумъ, говоръ, оживленные споры, а главное—всеобщее ожиданіе чего-то очень крупнаго и даже въ ближайшемъ будущемъ. Что касается насъ, бывшихъ студентовъ, то мы вездѣ не только встрѣчали радушный пріемъ, но и, видимо, были желанными гостями. Нечего грѣха таить, все это мы принимали какъ законную дань за наше поведеніе въ

осенней исторіи 1861 г. Но такъ какъ молодости будущее всегда представляется въ нѣсколько ускоренномъ темпѣ движенія, то мы отнюдь не считали нашу пѣсенку спѣтой и не только сами были увѣрены, а и другимъ давали понять, что осенняя исторія — лишь начало той общественной роли, къ выполненію которой «мы» призваны; да и общій хоръ вторилъ намъ, что мы— именно то «молодое поколѣніе», которому суждено, наконецъ, «хорошія слова» превратить въ живую дѣйствительность. Извѣстные стихи М. И. Михайлова, адресованные имъ изъ крѣпости къ студентамъ, не были выраженіемъ только его личныхъ чувствъ, а отражали широко распространенное настроеніе.

Я сталъ бывать на вечерахъ Штакеншнейдера. Старикъ былъ извѣстный въ свое время архитекторъ въ Петербургѣ (между прочимъ его постройки дворцы Великихъ Князей Михаила Николаевича и Сергѣя Александровича); жилъ онъ широко, у него былъ свой домъ на Милліонной. Въ мое время душой вечеровъ являлась старшая дочь, Елена,—личность въ высшей степени симпатичная, съ широкимъ литературнымъ образованіемъ, съ тонкимъ художественнымъ чутьемъ. На этихъ вечерахъ собиралось самое разнообразное общество, между прочимъ художники, много литераторовъ довольно различныхъ направленій. Тутъ я имѣлъ возможность ближе присмотрѣться къ Помяловскому, конечно, въ тѣ разы, когда ему удавалось удержаться отъ посѣщенія буфета. Говорю удавалось, потому что ро-

ковая страсть не всегда владѣла имъ; даже въ послѣдніе годы выпадали иногда цѣлыя недѣли, что онъ преодолѣвалъ ее. И тогда что это былъ за удивительный человѣкъ! Въ немъ особенно поражала одна черта, не часто въ тѣ времена встрѣчавшаяся въ представителяхъ молодого поколѣнія: у Помяловскаго и слѣда не было замѣтно книжнаго развитія. Казалось, что онъ выросъ среди извѣстныхъ идей, что жизненные идеалы того времени составляли реальную дѣйствительность, окружавшую его съ ранняго дѣтства. Гдѣ другихъ мучило сомнѣніе или запутанная сложность явленій, тамъ для Помяловскаго все было просто и ясно, какъ Божій день. И вмѣстѣ съ тѣмъ его мысль не отзывалась тою поверхностностью, для которой всѣ вопросы давно рѣшены, остается только повторять готовыя формулы. Въ обществѣ, о чемъ бы ни шелъ разговоръ, это былъ блестящій собесѣдникъ; его рѣчь была жива, остроумна, но всегда сдержанна; его разливистый смѣхъ не только не рѣзалъ уха, но всѣхъ заражалъ веселостью. Самая наружность Помяловскаго невольно привлекала къ нему; его густые русые волосы отъ природы закидывались назадъ надъ лбомъ и дѣлали лицо его открытымъ, смѣлымъ, но не вызывающимъ, а голубовато-сѣрые глаза отражали дѣтски-безхитростное и любящее сердце. Не только всѣ чтили въ немъ крупный талантъ, но кто хоть разъ встрѣчался съ нимъ въ свѣтлыя минуты, тотъ не могъ не поддаться обаянію его привлекательной личности. И сколько людей принимало въ

немъ самое сердечное участіе и старалось удержать отъ слабости, губившей его. Особенно имъ былъ увлеченъ Я. П. Полонскій; въ 1862 г. онъ даже перевезъ его къ себѣ на квартиру (незадолго передъ тѣмъ Я. П. овдовѣлъ) и прибѣгалъ къ разнымъ такъ-называемымъ симпатическимъ средствамъ лѣченія. Изъ нихъ, конечно, самымъ сильнымъ была та беззавѣтно чистая привязанность, которую Я. П. питалъ къ Помяловскому. Послѣдній плакалъ иногда, какъ ребенокъ, дѣлалъ надъ собой невѣроятныя усилія, останавливался на одну-двѣ недѣли и затѣмъ вдругъ пропадалъ, и Я. П., бывало, немалыхъ трудовъ стоило разыскать его въ какой-нибудь трущобѣ, и можно себѣ представить, въ какомъ ужасномъ видѣ.

Одно время Помяловскій работалъ въ воскресной школѣ и обнаружилъ такой педагогическій талантъ, что его ученики въ самое короткое время усваивали то, что у другихъ преподавателей, и при томъ далеко не рядовыхъ, доставалось имъ лишь послѣ многихъ мѣсяцевъ.

Портретъ Помяловскаго въ изданіи Мюнстера очень хорошъ. Къ слову сказать, эта почти забытая серія по большей части даетъ очень схожіе портреты.

На вечерахъ у Штакешнейдера я познакомился съ Я. П. Полонскимъ; онъ съ перваго же раза сталъ держать себя какъ старый товарищъ. Одно время я не рѣдко бывалъ у него, даже сдѣлалъ въ его квартирѣ своего рода складъ, когда что-нибудь находилъ неудобнымъ держать

у себя. Разъ какъ-то Я. П. и говоритъ:—А послушайте, Пантелѣевъ, что мнѣ достанется, если найдутъ у меня? — Если сразу скажете, что получили отъ меня, то не особенно много, а упретесь, то вамъ съ вашей музой придется перебраться въ Сибирь. — Чертъ побери, я не хочу ни того, ни другого!.. — Такъ я унесу обратно.—Нѣтъ, я не къ тому говорю, а надо, значитъ, спрятать, чтобы кто-нибудь не увидалъ.

Я. П. и тогда всѣ любили, хотя и называли «большое дитя»; его странности, разсѣянность и житейская непрактичность постоянно давали поводъ ко множеству анекдотовъ. Разскажу одинъ изъ нихъ, идущій отъ Ѳедора Ильича Байкова. Но прежде два слова о самомъ Байковѣ, имя котораго знаютъ у насъ очень немногіе, а между тѣмъ это былъ выдающійся талантъ; люди понимающіе цѣнятъ Байкова за его кавказскіе виды и тамошній жанръ выше прославленнаго Горшельта. Старая академія не нашла Байкова достойнымъ заграничной командировки. Онъ кончилъ академію около 1840 года и тогда же уѣхалъ на Кавказъ; кажется, въ серединѣ 60-хъ годовъ вернулся въ Петербургъ и рѣшилъ на свои средства привести въ исполненіе свою постоянную мечту — поѣхать въ Италію. Но средствъ у Байкова хватило доѣхать только до Дрездена; перебиваясь кое-какъ отъ продажи своихъ картинъ, добрался онъ до Вѣны и, наконецъ, на третій годъ по выѣздѣ изъ Россіи былъ уже близко отъ Италіи, въ Тріестѣ. Въ этомъ городѣ, совершенно далекомъ отъ вся-

кихъ художественныхъ интересовъ, Байковъ и прожилъ почти двадцать лѣтъ, до самой своей смерти въ 1891 г., какъ поселился въ Hôtel de Lorm, такъ въ немъ и умеръ. Даже въ Венеціи ему не довелось побывать. Разъ ему предложили даровой билетъ туда.—Не могу, отвѣчалъ Байковъ, пока здѣсь не раздѣлаюсь съ кое-какими должишками.—Какъ я уже сказалъ, картины его продавались, но при этомъ львиная доля доставалась посредникамъ; къ тому же онъ часто раздаривалъ свои картины, а потому вѣчно былъ не при деньгахъ. Въ его характерѣ, вообще очень своеобразномъ, была черта, что онъ не выносилъ замѣчаній людей, ничего не понимающихъ въ искусствѣ, какое бы высокое положеніе они ни занимали. Разъ заказалъ ему намѣстникъ графъ Воронцовъ какую-то картину, гдѣ самъ долженъ былъ фигурировать. Картина готова, но Воронцовъ потребовалъ, чтобы былъ перерисованъ конь, на которомъ онъ сидѣлъ,—вмѣсто бѣлаго ему понадобился вороной. Байковъ смолчалъ и взялъ картину обратно; простояла она у него нѣсколько мѣсяцевъ, а онъ и не подумалъ исполнить желаніе Воронцова. Но вотъ является посланный отъ Воронцова съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы картина была немедленно закончена. Байковъ отвѣчалъ—хорошо. Вскорѣ приходитъ къ нему Як. Петр. — Ты мнѣ другъ? спрашиваетъ его Байковъ.— Конечно, отвѣчалъ Я. П. развѣ можно въ этомъ сомнѣваться. — Такъ обѣщай мнѣ сдѣлать, что̀ я тебя попрошу.—Не зная, чего отъ

него хочетъ Байковъ, Я. П. началъ-было упираться.—Въ такомъ случаѣ выходитъ, что ты мнѣ не другъ.—Кончилось тѣмъ, что Я. П. далъ слово. — Такъ вотъ что: возьми ружье и выстрѣли въ эту картину, я ее видѣть не могу, а у самого руки не поднимаются. Я. П. сталъ-было отговаривать, но Байковъ стоялъ на своемъ и ссылался на слово, данное Я. П. Тогда Я. П. беретъ ружье и очень удачно выстрѣливаетъ въ картину. — Теперь вотъ еще что: пойди къ Воронцову и скажи, что все это вышло случайно; ты взялъ ружье, а оно само у тебя выстрѣлило. —Пошелъ Я. П. къ Воронцову; тотъ, выслушавъ безъ вины виноватаго Я. П., сказалъ: — Много вы здѣсь глупостей надѣлали, но эта превосходитъ все; пора бы вамъ, Я. П., убираться съ Кавказа.—Этотъ случай мнѣ лично подтвердилъ Я. П. въ 90-хъ годахъ. Несмотря на эту исторію Я. П. до конца сохранилъ очень дружескія отношенія къ Байкову и даже навѣщалъ его въ Тріестѣ.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, въ 1877 г., я случайно встрѣтилъ на Невскомъ Я. П.; онъ очень обрадовался, увидавши меня, взялъ мой адресъ, пріѣхалъ ко мнѣ и просидѣлъ цѣлый вечеръ. Вотъ въ одну изъ пятницъ и я заявился къ нему; въ числѣ гостей встрѣтилъ двухъ старыхъ товарищей, М. П. Покровскаго и Ш. (юристъ). Покровскій, дѣльный студентъ естественнаго факультета, въ студенческой исторіи 1861 г. игралъ чуть не самую выдающуюся роль; ему долго удавалось избѣг-

нуть ареста, и онъ продолжалъ руководить студентами, когда почти всѣ члены негласнаго комитета были уже арестованы; его авторитетъ былъ настолько великъ, что предположенная было сходка у Казанскаго собора не состоялась только потому, что онъ передумалъ насчетъ ея умѣстности. Онъ былъ высланъ; въ ссылкѣ пылъ его настолько остылъ, что, будучи еще студентомъ въ хорошихъ отношеніяхъ со Страховымъ, вернувшись въ Петербургъ, совершенно подпалъ подъ его вліяніе. Мы встрѣтились не то что сухо, а какъ бы люди, у которыхъ въ прошломъ было мало общаго. Но это не существенно; а вотъ Ш. присталъ ко мнѣ съ такими неделикатно инквизиторскими разспросами, что, зная его какъ завсегдатая вечеровъ Я. П., я рѣшилъ болѣе не посѣщать ихъ. Потомъ скоро уѣхалъ на Амуръ; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, опять вернувшись въ Петербургъ, изрѣдка встрѣчался съ Я. П. (въ послѣдній разъ на первомъ общемъ собраніи Союза писателей *), и, видимо, эти встрѣчи были ему пріятны; впрочемъ, мы говорили только о временахъ давно минувшихъ.

Кажется, на вечерахъ у Штакеншнейдера я встрѣчалъ Писемскаго; онъ тогда редактировалъ «Библіотеку для Чтенія», и молодежь сторонилась отъ него. Въ «Библіотекѣ» Писемскій обезславился какъ своими фельетонами за подписью «Никита Безрылый», такъ и многимъ другимъ, что

*) На первомъ общемъ собраніи онъ былъ выбранъ въ судъ чести, но вскорѣ наступившая болѣзнь помѣшала ему принять участіе въ трудахъ суда чести.

появлялось въ журналѣ, гдѣ боевую роль игралъ Д. Ѳ. Щегловъ (псевдонимъ «Охочекомонный»). Впрочемъ его отношенія къ журналу характеризуетъ слѣдующій случай. Разъ онъ встрѣчаетъ на Невскомъ М. И. Семевскаго. — Мих. Ив., дайте что-нибудь въ «Библіотеку». — Странно мнѣ это слышать, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, — отвѣчалъ Семевскій, — когда меня чуть не въ каждомъ нумерѣ «Библіотеки» ругаютъ. — Не можетъ быть! — Вы, редакторъ, развѣ этого не знаете? — Стану я за 1200 р. (получаемыхъ отъ издателя Печаткина) читать всю «Библіотеку»!..

Писемскій, какъ извѣстно, въ выраженіяхъ не любилъ стѣсняться; Кавелинъ разсказывалъ: когда обсуждался, кажется, проектъ Литературнаго Фонда, возникъ вопросъ, принимать ли въ члены дамъ. — Развѣ легкаго поведенія, — отозвался Писемскій, — добродѣтель-то намъ съ Майковымъ и дома опостылѣла.

Бывалъ я также на вечерахъ Н. Л. Тиблена, тогда очень популярнаго издателя. Знакомство съ нимъ меня самого толкнуло на издательскую дорогу. Тибленъ былъ сынъ тоже въ свое время небезызвѣстнаго архитектора — объитальянившагося француза, а мать у него была настоящая француженка. Онъ получилъ образованіе въ артиллерійскомъ училищѣ и принялъ участіе въ самомъ концѣ севастопольской кампаніи; велъ жизнь, по его собственнымъ словамъ, очень разсѣянную. Вернувшись въ Петербургъ, онъ однако скоро оставилъ военную службу и поступилъ въ департаментъ общихъ дѣлъ мин. вн. дѣлъ,

былъ тамъ столоначальникомъ и, несомнѣнно, сдѣлалъ бы административную карьеру, но предпочелъ другую дорогу. Личныхъ средствъ у него не было, лишь женившись, получилъ за женой 30 тыс. руб. Въ то же время родные по женѣ были люди состоятельные. Тибленъ пригласилъ ихъ въ компанію, открылъ по тогдашнимъ временамъ большую типографію (три скоропечатныя машины) и началъ издательское дѣло; потомъ онъ выдѣлился изъ типографіи, а самъ остался при однихъ изданіяхъ. Тибленъ былъ человѣкъ безъ основательной научной подготовки, но очень способный, и видно было, что одно время онъ много и съ толкомъ читалъ *), къ тому же въ совершенствѣ зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Онъ способенъ былъ много работать; зачастую ночи напролетъ просиживалъ за корректурами, такъ какъ, не полагаясь даже на патентованныхъ переводчиковъ, онъ самъ все вывѣрялъ по подписнымъ корректурамъ, и случалось, что живаго мѣста не оставалось отъ первоначальнаго перевода. Издательское дѣло шло у него хорошо; тогда заводъ въ 3 тыс. экземпляровъ не считался большимъ, и черезъ какой-нибудь годъ, много два, часто требовалось новое изданіе. Но... «женщины, —

*) Интересно, что первый толчокъ въ этомъ направленіи далъ ему мин. вн. дѣлъ Ланской. Разъ Тибленъ, еще въ самомъ началѣ службы по мин. вн. дѣлъ, былъ дежурнымъ: заходитъ въ дежурную Ланской и застаетъ Тиблена за чтеніемъ французскаго романа. Ланской разговорился съ нимъ и посовѣтовалъ ему читать что-нибудь посерьезнѣе, на первыхъ порахъ рекомендовалъ „Русскій Вѣстникъ“.

вотъ что его сгубило», и Тибленъ несмотря на всю свою изворотливость кончилъ плохо: во второй половинѣ 60-хъ годовъ бѣжалъ за границу, оставивъ неоплатные долги.

У Тиблена тоже собиралось крайне разнообразное общество, но преимущественно профессора и литераторы; также много университетской молодежи. На этихъ вечерахъ я встрѣчалъ Чернышевскаго, Костомарова, Лаврова, Страхова, Н. Н. Соколова (химика), А. Н. Бекетова, Бибикова (переводчика экономистовъ), А. Н. Энгельгардта, Соколова (впослѣдствіи авторъ «Отщепенцевъ»), М. М. Достоевскаго (ред. изд. журнала «Время»), Думшина (переводчика), Кулиша и др. Если на вечерахъ у Штакеншнейдера еще сказывался тонъ стараго общества, — иные приходили даже во фракѣ,—то у Тиблена уже царили начинавшія тогда проявляться простота и непринужденность. Общихъ разговоровъ обыкновенно не было, а всѣ разбивались на небольшія группы. Тутъ громче всѣхъ сказывались голоса Энгельгардта и Бибикова, отчаянныхъ говоруновъ и спорщиковъ; Костомарова чаще всего забирали въ плѣнъ дамы. Мое вниманіе особенно привлекала личность Н. Н. Соколова; обыкновенно говорилъ онъ мало, всегда спокойно и замѣчательно умно, шелъ ли разговоръ о людяхъ или отвлеченныхъ предметахъ, а главное—никогда не затруднялся высказывать свое мнѣніе, хотя бы оно и не совпадало съ ходячими тогда взглядами. Въ его манерѣ вести бесѣду было что-то аристократически-сдержан-

ное и въ то же время какъ бы говорившее: я знаю, что̀ вы мнѣ скажете, и знаю, что мой отвѣтъ васъ не удовлетворитъ; жаль, что вы не проштудировали хорошенько логику Милля. Эту книгу онъ имѣлъ пристрастіе всѣмъ рекомендовать.

Всегда съ улыбкой и по-джентльмэнски велъ споръ П. Л. Лавровъ (я тоже встрѣчалъ его у Штакеншнейдера); такого же высокаго роста (и тоже полковникъ) Соколовъ («Отщепенцы») былъ ему прямою противоположностью; онъ уже и тогда обнаруживалъ наклонность не только къ крайнему радикализму, но и къ той откровенности въ выраженіяхъ, дальше которой у насъ въ печати кажется никто не пошелъ.

Разъ какъ-то Тибленъ сказалъ мнѣ:—Приходите къ намъ, когда вздумаете, обѣдать, всегда найдется приборъ.—Я этимъ приглашеніемъ и воспользовался, такъ какъ рѣдко случалось, чтобы у Тиблена не бывало за обѣдомъ кого-нибудь изъ профессоровъ или литераторовъ. Одно время часто встрѣчалъ Н. Н. Страхова (онъ переводилъ для Тиблена «Куно Фишера»), и такъ какъ мнѣ не предстоитъ говорить о немъ особо, то я и сдѣлаю это теперь. Когда я впервые сталъ встрѣчать Н. Н., то многіе съ сожалѣніемъ говорили, что онъ совсѣмъ напрасно забросилъ свою настоящую дорогу — естественныя науки (онъ, кажется, тогда преподавалъ въ гимназіи естественную исторію), такъ какъ его диссертація «О костяхъ запястья» давала основаніе надѣяться, что изъ него могъ выработаться незаурядный ученый. Въ началѣ 60-хъ годовъ

Н. Н. считался большимъ знатокомъ философіи, особенно нѣмецкой, и однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ гегельянцевъ. Его дружескія связи съ наиболѣе выдающимися студентами, особенно съ М. П. Покровскимъ, сдѣлали его имя довольно популярнымъ среди молодежи; послѣдняя пирушка въ честь высылаемыхъ студентовъ была устроена въ квартирѣ Н. Н. Я иногда захаживалъ къ нему. Помню какъ-то разъ засталъ его за чтеніемъ Тургенева. — Вотъ я перечитываю Тургенева, — сказалъ Н. Н., — и, право же, въ одной его страничкѣ больше истинной поэзіи, чѣмъ въ цѣломъ романѣ Жоржъ-Зандъ.—Когда вышли «Отцы и дѣти», Н. Н. посвятилъ Тургеневу восторженную статью; но прошло какихъ-нибудь пять — шесть лѣтъ, и въ романахъ того же Тургенева Н. Н. уже видѣлъ только блѣдныя и маложизненныя акварели. Это произошло послѣ того, какъ Тургеневъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» свое знаменитое объясненіе по поводу «Отцовъ и дѣтей»; но покойный Л. Н. Майковъ говорилъ мнѣ, что было еще какое-то личное обстоятельство, котораго онъ не могъ припомнить, повліявшее на такую разительную перемѣну во взглядахъ Страхова. Впослѣдствіи онъ имѣлъ простодушіе перепечатывать свои статьи о Тургеневѣ въ одномъ томикѣ и тутъ контрастъ его сужденій выступалъ съ комиче-скою рѣзкостью. Я какъ-то напомнилъ Н. Н. о вышеупомянутомъ сравненіи Тургенева съ Жоржъ-Зандъ. — Ахъ, какія ереси я тогда способенъ былъ говорить, — отвѣчалъ, по обыкновенію улыбаясь Н. Н.

Въ концѣ 70-хъ годовъ я обратился къ нему съ предложеніемъ взять на себя переводъ «Исторіи матеріализма» Ланге. — Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Н. Н.; хотя я теперь и не занимаюсь переводной работой, но переводить или по крайней мѣрѣ редактировать Ланге возьмусь; это—одно изъ самыхъ капитальныхъ сочиненій и для нашей публики крайне полезно имѣть его.—Ланге, на котораго точили зубы всѣ издатели, но никто не рѣшался взяться за него, съ именемъ Н. Н. Страхова благополучно вышелъ въ свѣтъ; впрочемъ при этомъ надо добромъ помянуть и цензора Ведрова.

Въ послѣдніе годы Н. Н. сталъ увлеченнымъ поклонникомъ Л. Н. Толстого и даже часто проводилъ у него лѣто; большой портретъ Л. Н. украшалъ его кабинетъ.—Вотъ на комъ успокаиваю свой духъ, — говорилъ разъ мнѣ Н. Н., показывая на портретъ Л. Н., — а этотъ господинъ (Вольтеръ) и самъ не знаю почему виситъ у меня на стѣнѣ. Это увлеченіе Л. Н. послѣдняго періода, конечно, не могло остаться незамѣченнымъ въ рядахъ той партіи, которая считала Страхова своимъ знаменоносцемъ, и разъ онъ попалъ въ весьма каверзное положеніе. Получилъ онъ горячо написанное письмо (анонимное, какъ говорилъ Н. Н.), въ которомъ высказывалась рѣшительное недоумѣніе, какъ онъ, Н. Н., котораго до сихъ поръ считали такимъ убѣжденнымъ защитникомъ православія и всѣхъ исконныхъ началъ русской жизни, можетъ нетолько прославлять Толстого, но даже спокойно

говорить о немъ. Н. Н. печатно защищался и нельзя сказать, чтобы особенно удачно. Я шутя увѣрялъ его, что письмо сочинено какимъ нибудь злокозненнымъ нигилистомъ (Н. Н. по старой памяти съ этимъ словомъ не разставался), чтобъ только поставить его въ безвыходное положеніе.

Не особенно задолго до смерти Страховъ съ видимымъ удовольствіемъ обратилъ мое вниманіе на то, что въ послѣдніе годы его сочиненія довольно ходко идутъ, и приходится нѣкоторыя книги перепечатывать. — Но знаете ли, кто покупаетъ васъ, отвѣчалъ я, люди, которымъ перевалило за пятьдесятъ лѣтъ и которымъ пріятно видѣть, что вотъ и Н. Н. то самое говоритъ, что̀ и они думаютъ; на выступающія поколѣнія вы никогда не имѣли никакого вліянія, и вотъ почему: вы сами же не разъ мнѣ говорили да и печатно это заявляли, что употребили всѣ силы вашего ума на борьбу съ нигилизмомъ; но вы боролись только съ нигилизмомъ лѣвыхъ, къ нигилизму же правыхъ относились если не любовно, то болѣе чѣмъ снисходительно. Тайна успѣха Толстого, на котораго вы теперь молитесь, — продолжалъ я,—въ томъ и заключается, что его критическое отношеніе захватываетъ жизнь во всю ея ширь. Н. Н. спросилъ меня, что я разумѣю подъ нигилизмомъ правыхъ. Я ему объяснилъ. Онъ затѣмъ перемѣнилъ разговоръ.

Говорятъ, что послѣ смерти Н. Н. у него нашли начало своего рода исповѣданія вѣры;

оно состояло всего изъ нѣсколькихъ строкъ приблизительно слѣдующаго содержанія: «Меня часто упрекали, что я ни-разу не высказывалъ съ достаточною ясностью свое положительное міросозерцаніе; я это теперь и дѣлаю»... Но продолженія не оказалось. Покойный В. С. Соловьевъ серьезно увѣрялъ, что если вчитаться хорошенько въ Страхова, то окажется, что онъ былъ чистѣйшій матеріалистъ. Для характеристики Н. Н. у меня сохраняется интересная переписка съ нимъ по поводу одной петиціи (въ половинѣ 90-хъ годовъ) о положеніи печати. Сначала онъ, не колеблясь, заявилъ мнѣ, что подпишетъ ее, а потомъ уклонился...

Въ заключеніе этого очерка не могу не вспомнить еще о вечерахъ у двухъ студентокъ того времени: Н. І. Корсини и А. П. Блюммеръ. У первой собирался болѣе тѣсный кружокъ, связанный очень близкими дружескими отношеніями и даже сердечными привязанностями; у второй кромѣ молодежи иногда показывались Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ, Вороновъ, Помяловскій. И тутъ, и тамъ за обычнымъ чайнымъ столомъ возникали оживленные споры: всякій безъ опасливой оглядки высказывалъ свою мысль. Но не помню случая, чтобы чья-нибудь горячность или несдержанность вызвала хоть какое-нибудь недоразумѣніе. И въ то время, и впослѣдствіи приходилось бывать во многихъ кругахъ; но почему же теперь, спустя сорокъ лѣтъ,

воспоминаніе о вечерахъ Корсини и Блюммеръ наполняетъ сердце какою-то особенною теплотой? Да потому, что человѣкъ даже на закатѣ лѣтъ можетъ еще обольщать себя разными надеждами, но только не надеждой на возвратъ молодости и той вѣры, которой она живетъ.

XX.

Думская исторія.

Когда осенью 1861 г. сидѣли мы въ крѣпости, два студента С. И. Ламанскій и П. А. Гайдебуровъ вмѣстѣ съ проф. И. Е. Андреевскимъ во главѣ,—онъ былъ депутатомъ отъ университета въ слѣдственной коммиссіи *) по студенческой исторіи, производили денежные сборы на нужды сидѣвшихъ подъ арестомъ. 6-го декабря всѣ студенты были выпущены (около 300 человѣкъ, въ Петропавловской крѣпости и Кронштадтѣ). Сейчасъ же къ И. Е. Андреевскому примкнуло нѣсколько студентовъ, игравшихъ болѣе или

*) Предсѣдателемъ ея былъ Волянскій, выведенный въ люди С. Голицынымъ, заявившимъ себя такимъ реакціонеромъ въ 49 г.; но говорили, что Голицынъ былъ почему-то въ дурныхъ отношеніяхъ съ Путятинымъ или съ его вдохновителемъ гр. Строгановымъ, и яко бы употребилъ все свое вліяніе на Волянскаго, чтобы выгородить студентовъ. И дѣйствительно студенты не могли пожаловаться на коммиссію.

менѣе выдающуюся роль во время студенческой исторіи, и образовался своего рода комитетъ; въ составъ его входили: Н. Утинъ, В. Гогоберидзе, А. Гердъ, П. фанъ-деръ-Флитъ, Е. Печаткинъ, С. Ламанскій, П. Гайдебуровъ, П. Спасскій, Моравскій и я. По ходатайству ген.-губернатора Суворова правительствомъ было отпущено въ его распоряженіе 5 тыс. руб. на пособія нуждающимся студентамъ. Эти деньги Суворовъ не иначе расходовалъ, даже когда къ нему прямо обращались, какъ по соглашенію съ комитетомъ. Разъ даже вышелъ оригинальный случай; въ присланномъ имъ спискѣ оказалась фамилія Варшавчика, вольнослушателя, но собственно бывшаго агентомъ III отдѣленія. Понятно, что комитетъ отказалъ въ своей рекомендаціи, а Суворовъ, узнавъ, кто былъ Варшавчикъ, даже пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе отъ его дерзости обратиться къ нему за пособіемъ. Пока не были израсходованы 5 тыс. руб. суворовскихъ и тѣ суммы, которыя находились на рукахъ И. Е. Андреевскаго къ 6-му декабря, комитетъ всегда собирался подъ его предсѣдательствомъ, а потомъ И. Е. уже устранился. Деньги въ комитетъ шли со всѣхъ сторонъ, но все же ихъ не хватало, такъ какъ съ закрытіемъ университета всѣ получавшіе стипендіи лишились ихъ; другіе растеряли уроки, многимъ нужны были средства на отъѣздъ домой. Пришла мысль устроить публичныя лекціи; постепенно эта мысль расширялась, и рѣшено было въ формѣ публичныхъ лекцій возродить чтеніе почти всѣхъ университетскихъ курсовъ

(кромѣ восточнаго факультета). Что идея этихъ курсовъ вышла изъ среды комитета, это видно изъ того, что хотя прошенія подавались профессорами отъ своего имени, но только тѣми, которые были приглашены комитетомъ. При этомъ дѣло не обошлось безъ попытки посчитаться съ нѣкоторыми профессорами, роль которыхъ во время студенческой исторіи почему нибудь не оправдала надеждъ, на нихъ возлагавшихся. Я уже говорилъ нѣсколько выше (стр. 139) о неудачѣ М. И. Сухомлинова; зубъ былъ на Кавелина. Его поведеніе въ совѣтѣ было безупречно; онъ былъ руководителемъ, и при томъ весьма умѣлымъ, профессорской оппозиціи Путятину; но въ нѣкоторой части студентовъ онъ возбудилъ неудовольствіе тѣмъ, что старался удержать студентовъ отъ какихъ нибудь демонстрацій. Не совсѣмъ также были довольны и Костомаровымъ, по слѣдующему поводу: во главѣ министерства— реакціонеръ Путятинъ, университетъ въ разгромѣ, студенты сидятъ въ крѣпостяхъ, а Костомаровъ выступилъ съ проектомъ университетской реформы, съ вольнымъ университетомъ, въ которомъ не было ни профессорской корпораціи, ни студентовъ, а читались курсы на манеръ Collège de France. Съ точки зрѣнія чисто научныхъ интересовъ ему очень вѣско возражалъ М. М. Стасюлевичъ (въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ осенью 1861-го года были напечатаны какъ статья Костомарова, такъ и возраженія на нее).

Чтобы по возможности открыть полные курсы, въ комитетѣ пропускались даже такія отсталыя

личности, какъ проф. Ивановскій (международное право); но когда очередь дошла до Кавелина, то несмотря на всѣ усилія мои и В. Гогоберидзе, онъ получилъ однимъ голосомъ меньше. Тогда тѣ, кто стояли за Кавелина, рѣшили подавать голосъ противъ Костомарова, чтобы проваломъ его довести дѣло до нелѣпости; никакіе уговоры не побудили насъ отказаться отъ этой тактики, и Костомаровъ также былъ забаллотированъ. Кончилось тѣмъ, что произвели новую баллотировку, и на этотъ разъ какъ Кавелинъ, такъ и Костомаровъ были выбраны.

Въ комитетѣ также было рѣшено обратиться къ нѣкоторымъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ числу профессоровъ петербургскаго университета; были намѣчены: К. П. Побѣдоносцевъ (онъ тогда состоялъ въ коммиссіи по преобразованію судопроизводства и преподавалъ наслѣднику Николаю Александровичу)—для судопроизводства, Чернышевскій – финансы, Лавровъ — философія, Берви (тогда магистрантъ, служившій въ сенатѣ), А. В. Лохвицкій—госуд. право евр. державъ, проф.—артилл. академіи Гадолинъ — физика, И. М. Сѣченовъ (въ то время проф. мед.-хир. академіи) — физіологія. Всѣ выразили свое согласіе. Но вотъ въ одинъ прекрасный день К. П. Побѣдоносцевъ далъ знать комитету, что въ виду многочисленныхъ занятій онъ не имѣетъ свободнаго времени для чтенія лекцій. Такъ какъ комитетъ весьма желалъ имѣть его въ составѣ лекторовъ, то отрядилъ къ нему депутацію, Неклюдова и меня.—Я очень занятъ, отвѣтилъ

К. П. — Но вѣдь ваши занятія все тѣ же, что раньше были. — Это правда, но вотъ что я вамъ скажу, я не хочу читать въ одной компаніи съ Чернышевскимъ; это шарлатанъ, гаеръ; если онъ не будетъ читать, то извольте — я готовъ. Неклюдовъ пытался было отстаивать Чернышевскаго, но К. П. стоялъ на своемъ. Комитетъ, выслушавши нашъ отчетъ о свиданіи съ К. П., конечно скорѣе предпочелъ отказаться отъ удовольствія имѣть его въ числѣ лекторовъ, чѣмъ нанести уже приглашенному Чернышевскому ничѣмъ не оправдываемое оскорбленіе. Однако Чернышевскому не довелось читать: онъ не получилъ разрѣшенія, по той же причинѣ не состоялись лекціи Лаврова, а Берви былъ арестованъ. Лекціи читались днемъ, въ залахъ Думы и Петершуле (директоромъ ея былъ проф. Штейнманъ); всего было 20 лекторовъ, читавшихъ 36 лекцій въ недѣлю; были какъ абонементные, такъ и разовые билеты. Лекціи усердно посѣщались не только студентами, но и публикой, а Костомаровъ собиралъ не менѣе 500 слушателей. Все шло хорошо до исторіи съ проф. П. В. Павловымъ по поводу вечера въ залѣ Руадзе. Павловъ также читалъ (въ залѣ Петершуле) что-то въ родѣ курса философіи исторіи. По своей простотѣ его лекціи скорѣе походили на бесѣды въ небольшомъ частномъ кружкѣ; въ нихъ сказывалось сильное вліяніе Бокля; самостоятельныхъ взглядовъ онъ никакихъ не высказалъ.

Какъ только стало извѣстнымъ, что Павловъ

высылается въ Ветлугу (у него даже не спрашивали никакихъ объясненій, не потребовали текста чтенія), сейчасъ же собрался студенческій комитетъ; всѣ были въ крайнемъ возбужденіи; да и не одни студенты, все общество было взволновано. Въ комитетѣ почти единодушно было рѣшено въ видѣ протеста закрыть всѣ лекціи; но для этого нужно было имѣть согласіе профессоровъ; потому остановились на такомъ порядкѣ: созвать всѣхъ лекторовъ, отрядить въ это собраніе нѣсколькихъ депутатовъ отъ комитета съ порученіемъ поставить вопросъ: въ виду участи, постигшей Павлова, считаютъ ли они возможнымъ продолженіе лекцій? Делегаты, конечно, не должны были говорить, что комитетъ уже пришелъ къ рѣшенію закрыть лекціи, но они обязаны были заявить, что не ручаются за сохраненіе порядка (и это была правда) въ виду крайне возбужденнаго настроенія не только молодежи, но и публики. Профессора собрались въ квартирѣ В. Д. Спасовича; всѣ они одинаково были возмущены высылкой Павлова. Прежде всего выбрали предсѣдателя собранія; выборъ палъ на И. Е. Андреевскаго, и этимъ они погубили свое дѣло, что̀ будетъ видно далѣе. Какъ только делегаты поставили вопросъ, могутъ ли продолжаться лекціи, то Стасюлевичъ, Б. Утинъ, Спасовичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ закрытія лекцій; они, конечно, находили мѣру, принятую противъ Павлова ничѣмъ не оправдываемой, но не видѣли никакой связи между судьбой, постигшей

Павлова, и лекціями. М. М. Стасюлевичъ, напр., сказалъ:—Вы идете по улицѣ, вдругъ на васъ падаетъ кирпичъ, значитъ ли это, что не слѣдуетъ ходить по улицамъ? Забавно было видѣть, какъ сцѣпились два брата, Б. Утинъ и Н. Утинъ, который былъ въ числѣ делегатовъ: оба они были раздражительны и наговорили другъ-другу разныхъ любезностей. Въ серединѣ засѣданія пріѣхалъ Костомаровъ; узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ тоже высказался противъ закрытія лекцій: —Для меня, сказалъ онъ, читать лекціи, это— величайшее наслажденіе.—Онъ однако не остался до конца засѣданія, и всѣ рѣшенія были приняты безъ него. Тѣмъ не менѣе огромное большинство профессоровъ (делегаты въ баллотировкѣ, помнится, не участвовали) высказалось за закрытіе лекцій, при чемъ предварительно было постановлено, что рѣшеніе будетъ обязательно для меньшинства. Затѣмъ былъ обсуждаемъ вопросъ: объявленіе о закрытіи лекцій (оно собраніемъ возлагалось на студенческій комитетъ и даже назначили день — ближайшая лекція Костомарова) должно ли быть мотивировано участью, постигшей Павлова?—И опять значительнымъ большинствомъ рѣшено въ утвердительномъ смыслѣ. Все это произошло въ значительной степени отъ роли, которую на этомъ собраніи сыгралъ И. Е. Андреевскій. Ранѣе онъ никогда не заявлялъ рѣзкаго образа мыслей, а тѣмъ паче какого-нибудь фрондерства; но на этомъ собраніи сдѣлалъ все, чтó было въ силахъ председателя, чтобы рѣшеніе вышло такое, ка-

кого, видимо, хотѣлъ студенческій комитетъ. Профессора потомъ громко говорили, что П. Е. ихъ предалъ. Мы вышли торжествующіе и даже нѣсколько удивленные легко одержанной побѣдой; но мы никакъ не могли понять, какимъ образомъ П. Е. оказался всецѣло на нашей сторонѣ?

Кажется, черезъ день, во всякомъ случаѣ наканунѣ лекціи Костомарова, комитетъ собрался; надо было сообразить нѣкоторыя практическія обстоятельства, которыя вызывались закрытіемъ лекцій, напримѣръ, разсчетъ съ публикой за недослушанныя лекціи и т. п.; но было еще и другое дѣло, это—адресъ отъ публики къ министру народнаго просвѣщенія о возвратѣ Павлова; онъ былъ заготовленъ (редактировалъ Н. Утинъ, кажется, вмѣстѣ съ Хорошевскимъ), прошелъ въ комитетѣ; предположено было предложить его для подписи на лекціи Костомарова и кромѣ того пустить отдѣльные листы по городу.

Было уже за 11 часовъ вечера, какъ входитъ Гогоберидзе. — Я шелъ въ комитетъ, — сказалъ онъ,—но случайно встрѣтилъ Совѣтова; онъ мнѣ сказалъ, что у него будетъ собраніе профессоровъ, и усиленно просилъ меня присутствовать на немъ, чтобы потомъ передать комитету, что̀ будетъ рѣшено. Я согласился, и знаете ли, профессора отказались отъ принятаго рѣшенія и постановили, что будутъ продолжать чтеніе лекцій, и обязались завтра, до начала Костомаровской лекціи, или лично явиться въ Думу, или

послать на имя комитета письменное увѣдомленіе отъ каждаго, что лекціи его будутъ продолжаться. Сообщеніе Гогоберидзе произвело невыразимую сенсацію. Н. Утинъ, не разобравъ дѣла, накинулся на Гогоберидзе:—Да какъ же вы могли на это согласиться? Вы не имѣли никакого права.—Да я ни на что не соглашался, а только сидѣлъ и слушалъ.

Естественно возникалъ вопросъ: что̀ же теперь дѣлать? П. А. Гайдебуровъ, и ранѣе не обнаруживавшій никакого сочувствія къ закрытію лекцій, первый заговорилъ, что нужно все бросить, но другіе не хотѣли помириться съ мыслью отказаться отъ демонстраціи. Слабая сторона собранія у Совѣтова была та, что на немъ не присутствовали нѣкоторые лекторы, убѣжденно стоявшіе за закрытіе лекцій. — Не обращать никакого вниманія на рѣшеніе профессоровъ, они — трусы, слышалось въ комитетѣ. Но даже Н. Утинъ, не находившій достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы клеймить измѣну профессоровъ, понималъ, что сдѣлать этого никакъ нельзя. Однако, когда достаточно поговорили и поставили на баллотировку, признавать ли новое рѣшеніе профессоровъ, то большинствомъ одного голоса было принято, что оно не обязательно (не скрою, что въ большинствѣ былъ и мой голосъ, въ чемъ я недолго спустя и сталъ раскаиваться); а что же затѣмъ дѣлать? Ни до чего практическаго не договорились; самъ Н. Утинъ, видимо, былъ смущенъ результатомъ баллотировки и поминутно повторялъ: — Однако

какъ же теперь быть?—Проспоривъ до утра, ничего не порѣшили и, напившись у Утина чаю, прямо отправились въ думу. Тамъ—сюрпризъ: не находимъ никого изъ профессоровъ, ни посланныхъ отъ нихъ съ записками. Ничего не можемъ понять; можетъ-быть, профессора опять передумали? Вотъ уже приближается лекція Костомарова; наконецъ-то заявились Совѣтовъ и А. В. Лохвицкій и сообщаютъ о состоявшемся наканунѣ рѣшеніи профессоровъ; присылаются также двѣ-три записки. Въ объясненіяхъ съ Совѣтовымъ и Лохвицкимъ мы ссылались на то, что собраніе наканунѣ было неполное, что присутствовавшіе на немъ профессора обязались или лично, или каждый отдѣльно поставить комитетъ въ извѣстность, что ихъ лекціи будутъ продолжаться; а такъ какъ профессора разъ уже перерѣшили, то, можетъ-быть, вновь измѣнили свое мнѣніе. Словомъ, фонды партіи протеста поднялись благодаря этой совсѣмъ непонятной безпечности или колебательности профессоровъ. Комитетъ сейчасъ же собрался въ одномъ изъ кабинетовъ думы, и хотя былъ не въ полномъ составѣ, но въ достаточномъ; рѣшено было сдѣлать объявленіе о закрытіи лекцій на основаніи рѣшенія, состоявшагося у Спасовича, но при этомъ оговорить, что такіе-то и такіе-то профессора отказались отъ этого рѣшенія и прислали заявленія, что будутъ продолжать чтеніе лекцій.

Было 8-е марта, большая думская зала была переполнена не только студентами, но

и огромной массой публики, такъ какъ въ нее уже успѣли проникнуть слухи о какой-то предстоящей демонстраціи. Вотъ Костомаровъ кончилъ свою лекцію; раздались обычные апплодисменты. Затѣмъ на каѳедру сейчасъ же вошелъ студентъ Е. П. Печаткинъ и сдѣлалъ заявленіе о закрытіи лекцій съ тою мотивировкой, какая была установлена на собраніи у Спасовича, и съ оговоркой о профессорахъ, которые будутъ продолжать лекціи. Костомаровъ, который не успѣлъ далеко отойти отъ каѳедры, сейчасъ же вернулся и сказалъ: — Я буду продолжать чтеніе лекцій,—и при этомъ прибавилъ нѣсколько словъ, что наука должна идти своей дорогой, не впутываясь въ разныя житейскія обстоятельства. Разомъ раздались и рукоплесканія, и шиканье; но тутъ подъ самымъ носомъ Костомарова Е. Утинъ выпалилъ:—Подлецъ! второй Чичеринъ *), Станислава на шею!—Вліяніе, которымъ пользовался Н. Утинъ, видимо, не давало покоя Е. Утину, и онъ тогда изъ кожи лѣзъ, чтобы заявить свой крайній радикализмъ; его даже шутя прозвали Робеспьеромъ. Выходка Е. Утина могла взорвать и не такого впечатлительнаго человѣка, какимъ былъ Костомаровъ;

*) Б. Н. Чичеринъ публиковалъ тогда, кажется, въ „Моск. Вѣд.“ рядъ статей по университетскому вопросу, крайне реакціонныхъ; онъ, помнится, предлагалъ право поступленія въ университетъ поставить въ зависимость отъ очень высокаго имущественнаго ценза. Но еще ранѣе того его письмо къ Герцену сдѣлало имя Б. Н. крайне не популярнымъ среди молодежи; защищалъ его Кавелинъ, видя въ немъ крупную научную величину, хотя и не раздѣлялъ большинства его взглядовъ.

къ сожалѣнію, онъ потерялъ всякое самообладаніе и, вновь вернувшись на каѳедру, сказалъ между прочимъ:

... — Я не понимаю тѣхъ гладіаторовъ, которые своими страданіями хотятъ доставлять удовольствіе публикѣ (кого онъ имѣлъ въ виду, трудно сказать, но эти слова были поняты какъ намекъ на Павлова). — Я вижу передъ собой Репетиловыхъ, изъ которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ выйдутъ Расплюевы.—Рукоплесканій уже не раздалось, а, казалось, вся зала шикала и свистала. По программѣ мнѣ слѣдовало сдѣлать заявленіе о разсчетѣ съ публикой; я это и сдѣлалъ, но, кажется, меня никто не слышалъ, да и слышать не хотѣлъ. Несмотря на то, что Костомаровъ тотчасъ же уѣхалъ, публика не расходилась; немногіе пытались защищать его, но подавляющее большинство возбужденно говорило, что если Костомаровъ попробуетъ читать, то его до этого не допустятъ, забросаютъ солеными огурцами и мочеными яблоками. А той порой циркулировалъ адресъ, и было собрано нѣсколько сотъ подписей. Наконецъ, появился Н. И. Погребовъ (городской голова) и попросилъ публику разойтись, что̀ и было точасъ же всѣми исполнено.

Когда сталъ извѣстенъ въ широкихъ кругахъ этотъ совсѣмъ неожиданный и вмѣстѣ съ тѣмъ фатальный эпизодъ, онъ вызвалъ во многихъ сильнѣйшее неодобреніе поведенія студентовъ (участіе публики какъ-то игнорировалось); между самими студентами проявился расколъ; боль-

шинство профессоровъ было возмущено и рѣшило непремѣнно продолжать чтеніе лекцій, о чемъ и появилась публикація. Но въ то же время возросло въ высшей степени раздраженіе, даже озлобленіе, и въ другой сторонѣ, т. е. противной Костомарову; намъ, членамъ комитета, приходилось иногда выслушивать такія заявленія, что становилось жутко, и въ то же время сто разъ разсказывать всю исторію и объяснять въ разныхъ студенческихъ кружкахъ, что мы, т. е. комитетъ, въ эпизодѣ съ Костомаровымъ не при чемъ.

О 8-мъ марта есть разсказъ самого Костомарова въ его «Автобіографіи» («Русск. Мысль», №№ 5-й и 6-й, 1885 г.), но въ немъ встрѣчаются неточности, между прочимъ относительно роли, которую игралъ въ финалѣ этого дѣла Чернышевскій. Н. И. совсѣмъ пропускаетъ собраніе у Спасовича; говоря о собраніи у Совѣтова (я думаю, что онъ смѣшалъ его съ собраніемъ у Спасовича), утверждаетъ, что Стасюлевичъ, Б. Утинъ, Кавелинъ и молодежь были за закрытіе лекцій, что только Б. Утинъ, наконецъ, перешелъ на его сторону. Кавелинъ тогда былъ уже за-границей, а Стасюлевичъ и Б. Утинъ, какъ сказано выше, были противъ закрытія лекцій; никакой молодежи у Совѣтова не было *).

*) Вообще въ „Автобіографіи“ немало ошибокъ, или, можетъ быть, описокъ, опечатокъ; говорится, что Костомаровъ сталъ профессоромъ петербургскаго университета въ 1858 г., а это произошло осенью 59-го года; „зима 62 г.., время польскаго возстанія“, но оно вспыхнуло въ 1863 г.; „Гайдебуровъ, Гогоберидзе—одни изъ самыхъ ярыхъ моихъ враговъ“;—Гай-

Несмотря на публикацію (не отъ всѣхъ однако профессоровъ) чтеніе лекцій не возобновилось, кажется, по совмѣстному соглашенію профессоровъ и Головнина; одинъ Костомаровъ непремѣнно хотѣлъ читать. Чернышевскій былъ освѣдомленъ о настроеніи молодежи и, вѣроятно, желая спасти ее отъ неминуемо прискорбныхъ послѣдствій, вмѣшался въ дѣло. Онъ поѣхалъ уговаривать Костомарова отказаться отъ чтенія лекцій; тотъ ни за что̀ не хотѣлъ этого сдѣлать. Въ «Автобіографіи» Н. Ив. разсказываетъ, что Чернышевскій держалъ къ нему такую рѣчь: —Поѣзжайте къ Головнину и просите, чтобы вамъ запретили читать. — Не могу, я самъ хлопоталъ о разрѣшеніи.—Ну, такъ я поѣду; дайте мнѣ которое-нибудь изъ писемъ, гдѣ вамъ угрожаютъ скандаломъ. Я далъ письмо... Чернышевскій съѣздилъ къ Суворову и Головнину и устроилъ дѣло такъ, что мнѣ запретили читать лекціи.—Не помню, говорилъ ли Чернышевскій о Суворовѣ, но вотъ что̀ сохранилось въ моей памяти изъ его разсказа:—Я уѣхалъ отъ Костомарова, который наотрѣзъ отказался прекратить лекціи, и отправился къ Головнину; тотъ меня сейчасъ же принялъ. Я объяснилъ ему, что въ виду настроенія молодежи и публики необходимо закрыть лекціи Костомарова; Головнинъ

дебуровъ все время былъ рѣшительно на сторонѣ Костомарова, а Гогоберидзе занималъ среднее положеніе; назначеніе Путятина переносится на осень 1861 г., на самомъ дѣлѣ оно имѣло мѣсто лѣтомъ и т. д. Я только указываю на обстоятельства 1861—1862 г., такъ какъ предшествующая и послѣдующая жизнь Костомарова мнѣ неизвѣстны.

выслушалъ меня до конца и затѣмъ сказалъ:— Изъ вашихъ словъ я вижу, какъ медленно министерскіе курьеры доставляютъ по своему назначенію мои распоряженія: я еще вчера отдалъ приказъ о закрытіи лекцій Костомарова.—На Чернышевскаго, видимо, произвело непріятное впечатлѣніе, что Головнинъ съ первыхъ же словъ не предупредилъ его о принятой имъ наканунѣ мѣрѣ.—А затѣмъ, когда я вернулся домой,—продолжалъ Чернышевскій,—то нашелъ письмо отъ Н. Ив.; вотъ оно. Въ письмѣ Костомаровъ писалъ приблизительно слѣдующее: «Послѣ вашего ухода, припоминая все, что̀ вы говорили, хотя то и были для меня очень тяжелыя слова, я все-таки слышалъ въ нихъ голосъ старой дружбы *); а потому взялся за перо и началъ было писать заявленіе Головнину, что отказываюсь отъ чтенія лекцій, какъ вдругъ курьеръ принесъ мнѣ министерское распоряженіе о закрытіи моихъ лекцій»... **). Объ этомъ письмѣ Н. И. не упоминаетъ въ «Автобіографіи». Чернышевскій, кажется, ничего не говорилъ, что Костомаровъ далъ ему ругательное письмо, гдѣ угрожали, что насильно вынесутъ съ каѳедры, а только прибавилъ: — Костомаровъ такъ упрямо стоялъ на своемъ и такъ былъ раздраженъ, что мы даже не распрощались, когда я уходилъ.

---

*) Начало дружескихъ отношеній Костомарова съ Чернышевскимъ относится ко времени ссылки Костомарова въ Саратовъ, гдѣ Чернышевскій былъ одно время учителемъ въ гимназіи.

**) Это письмо я лично читалъ въ подлинникѣ.

Едва стало извѣстно, что лекціи Костомарова не состоятся, какъ волненіе между молодежью постепенно стихло. Большинство жалѣло Костомарова; стала даже возможной своего рода демонстрація въ его пользу,—ему былъ поднесенъ адресъ отъ молодежи, впрочемъ подъ нимъ подписалось не болѣе сотни, въ томъ числѣ и В. Гогоберидзе.

Первое время послѣ 8-го марта душевное состояніе Костомарова было ужасно; его, конечно, возбуждалъ всякій намекъ на это событіе, но еще болѣе выводило изъ себя выраженіе сочувствія со стороны людей, которыхъ онъ не уважалъ, и доходившіе до него изъ извѣстныхъ сферъ толки: «Да Ник. Ив. совсѣмъ не такой человѣкъ, какимъ мы его себѣ воображали». Лица, которыя въ то время особенно часто посѣщали его, напр., В. М. Бѣлозерскій, Хорошевскій (послѣдній проводилъ у него цѣлые вечера и, чтобы развлечь Н. И., читалъ что-нибудь изъ классиковъ), передавали, что Н. И. поминутно говорилъ:—За меня вся сволочь, а противъ — всѣ порядочные люди и настоящая молодежь.—Понемногу все стало забываться, и на обычныхъ журфиксахъ Костомарова начали осенью появляться многіе изъ тѣхъ, которые 8-го марта были противъ него. Сближенію помогла и реакція, наступившая послѣ майскихъ пожаровъ, закрытіе журналовъ, аресты. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ поворота въ реакціонную сторону Костомаровъ публиковалъ тогда своего «Кремуція Корда»; написанъ онъ былъ

давно, чуть ли не въ Петропавловской крѣпости. Лѣтомъ 1862 г. я былъ въ Вологдѣ, тамъ стали затруднять мой возвратъ въ Петербургъ; я далъ знать въ Петербургъ, и дѣло кончилось благополучно. По пріѣздѣ въ Петербургъ я узналъ, что въ числѣ лицъ, хлопотавшихъ за меня, былъ и Костомаровъ, потому пошелъ поблагодарить его, и наши отношенія возобновились. Черезъ годъ одно личное обстоятельство развело насъ навсегда; и тутъ главную роль играло то, что Н. И. иногда совершенно не владѣлъ собой.

На студенческій комитетъ ближайшимъ образомъ относилась отвѣтственность за 8-е марта; а такъ какъ онъ не былъ выборный, то большинство комитета, несмотря на живую оппозицію П. А. Гайдебурова, рѣшило собрать сходку, чтобы дать по этому дѣлу своего рода отчетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить устроить выборный комитетъ. Въ новый комитетъ съ одной стороны не попалъ П. А. Гайдебуровъ, а съ другой—Е. Утинъ, который считалъ себя главнымъ героемъ 8-го марта, а между тѣмъ получилъ до смѣшного малое число голосовъ. Новый комитетъ вышелъ болѣе однотонный въ смыслѣ расширенія дѣятельности, до того времени исключительно направленной на чисто студенческія дѣла.

8-е марта вызвало не только разнообразные толки въ обществѣ, но и горячія нападки на студентовъ въ печати. Послѣдняя публицистическая статья Чернышевскаго «Научились ли»? была посвящена энергической и остроумной защитѣ

студентовъ. У него даже было нѣчто въ родѣ третейскаго разбирательства съ Эвальдомъ, открывшимъ походъ противъ студентовъ статьей «Учиться или не учиться?». При этомъ преніи со стороны Эвальда былъ В. Д. Скарятинъ; онъ послѣ, кажется, въ концѣ 70-хъ годовъ, въ «Моск. Вѣд.» въ своихъ воспоминаніяхъ, наговорилъ замѣчательныя глупости о Чернышевскомъ, который якобы убѣждалъ его стать на сторонѣ революціи. Чернышевскій безъ смѣха никогда не могъ говорить о Скарятинѣ.

Я считалъ необходимымъ съ возможной подробностью разсказать о «думской исторіи», такъ какъ о ней только и извѣстно, что былъ какой-то скандалъ, что студенты освистали и ошикали Костомарова, который послѣ этого навсегда оставилъ каѳедру. Почему Костомаровъ не вернулся къ университетской дѣятельности, объ этомъ въ своемъ мѣстѣ я уже говорилъ. Чтя въ немъ крупную научную величину, ему дали платное мѣсто въ археографической коммиссіи; но возвратъ къ каѳедрѣ для него навсегда былъ закрытъ, настали другія вѣянія.

Заканчивая о Костомаровѣ, не могу оставить безъ оговорки тѣ строки, которыя удѣляетъ его лекціямъ В. И. Модестовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о В. Г. Васильевскомъ («Журн. Мин. Нар. Пр.» № 1-й 1902 г.). Онъ говоритъ: «Приходили на лекціи Костомарова главнымъ образомъ для того, чтобы тутъ встрѣтиться со знакомыми, обмѣняться общественными новостями, политическими слухами», и далѣе: «Хотя ника-

кой ясной политической тенденціи въ лекціяхъ Костомарова даже и тогда, когда онъ читалъ о сѣверныхъ «народоправствахъ», не было, онѣ какъ-то сами-собой получили общественно-политическій характеръ». Эти слова явно въ противорѣчіи между собою: съ одной стороны собирались, чтобы обмѣняться новостями, съ другой—лекціи получили общественно-политическое значеніе. Но самъ же В. И. Модестовъ замѣчаетъ: «Лекціи посѣщались не потому, что мы особенно (надо бы прибавить — ранѣе) интересовались русскою исторіей, а потому, что послѣ Устрялова и Касторскаго онѣ казались протестомъ противъ казенной исторіи... Костомаровъ читалъ исторію русскаго народа, а не государства». Въ томъ-то и великая заслуга Костомарова, что онъ первый пробудилъ не только въ студентахъ, но и въ обществѣ живѣйшій интересъ къ русской исторіи. Не говоря объ Устряловѣ, тогда даже Соловьевымъ никто не интересовался и не читалъ его (на Толкучкѣ сочиненія Соловьева продавались по пониженной цѣнѣ; да и теперь, хотя его исторія выдержала повторныя изданія, кто ее читаетъ? Просто ставятъ на полкахъ, и только развѣ нѣкоторые для справокъ заглядываютъ въ нее). Я уже говорилъ, что многіе въ оно время не считали Костомарова настоящимъ ученымъ; отголосокъ этихъ мнѣній слышится и въ теперешнихъ словахъ В. И. Модестова.

XXI.

Шахматный клубъ.

Зимой 1862 г. открылся въ Петербургѣ шахматный клубъ, и весной я часто въ немъ бывалъ, хотя и не состоялъ членомъ, но это было удобное мѣсто для нѣкоторыхъ свиданій. Кто былъ его оффиціальнымъ инициаторомъ, не знаю, но несомнѣнно, что подъ флагомъ шахматъ была сдѣлана попытка устроить литературный клубъ. Онъ имѣлъ очень хорошее помѣщеніе, помнится, въ домѣ Руадзе. Чтобы поддержать новое дѣтище, Чернышевскій въ извѣстные дни весьма усердно посѣщалъ его и всегда имѣлъ передъ собою столикъ съ шахматами; къ нему подсаживались два—три человѣка, и обыкновенно Чернышевскій разсказывалъ какіе-нибудь невинные анекдоты. Но вотъ приходитъ Н. А. Серно-Соловьевичъ, только-что передъ тѣмъ открывшій книжный магазинъ и начавшій издательство. Въ то же время онъ со всею страстью отдался «Землѣ и Волѣ», однимъ изъ основателей которой и былъ. С.-Соловьевичъ за столикъ не усаживался, а, обойдя всѣ комнаты, находилъ нужное лицо и погружался съ нимъ въ уединенный разговоръ. Литературный міръ тогда былъ невеликъ, къ тому же распадался на обособленные кружки, мало сходившіеся, потому въ шахматномъ клубѣ вѣчно царила пустота; только въ буфетѣ иногда раздавались возбужденные голоса

В. Курочкина, Кроля, Помяловскаго, Воронова и тому подобной братіи. Клубъ былъ на волосокъ отъ естественной смерти, какъ вдругъ послѣ пожаровъ удостоился чести быть закрытымъ. Закрытіе его было мотивировано такъ: «въ немъ происходили и изъ него исходили неосновательныя сужденія.

XXII.

II отдѣленіе при Литературномъ Фондѣ.

По пути считаю не лишнимъ сказать о II отдѣленіи для пособія учащейся молодежи, состоявшемъ при Литературномъ Фондѣ. Одновременно съ устройствомъ публичныхъ лекцій въ студенческомъ комитетѣ явилась мысль о какой-нибудь организаціи, которая, съ одной стороны, при закрытіи университета поддержала бы расплывавшееся студенчество, а съ другой — придала бы благотворительной дѣятельности болѣе широкій и гласный характеръ. Остановились на соображеніи устроить Общество вспоможенія учащейся молодежи. Такъ какъ тогда нельзя было и думать, что разрѣшатъ независимое Общество, то кому-то пришло на умъ попытаться провести его подъ флагомъ Литературнаго Фонда. Позондировали почву; предсѣдатель комитета Фонда

кн. Щербатовъ отнесся весьма сочувственно, также и другіе члены, напримѣръ Кавелинъ. Составили проектъ; по нему связь съ Фондомъ была чисто титулярной; отдѣленіе должно было имѣть особыхъ членовъ (5 р. взносъ), свой комитетъ и свое бюро. Головнинъ сначала отнесся сочувственно, но потомъ сталъ предъявлять требованіе нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненій,—такъ онъ былъ противъ отдѣльнаго бюро. — Да зачѣмъ вамъ нуженъ особый предсѣдатель? — Мы хотимъ имѣть предсѣдателемъ Егор. Петр. Ковалевскаго, а онъ въ этомъ году не состоитъ членомъ комитета Фонда. — Дѣло, видимо, затормозилось, и казалось, что ничего не выйдетъ. Но вотъ послѣ 8-го марта оставался на рукахъ адресъ къ министру народнаго просвѣщенія. Разъ собрались, чтобы рѣшить,—двигать ли его (т. е. подать министру), или оставить, такъ какъ подписей не набралось и тысячи, а горячее время уже прошло. Споримъ; вдругъ входитъ Чернышевскій, который никогда не бывалъ на нашихъ собраніяхъ, и никто изъ насъ кромѣ Утина лично его тогда не зналъ. Дѣло происходило на квартирѣ Утина.

— А я къ вамъ на минутку, Ник. Исаковичъ; извините господа, вы, кажется, заняты, и я, можетъ-быть, помѣшалъ вамъ. Однако присѣлъ и умѣло освѣдомился о причинѣ нашего собранія. — Вы, господа, революціонеры, прямо скажу, ужасные вы революціонеры. А знаете ли Сергѣй Ивановичъ, — неожиданно обратившись къ студ. Ламанскому, продолжалъ Чернышевскій, — кто

первый революціонеръ въ Россіи? Да вѣдь это—вашъ братецъ Евгеній Ивановичъ; посмотрите, каждый день печатаетъ какую-нибудь прокламацію, то 4 проц. непрерывно-доходные, то 5 проц. банковые билеты, то металлики.—А затѣмъ Чернышевскій сталъ насъ отговаривать отъ подачи адреса, — его даже не приметъ министръ. Если вы откажетесь отъ адреса, то могу вамъ навѣрное сказать, что будетъ разрѣшено II отдѣленіе. Передъ авторитетомъ Чернышевскаго скоро умолкли даже самые горячіе протестанты. И дѣйствительно, черезъ короткое время отдѣленіе было разрѣшено. Кругъ дѣятельности его по уставу распространялся на всю Россію и на всякаго рода учащуюся молодежь, при чемъ она сама могла входить въ качествѣ членовъ въ составъ Общества. Изъ членовъ комитета помню: предсѣдатель—Е. П. Ковалевскій *), члены: Н. А. Серно-Соловьевичъ, М. С. Гулевичъ, Н. Утинъ, Е. П. Печаткинъ, Н. І. Корсини, М. А. Богданова; тоже и я былъ членомъ комитета.

По поводу выборовъ въ это отдѣленіе припоминаю слѣдующій случай. Въ средѣ учредителей было рѣшено выбрать въ комитетъ Чернышевскаго. Когда онъ узналъ объ этомъ, то высказался такъ: — Я прошу васъ этого не дѣлать; пользы отъ меня никакой не можетъ быть, я даже не имѣю времени, чтобы исправно посѣщать засѣ-

*) Ег. Петр. по образованію былъ горный инженеръ, одно время занималъ постъ деректора департамента азіатскихъ дѣлъ въ М. И. Д.; въ описываемое время состоялъ сенаторомъ; былъ первымъ предсѣдателемъ комитета Литературнаго Фонда.

данія комитета фонда. Между тѣмъ выборъ меня въ вашъ комитетъ можетъ привлечь ненужное вниманіе начальства къ отдѣленію.—Но, Николай Гавриловичъ, отвѣчали ему,—есть люди, которые этимъ резонамъ не придадутъ никакого значенія и будутъ баллотировать за васъ; потому, если мы не будемъ подавать за васъ свои голоса, то выйдетъ скандалъ—вы будете забаллотированы.—Никакого скандала не будетъ; если вы понимаете справедливость того, что я говорю, то безъ всякихъ колебаній кладите мнѣ черняки; еще разъ прошу васъ не выбирать меня. Такъ большинство и сдѣлало, Чернышевскій, кажется, получилъ съ десятокъ голосовъ изъ сотни собравшихся учредителей.

Отдѣленіе просуществовало очень не долго; оно было закрыто послѣ майскихъ пожаровъ. Когда Е. П. Ковалевскій получилъ бумагу о закрытіи отдѣленія, онъ собралъ комитетъ и держалъ такую рѣчь:—Не думалъ я, господа, что на старости лѣтъ окажусь во главѣ тайнаго Общества.—Что вы, что вы, Егоръ Петровичъ, да развѣ тайное Общество устроилось бы съ гласнымъ комитетомъ и такимъ же спискомъ членовъ,—это только пустой предлогъ. — И я тоже думаю, — добродушно отвѣчалъ Егоръ Петровичъ. Расходясь, комитетъ, по предложенію Серно-Соловьевича, сдѣлалъ постановленіе о выраженіи Е. П. глубочайшей признательности за его всегда отзывчивое и сердечное отношеніе къ нуждамъ учащейся молодежи.

XXIII.

Петербургскіе пожары.

Съ 1861 г. всегда соединяется представленіе о «19 февралѣ»; но въ теченіе этого года произошелъ рядъ событій, хотя и не столь всеобъемлющаго характера, какъ освобожденіе крестьянъ, но тѣмъ не менѣе имѣвшихъ значительное вліяніе на послѣдующій ходъ нашей жизни; по меньшей же мѣрѣ—ярко характеризующихъ свое время. Но прежде, чѣмъ коснуться внутренняго хода нашей жизни, я долженъ замѣтить, что общее положеніе тогдашнихъ европейскихъ дѣлъ электризирующимъ образомъ дѣйствовало на пробудившееся сознаніе русскаго общества, еще не пережившаго тяжелыхъ разочарованій въ своихъ упованіяхъ, не извѣдавшаго всей силы элементовъ, враждебныхъ обновленію нашей жизни. Упомяну только о главнѣйшихъ. Имя Гарибальди было не только окружено ореоломъ неувядаемой славы, но и являлось символомъ грядущаго освобожденія всѣхъ угнетенныхъ народовъ. Всѣ были въ ожиданіи его похода на Римъ, освобожденія Венеціи и обѣщанной имъ помощи революціонному движенію въ Венгріи, которое должно было разразиться съ часу на часъ. Люди не молодые, вдумчивые, и тѣ, поддаваясь общему увлеченію, пророчествовали, что черезъ какіе нибудь полгода отъ Австріи, можетъ быть, останется только одно историческое воспоминаніе. Начавшаяся

парламентская борьба въ Пруссіи и постоянно возраставшая сила оппозиціи, хотя и въ меньшей степени привлекали общее вниманіе, но давали наглядный примѣръ легальнаго сопротивленія, которое, какъ казалось всѣмъ, должно было привести или къ пораженію короны, или къ революціонному взрыву. Во Франціи, не смотря на весь блескъ, окружавшій имперію послѣ крымской и итальянской войнъ, стало проявляться замѣтное пробужденіе политической жизни, и не лишенный чуткости Наполеонъ III начиналъ первые шаги перехода къ болѣе либеральному режиму. Этому направленію европейской политической жизни прежде всего подпала наша западная окраина.

Подъ весну 61 г. произошли первыя демонстраціи въ Варшавѣ и напомнили о существованіи польскаго вопроса, котораго большинство русскаго общества и не подозрѣвало. Вскорѣ польское движеніе приняло такое развитіе (въ теченіе одного года смѣнилось 4 намѣстника), что возможность революціоннаго взрыва стала весьма вѣроятной и могла угрожать внѣшними осложненіями, весьма неудобными при тогдашнемъ изолированномъ международномъ положеніи Россіи. Вѣдь еще въ 1858 г., при свиданіи съ нашимъ государемъ въ Баденѣ, Наполеонъ заводилъ рѣчь о Польшѣ, указывая на то, что наша система управленія Польшей является помѣхой для установленія болѣе тѣсныхъ отношеній между Россіей и Франціей. Подъ бокомъ Петербурга возрастающее неудовольствіе въ Финляндіи вы-

нудило созваніе «выборной коммиссіи» (24 апр. 61 г.),—прелюдіи къ созванію сейма, не собиравшагося съ 1809 года.

Съ другой стороны, чисто внутреннія дѣла были далеко не успокоительны. Финансовыя затрудненія, наслѣдіе крымской кампаніи, казались непреодолимыми, и дефицитъ сталъ нормальнымъ явленіемъ; торговый классъ жаловался на плохія дѣла, промышленность была недовольна новымъ таможеннымъ тарифомъ, курсъ падалъ, государственный кредитъ былъ поколебленъ, и правительство съ трудомъ заключало займы, которые обходились ему не дешевле 6%. Какъ во всякое переходное время, неувѣренность и недовольство господствовали во всѣхъ классахъ. Примѣненіе «Положеній» постоянно сопровождалось «недоразумѣніями», при чемъ очень часто пускалась въ дѣло военная сила и не обходилось безъ пролитія крови. Одни со страхомъ, другіе съ злорадствомъ ждали — что̀-то будетъ, когда кончатся первые года переходнаго состоянія бывшихъ крѣпостныхъ. Далѣе, въ концѣ лѣта 61 г. появилась первая прокламація,—Михайлова къ «Молодому поколѣнію», потомъ вскорѣ «Великоруссъ» и другія. Распространенію лондонскихъ изданій, не смотря на то, что «Колоколъ» можно было встрѣтить въ самыхъ захолустныхъ мѣстахъ, правительство не придавало особеннаго значенія; иначе оно взглянуло на прокламаціи: Михайловъ и Обручевъ поплатились каторгой, что произвело на общество удручающее впечатлѣніе. Осенью, опять

же 61 г., произошли исторіи во всѣхъ университетахъ; изъ нихъ, какъ извѣстно, особенно выдѣлилась петербургская. Мѣсто студентовъ въ Петропавловской крѣпости скоро заняли тверскіе мировые посредники. Они письменно заявили губернскому присутствію по крестьянскимъ дѣламъ о невозможности примѣненія «Положеній» 19 февраля и о томъ, что они впредь намѣрены въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться воззрѣніями и убѣжденіями, не согласными съ положеніями 19 февраля, такъ какъ всякій другой образъ дѣйствій считаютъ враждебнымъ обществу *). Губернское присутствіе взглянуло весьма благодушно на это заявленіе; оно увидѣло въ немъ лишь поводъ письменно напомнить подписавшимъ заявленіе, что для всякаго, состоящаго на службѣ, нравственно и юридически обязательно руководствоваться существующими законами. Только прокуроръ усматривалъ въ заявленіи нарушеніе служебныхъ обязанностей, а потому полагалъ, что дѣло слѣдуетъ направить въ Сенатъ. Арестъ и препровожденіе въ крѣпость 13 лицъ были мѣрами экстраординарными, а не по постановленію Сената, которому, однако, пришлось потомъ разбирать это дѣло **). Коротко сказать, къ началу 62 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; ма-

*) Такъ была изложена сущность заявленія въ „Сѣверной Почтѣ", что и считаю нужнымъ оговорить; другихъ матеріаловъ въ моемъ распоряженіи не было.

**) В. В. Берви, магистрантъ Спб. университета, состоявшій на службѣ въ Сенатѣ, то ли разослалъ иностраннымъ дипломатическимъ агентамъ, находившимся въ Петербургѣ, изло-

лѣйшее обстоятельство могло рѣзко толкнуть ходъ жизни въ ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майскіе пожары 62 года въ Петербургѣ.

Пожары въ старое время, благодаря обилію деревянныхъ построекъ, отсутствію водопроводовъ, были нерѣдки въ Петербургѣ и при томъ очень сильные. Въ началѣ 60 годовъ всѣмъ еще памятенъ былъ пожаръ, незадолго передъ тѣмъ уничтожившій большую часть Измайловскаго полка. Но пожары мая 62 года должны были сильно поразить не только народное воображеніе, но даже и часть мыслящаго общества. Начались они съ 16 мая, но особенно выдѣлились 22 и 23 числа, когда выгорѣли Большая и Малая Охты и огромное количество домовъ въ Ямской,—весь четыреугольникъ между Кобыльской улицей и Лиговской, отъ церкви Іоанна Предтечи до Глазова моста. 23 числа было пять пожаровъ. Уже подымались тревожные толки о причинѣ пожаровъ, на что указываетъ замѣтка «Рус. Инв.» (25 мая). «Итого въ одни сутки—пять пожаровъ! Понятно, что въ народѣ ходятъ толки о пожарахъ; насколько они справедливы, можетъ быть, откроютъ слѣдствія; но, во вся-

---

женіе этой исторіи, то ли губ. пред. дворянства. Это повело за собой арестъ г. Берви и высылку его въ Астрахань.

Вотъ имена 13 лицъ, подписавшихъ заявленіе:

Членъ губ. присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Бакунинъ, предсѣдатели съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, уѣздные предводители дворянства Бакунинъ и Балкашинъ, мировые посредники: Кудрявцевъ, Полторацкій, Глазенапъ, Харламовъ, Лазаревъ, Кислинскій, Невѣдомскій, Лихачевъ и кандидаты: Широбоковъ и Демьяновъ.

комъ случаѣ, этотъ рядъ пожаровъ, начавшихся съ 16 мая, хоть на кого наведетъ страхъ».

Правда, дни стояли сухіе и жаркіе, и отъ пожаровъ пострадали главнымъ образомъ мѣстности, гдѣ преобладали деревянныя постройки, во дворахъ которыхъ, застроенныхъ всевозможными клѣтушками, оказывалась масса горючаго матеріала. Прошло четыре дня передышки, какъ вдругъ запылалъ Апраксинъ дворъ, и выгорѣло все пространство между Чернышевымъ и Апраксинымъ переулками, а по другую сторону Фонтанки—между Чернышевымъ и Щербаковымъ и значительная часть Троицкаго переулка. Трудно вообразить себѣ весь ужасъ этого дня, всю массу обездоленнаго люда.

Въ крупныхъ пожарахъ у насъ народъ всегда склоненъ видѣть злодѣйскій умыселъ. На этотъ разъ народный голосъ главнымъ образомъ завинялъ въ поджогахъ студентовъ*). Народные толки нашли себѣ отраженіе въ печати. Вотъ что писалось въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 143 отъ 30 мая), которую тогда редактировалъ въ умѣ-

*) Говорю—главнымъ образомъ, потому что по старой традиціи завиняли поляковъ. Но и на этомъ дѣло не остановилось; въ народѣ сильно циркулировали характерные для того времени толки, что жгутъ господа, недовольные тѣмъ, что крестьянамъ дана воля. Наконецъ, ходила цѣлая масса невозможныхъ фантастическихъ разсказовъ, напр., о генералѣ, у котораго спина была намазана какимъ-то горючимъ составомъ; стоило ему только потереться спиной о стѣну, стѣна и загоралась; хотя ни одинъ пожаръ не начинался съ заборовъ, но въ народѣ было сильно распространено убѣжденіе, что поджигатели мажутъ заборы какимъ-то воспламеняющимся составомъ,—отсюда паническій страхъ передъ всякимъ пятномъ на заборахъ.

ренно-либеральномъ направленіи П. Усовъ. «Въ народѣ носится слухъ, что Петербургъ горитъ отъ поджоговъ, и что поджигаютъ его съ разныхъ концовъ 300 человѣкъ. Въ народѣ указываютъ и на сортъ людей, къ которому будто бы принадлежатъ поджигатели, и общественная ненависть къ людямъ этого сорта растетъ съ неимовѣрной быстротой. Равнодушіе къ слухамъ о поджогахъ и поджигателяхъ можетъ быть не безопаснымъ для людей, которыхъ можно счесть членами той корпораціи, изъ среды которой, по народной молвѣ, происходятъ поджоги». Въ № 122 «Нашего Времени» (издавалъ въ Москвѣ Н. Ф. Павловъ) читаемъ; «не подлежитъ сомнѣнію, что пожары происходятъ вслѣдствіе заранѣе обдуманнаго плана»; въ «Современной Лѣтописи» (№ 23) въ письмѣ изъ Петербурга г. Белюстина встрѣчаемъ: «но на кого указываетъ народъ, какъ на главную причину своего бѣдствія? Горько и тяжело, а нельзя скрыть — на учащуюся молодежь».

Подобнаго рода замѣтки, перепечатываемыя въ другихъ газетахъ, только подливали масла въ огонь. Правда, эти безсмысленныя обвиненія встрѣчали отпоръ даже нерѣдко со стороны людей, которыхъ ни тогда, ни послѣ нельзя было заподозрить въ склонности къ разрушительнымъ идеямъ. Какъ бы въ отвѣтъ г. Белюстину Д. И. Иловайскій (№ 25, «Соврем. Лѣтописи») въ письмѣ отъ 16 іюня говоритъ: «въ поджоги, съ опредѣленными революціонными цѣлями,—мы не вѣримъ», и затѣмъ настаиваетъ,

чтобы «подробные результаты этихъ изслѣдованій (т. е. все слѣдственное дѣло о пожарахъ) сдѣлались извѣстными публикѣ со всѣми именами, прикосновенными къ дѣлу». По всему тону письма можно заключить, что подобное желаніе было внушено Д. И. Иловайскому желаніемъ снять съ учащейся молодежи наброшенную на нее тѣнь. Даже, въ «Сѣв. Пчелѣ», первой изъ петербургскихъ газетъ, воспроизведшей на своихъ страницахъ народные толки о студентахъ-поджигателяхъ, черезъ три дня послѣ того (№ 146 отъ 2 іюня) военный инженеръ, поручикъ И. Татариновъ писалъ: «причину пожаровъ видятъ въ поджогахъ. Допустимъ, что оно и такъ: но какимъ образомъ тяжкое обвиненіе поджога взваливать на голову бывшихъ студентовъ? Это болѣе чѣмъ странно!.. Распространеніе такихъ убѣжденій можетъ самымъ ужаснымъ образомъ обрушиться на неповинныя головы бѣдныхъ молодыхъ людей... Одна журнальная замѣтка (это прямо по адресу «Сѣв. Пчелы») возбудила въ насъ эти мысли... одно изъ двухъ, или ничего не говорить, или говорить все, если есть факты... нашей журналистикѣ слѣдуетъ употребить всѣ усилія, чтобы уничтожить нелѣпые толки и подозрѣнія».

Жертвою возбужденія народной массы послѣ 28 мая сдѣлался В. А. Обручевъ, бывшій офицеръ Измайловскаго полка, сотрудникъ «Современника», любимецъ Чернышевскаго; 31 мая на Мытной площади происходила церемонія объявленія ему приговора (4 года кат. работъ) за

распространеніе «Великорусса». Толпа, окружавшая эшафотъ, выражала звѣрскія желанія, чтобы Обручеву отрубили голову, или наказали кнутомъ, или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на позорномъ столбѣ внизъ головою за то, что смѣлъ идти противъ царя. Хотя толпа и не имѣла яснаго понятія о причинахъ осужденія Обручева, но поджигателемъ его не считала. Возмутительнѣе всего былъ дикій взрывъ хохота, который пробѣжалъ въ толпѣ, когда на Обручева надѣли арестантскую одежду и шапку, спустившуюся ниже глазъ.

Надо признаться, что тогдашніе толки о поджигателяхъ, вышедшихъ изъ интеллигентной среды, имѣли за себя одно, хотя и косвенное, но довольно вѣское обстоятельство. Въ половинѣ мая въ Петербургѣ и Москвѣ появилась прокламація отъ имени Центральнаго Революціоннаго Комитета, она называлась «Молодая Россія». По внѣшнему виду «Молодая Россія» выгодно отличалась отъ предшествовавшихъ прокламацій; это былъ довольно большой полъ-листъ, очень хорошо отпечатанный. Что касается до ея содержанія, то Герценъ мягко отозвался, что она представляла смѣсь Бабефа и Шиллера (въ прокламаціи было посвящено нѣсколько строкъ и Герцену: онъ объявлялся человѣкомъ уже отсталымъ, хотя и признавались его заслуги въ прошломъ). «Молодая Россія» объявляла кровавую войну не только существующему строю, но и всѣмъ его основамъ; отъ современнаго общества не должно было остаться камня на камнѣ.

Понятно, что не только разрѣшались, но прямо рекомендовались всѣ средства, и въ числѣ ихъ убійства, грабежи, пожары и т. п. Помнится, приблизительно 300,000 жизней предлагалось принести въ видѣ жертвы, чтобы разчистить поле для закладки новаго общества. Въ дѣйствительности никакого Центральнаго Революціоннаго Комитета не было, и никакой связи съ петербургскими пожарами «Молодая Россія» не имѣла. Въ началѣ 62 г. въ Петербургѣ было положено въ кружкѣ Н. Серно-Соловьевича начало тайному обществу «Земли и Воли». Но оно и не подозрѣвало, что готовится «Молодая Россія». Послѣдняя была отпечатана въ одномъ имѣніи въ рязанской губерніи и вышла изъ очень небольшого московскаго кружка студентовъ Аргиропуло (вскорѣ умершаго) и Зайчневскаго; о ней мнѣ еще придется говорить ниже. Среди петербургской молодежи «Молодая Россія» не встрѣтила большого сочувствія; правда, ее распространяли, но просто потому, что тогда, какъ вѣроятно и теперь, молодежь считала обязательнымъ распространять всякую прокламацію. Къ счастью, за нее никто не пострадалъ; а послѣ петербургскихъ пожаровъ тайна ея происхожденія тщательно сохранялась. Не будь пожаровъ, «Молодая Россія» была бы скорѣе забыта, чѣмъ Михайловская къ «Молодому поколѣнію», и «Великоруссъ», съ которыми была связана судьба Михайлова и Обручева. Она была просто «порывомъ увлеченія горячихъ головъ», какъ ее довольно вѣрно охарактеризовалъ публицистъ «Сѣв.

Пчелы» (№ 151, 1 іюня). Но послѣ 28 мая въ ней увидѣли явное доказательство, что петербургскіе пожары дѣло организованной группы и имѣютъ политическій характеръ. «Въ высшихъ классахъ, говорится въ «Сѣв. Пчелѣ (№ 157) почти единогласно пожары связываютъ съ послѣдней прокламаціей». Но такой взглядъ шелъ гораздо шире; даже Кавелинъ, котораго никакъ нельзя заподозрить во враждебномъ отношеніи къ молодежи, въ извѣстномъ письмѣ къ Герцену прямо говоритъ, что петербургскіе пожары— дѣло политической группы. Неудивительно, что при такомъ взглядѣ на пожары въ обществѣ сказался поворотъ къ реакціи; половина людей, еще вчера либеральныхъ, сегодня стали крайними реакціонерами, каждый удивлялся, почему не запрещаютъ того или другого, хотя въ репрессивныхъ мѣрахъ скорѣе сказался избытокъ, чѣмъ недостатокъ. Вслѣдъ за 28 мая въ Петербургѣ было объявлено нѣчто въ родѣ военнаго положенія. Учрежденному подъ предсѣдательствомъ ген.-адъютанта Зиновьева Комитету, между прочимъ, было поставлено въ обязанность «изысканіе и принятіе чрезвычайныхъ, наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію безопасности столицы»; городъ былъ раздѣленъ на три участка съ военными губернаторами во главѣ, опредѣлено «всѣхъ, кои могли бы быть взяты съ поджигательными снарядами и веществами, или по подозрѣнію въ поджигательствѣ, равно подстрекателей къ безпорядкамъ, судить военнымъ судомъ, въ 24 часа» (отъ 30 мая). Вскорѣ военно-

полевой судъ былъ введенъ по всей Россіи по дѣламъ о поджогахъ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ. На 8 мѣсяцевъ были закрыты «Современникъ» и «Русское Слово», совсѣмъ прекращенъ «День» Аксакова и были объявлены (18 іюля) суровыя временныя правила о печати, впрочемъ, Высочайше утвержденныя еще 12 мая *); нѣсколькими днями ранѣе 28 мая были распубликованы весьма подробныя правила, утвержденныя 14 мая, о надзорѣ за типографіями, литографіями и т. п. заведеніями.

*) Такъ какъ эти „временныя правила" и до сихъ поръ благополучно сохраняютъ свою силу, то считаю не лишнимъ полностью привести ихъ. „Впредь до пересмотра всѣхъ постановленій по дѣламъ книгопечатанія. I. Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанскихъ исповѣданій, охранять неприкосновенность верховной власти и ея аттрибутовъ, уваженія къ особамъ Царствующаго Дома, неколебимость основныхъ законовъ, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждаго. II. Не допускать въ печати сочиненій и статей, излагающихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящихся къ ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи. III. При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволять къ печати только спеціальныя ученыя разсужденія, написанныя тономъ, приличнымъ предмету и при томъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружились уже на опытѣ. IV. Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій. V. Разсужденія, указанныя въ двухъ предыдущихъ пунктахъ, дозволять только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна, съ пересылкою, не менѣе 7 р. въ годъ. VI. Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Министру Народнаго Просвѣщенія предоставляется, по взаимному соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія, причислять оное къ разряду тѣхъ, коимъ не дозволяется печатать разсужденія, показанныя въ

Въ мотивахъ къ нимъ сказано: «съ нѣкотораго времени начали распространяться у насъ возмутительныя сочиненія, выходящія не только изъ заграничныхъ русскихъ типографій, но и неизвѣстно гдѣ печатаемыя. Хотя эти явленія, не представляющія по своей исключительности ничего общаго съ направленіемъ умовъ благомыслящей части публики, имѣютъ въ глазахъ правительства значеніе единственно какъ нарушеніе полицейскаго порядка, тѣмъ не менѣе нельзя не убѣдиться, что причина ихъ лежитъ въ неполнотѣ существующихъ по части книгопечатанія постановленій» *). Соображая даты

п. III и IV; и прекращать каждое періодическое изданіе на срокъ не долѣе 8 мѣсяцевъ. VII. Не допускать въ печати статей: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому и б) въ которыхъ заключаются насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной службы. VIII. Не дозволять распубликованія по однимъ слухамъ, предполагаемыхъ, будто бы, правительствомъ мѣръ, пока онѣ не будутъ объявлены законнымъ образомъ. IX. Статьи за подписью правительственныхъ лицъ дозволять къ печатанію не иначе, какъ по положительному удостовѣренію въ дѣйствительной присылкѣ ихъ отъ этихъ лицъ. X. Въ отношеніи къ статьямъ и извѣстіямъ политическимъ наблюдать общее правило объ охраненіи чести и домашней жизни царствующихъ иностранныхъ государей и сыновъ ихъ семействъ отъ оскорбленій печатнымъ словомъ, и о соблюденіи приличія при изложеніи дѣйствій иностранныхъ правительствъ. XI. Редакція каждаго періодическаго изданія, представляя въ цензуру какую-либо статью, обязана знать, кто именно авторъ оной, для сообщенія по востребованію судебныхъ мѣстъ и министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. XII. Независимо изложенныхъ здѣсь правилъ, цензора обязаны руководствоваться особыми наставленіями при цензорованіи статей, касающихся военной части, судебной, финансовой и предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

*) Эти правила, однако, не помѣшали появленію прокламацій.

двухъ послѣднихъ мѣропріятій, оказывается, что они были рѣшены еще до пожаровъ; возможно, что появленіе «Молодой Россіи» было толчкомъ къ нимъ; но вѣроятнѣе, что они были предрѣшены еще ранѣе. Идемъ далѣе. Послѣдовали многочисленные аресты политическаго характера, въ томъ числѣ Чернышевскаго, Н. Серно-Соловьевича, Писарева, Рымаренко и другихъ, закрыты воскресныя школы и народныя читальни, вмѣнено въ обязанность М. Н. Пр. разрѣшать чтеніе публичныхъ лекцій въ Петербургѣ не иначе, какъ по соглашенію съ М. В. Д., главнымъ начальникомъ III отд. и Спб. Ген. Губернаторомъ (10 іюня). И рядомъ съ этимъ пострадали, какъ нерѣдко въ такихъ случаяхъ бываетъ, вещи, самыя невинныя. Такъ были закрыты 2-ое отдѣленіе при литературномъ фондѣ и Шахматный клубъ.

Большое счастье, что тогда въ Петербургѣ былъ генералъ-губернаторомъ Александръ Аркадьевичъ Суворовъ. Это не былъ человѣкъ широкихъ политическихъ взглядовъ, нельзя также сказать, что онъ былъ тонкій и дальновидный политикъ; но Суворовъ былъ человѣкъ добрый, гуманный и замѣчательно довѣрчиво относившійся къ молодежи; а къ студентамъ онъ питалъ просто отеческую нѣжность. Только благодаря его заступничеству студенческія манифестаціи не были истолкованы въ смыслѣ покушенія на нѣчто болѣе серьезное; дѣло о 300 студентахъ, сидѣвшихъ въ Петропавловской крѣпости и Кронштадтѣ, было окончено къ началу декабря, но освободить студентовъ предполагали

послѣ 14 декабря; Суворовъ убѣдилъ Государя освободить всѣхъ 6 декабря. Всѣ эти студенты могли оставаться въ Петербургѣ не иначе, какъ за поручительствомъ родителей или близкихъ родственниковъ; Суворовъ, не справляясь о степеняхъ родства, принималъ въ качествѣ поручителя всякаго, кого только ему приводили. Но возвращаюсь къ дѣлу о пожарахъ. Была назначена слѣдственная коммиссія, которой пришлось имѣть дѣло съ массой арестованныхъ по подозрѣнію въ поджогахъ, въ томъ числѣ не мало изъ молодежи.

Слѣдственная коммиссія, однако, не остановилась на этомъ непосредственномъ матеріалѣ; она распубликовала слѣдующее воззваніе: «долгъ каждаго обывателя доводить до свѣдѣнія правительства обо всемъ, что касается какъ общаго блага, такъ и вреда. На этомъ основаніи коммиссія, независимо отъ оффиціальныхъ мѣръ, обращается къ обывателямъ столицы съ приглашеніемъ, содѣйствовать ей со своей стороны въ исполненіи возложеннаго на нее порученія, прося всѣхъ и каждаго сообщать обо всемъ, что въ настоящемъ случаѣ можетъ быть полезнымъ, однимъ словомъ, помогать ей всѣмъ, чѣмъ кто можетъ послужить ей на общую пользу». Можно себѣ представить, какой градъ добровольческихъ указаній посыпался въ коммиссію послѣ этого воззванія.

Противъ нѣкоторыхъ арестованныхъ изъ среды молодежи, напр., покойнаго хирурга Мультановскаго (въ то время студента-медика) были на

первый взглядъ подавляющія улики. Въ извѣстныхъ кругахъ требовали рѣшеній въ 24 часа (чему и были примѣры въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Одессѣ). Въ Московской газетѣ «Наше Время» сообщалось (№ 122) изъ Петербурга: «въ публикѣ иногда слышны сужденія отъ такъ наз. образованныхъ людей, что надо пытать... въ коммиссіи о поджогахъ одинъ изъ членовъ говорилъ о необходимости пытки, прочіе члены не соглашались и возражали, что государь этого никогда не дозволитъ». Одно очень близкое лицо къ Государю настаивало у Суворова, чтобъ онъ для успокоенія населенія скорѣе повѣсилъ человѣкъ двадцать. Суворовъ устоялъ противъ этихъ давленій; и хотя слѣдственная коммиссія была составлена изъ самыхъ обыкновенныхъ чиновниковъ, однако, по нѣкоторомъ времени всѣ обвиненія противъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ съ политической цѣлью разсыпались въ прахъ, и арестованные были освобождены. «Journal de St.-Petersbourg» даже помѣстилъ статью, изъ которой можно было заключить, что не только политическихъ, но и никакихъ поджоговъ не было. Былъ только сосланъ въ Иркутскую губ. Викторовъ, учитель Лугскаго уѣзднаго училища, за имѣніе запрещенныхъ сочиненій и 3 поджога лугскаго училища, «впрочемъ, въ нетрезвомъ видѣ», какъ сказано въ конфирмаціи. Военно-полевымъ судомъ Викторовъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Не могу здѣсь не привести случай, о которомъ мнѣ недавно напомнило одно лицо, весьма

близко стоявшее къ А. А. Суворову. Вскорѣ послѣ 26 мая нѣкто М—ъ, служившій, кажется, на варшавской ж. д., проѣзжалъ черезъ такъ наз. Таракановскій мостъ. Когда извозчикъ былъ уже на серединѣ моста произошелъ взрывъ на мосту. М—ъ быстро вскочилъ съ дрожекъ и бросился бѣжать; но его догнали, схватили и препроводили въ полицію. На мосту былъ найденъ опорожненный отъ взрыва патронъ. М—а судили и приговорили къ смертной казни, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что онъ не далъ никакого объясненія, гдѣ онъ провелъ три часа. Суворову предстояло конфирмовать приговоръ; но прежде, чѣмъ исполнить эту тяжелую обязанность, онъ рѣшилъ повидать преступника и поѣхалъ въ Петропавловскую крѣпость, взявши съ собой состоявшаго при немъ аудитора Цитовича. Въ крѣпости М—ъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Суворова простымъ изложеніемъ своего ужаснаго положенія, разсказомъ о старухѣ матери, которую онъ содержалъ, о своемъ отчаяніи при мысли, что ему придется умереть при проклятіяхъ народа за мнимо совершенное преступленіе. Несмотря на всѣ убѣжденія Суворова объяснить ему даже не какъ ген.-губ., а просто какъ Суворову — гдѣ и какъ онъ провелъ три часа, относительно которыхъ отказался дать показаніе на судѣ, М—ъ стоялъ на одномъ: этого я вамъ сказать не могу; я знаю, что долженъ умереть, но умру со спокойной совѣстью. Суворовъ вернулся домой сильно потрясенный этимъ свиданіемъ, хотя отказъ М—а объяснить,

гдѣ онъ провелъ роковые три часа, всетаки приводилъ его въ крайнее недоумѣніе. Цитовичъ, однако, заявилъ, что, по его мнѣнію, М—ъ невиновенъ. Суворовъ довѣрялъ Цитовичу, а между тѣмъ надо было въ тотъ же вечеръ конфирмовать приговоръ, а утромъ привести его въ исполненіе. При мысли, что можетъ пострадать невинный, Суворовъ сейчасъ же вмѣстѣ съ Цитовичемъ принялся за пересмотръ дѣла и пришелъ къ убѣжденію, что улики противъ М—а были недостаточны. Онъ немедленно по телеграфу испросилъ у Государя позволеніе пріѣхать въ Царское Село и послѣ доклада получилъ согласіе Государя на передачу дѣла главному военному прокурору (кажется, тогда онъ именовался главн. воен. аудиторомъ) Философову. Послѣдній далъ заключеніе, что улики противъ М—а слишкомъ недостаточны. Изъ осторожности дѣло побывало еще въ Морскомъ аудиторіатѣ, откуда вернулось, какъ говорили, съ дополненіемъ, что слѣдовало бы подвергнуть законной отвѣтственности членовъ военнаго суда за слишкомъ легкое отношеніе къ человѣческой жизни. М—ъ былъ освобожденъ.

Спустя нѣкоторое время, годъ или два, М—ъ явился къ Суворову:— Теперь я могу вамъ сказать, гдѣ провелъ три часа, N умеръ... и я женюсь.

За честь любимой женщины М—ъ готовъ былъ отправиться на висѣлицу.

Сколько мнѣ помнится, слѣдственное дѣло о петербургскихъ пожарахъ не было публиковано; въ послѣдующее время (особенно послѣ сим-

бирскаго пожара) въ извѣстномъ лагерѣ завиняли слѣдственную коммиссію, что она или не хотѣла, или не сумѣла добраться до настоящихъ корней; потому я считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь объ одномъ изъ выдающихся членовъ этой коммиссіи. То былъ Ростиславъ Захаровичъ Столбовскій (онъ умеръ въ 1867 г. въ должности предсѣдателя спб. Управы благочинія), тесть и единомышленникъ В. Д. Скарятина, который, такимъ образомъ, былъ отлично освѣдомленъ о ходѣ пожарнаго слѣдствія. Столбовскій, какъ онъ самъ того не скрывалъ, много способствовалъ провалу слѣдствія въ смыслѣ политической окраски пожаровъ. Между тѣмъ Столбовскій далеко не былъ какимъ-нибудь благодушнымъ идеалистомъ или мечтателемъ; совсѣмъ напротивъ, это былъ человѣкъ посѣдѣлый въ полицейской службѣ. Вотъ какой случай изъ своей служебной практики онъ тогда мнѣ разсказывалъ. Одно время Столбовскій былъ полиціймейстеромъ въ Красноярскѣ. Когда мнѣ пришлось во второй половинѣ 60-хъ годовъ жить въ Красноярскѣ, то я часто слыхалъ отъ красноярцевъ:—былъ у насъ полиціймейстеръ Столбовскій, при немъ не было ни грабежей, ни воровства — онъ шутить не любилъ. — Разъ, говорилъ мнѣ Столбовскій, заѣзжаю я къ знакомымъ и узнаю, что у нихъ пропали каминные часы; я даже зналъ эти часы. Ни на кого изъ прислуги подозрѣнія не заявили. Ѣду отъ нихъ и думаю, — кто-бы могъ украсть часы? Въ это время попадается на улицѣ бродяга (въ тѣ времена безъ особеннаго повода

бродягъ въ Сибири не забирали); вдругъ почему-то мнѣ пришло на умъ—не онъ-ли? Приказалъ его забрать. Спрашиваю въ полиціи—ты укралъ часы? — Никакъ нѣтъ. — Ну-ка разложите его. Дали ему 50 розогъ.—Ты укралъ часы?—Никакъ нѣтъ, ваше в — діе.—Разложите его. Дали еще 50 горячихъ. Опять спрашиваю—ты укралъ часы?—Никакъ нѣтъ.—Ну-ка, еще разложите; а у самого мелькнуло на умѣ — неужто я ошибся? Какъ вдругъ бродяга поднялся.—Виноватъ, ваше в—діе, и затѣмъ указалъ, какъ и куда спровадилъ часы, которые и были тотчасъ же разысканы.

— Знаете,—заключилъ свой разсказъ Столбовскій,—отъ долгой практики вырабатывается своего рода полицейское провидѣніе.

Этотъ случай онъ припомнилъ, когда передавалъ мнѣ, какъ удалось ему въ коммиссіи вывести на свѣжую воду главныхъ лжесвидѣтелей, которые, кажется, были простымъ орудіемъ полицейскихъ агентовъ.

Не могу, заканчивая о петербургскихъ пожарахъ, не привести одну замѣтку, которая тогда обошла всѣ газеты. «Извѣстно, говорилось въ ней, что въ Духовъ день бываетъ гулянье въ Лѣтнемъ саду; по обыкновенію и въ этотъ годъ собрались туда гуляющіе, какъ вдругъ одновременно съ начатіемъ пожара раздались крики—«горимъ! горимъ!»—и вслѣдъ затѣмъ поднялась суматоха, начался въ полномъ смыслѣ грабежъ, начали срывать бурнусы, вырывать часы и пр., пока не подоспѣла полиція (если успѣла)». Оче-

видцы этого эпизода разсказывали, что дѣйствительность далеко превосходила то, что можно вообразить, прочитавъ приведенное описаніе. Срывали брошки, вырывали серьги изъ ушей, прямо хватали за карманы и опоражнивали ихъ. Была ли слѣдственной коммиссіей установлена какая-нибудь связь между пожаромъ Апраксинаго двора и эпизодомъ въ Лѣтнемъ саду—это осталось неизвѣстнымъ.

Когда исходъ слѣдствія о пожарахъ сталъ извѣстенъ, въ значительной части общества сказалась реакція въ противоположномъ направленіи,—точно стало стыдно за позорное обвиненіе, взведенное на молодежь; всѣ стали открещиваться, произошло нѣчто въ родѣ извѣстной сцены изъ «Ревизора». Къ чести Скарятина, который тогда выступилъ въ роли публициста-охранителя, онъ еще 6 іюня писалъ; «мы не хотимъ вѣрить всѣмъ этимъ подозрѣніямъ, пока формальное слѣдствіе не обнаружитъ факта... Одни думаютъ, что безсмысленные агитаторы хотятъ создать пролетаріатъ... пропаганда хочетъ ожесточить народъ.,. мы этому не вѣримъ», а 17 августа оповѣстилъ, что солидарность петербургскихъ пожаровъ съ политикой—не доказана; и, кажется, никогда впослѣдствіи не позволялъ себѣ какихъ нибудь двусмысленныхъ выходокъ по поводу петербургскихъ пожаровъ. Но «Молодую Россію» онъ не забывалъ, и пока «Вѣсть» существовала, въ ней не рѣдко можно было встрѣтить ссылки на нее для доказательства того, какіе ужасы могутъ ожидать Россію отъ

распространенія соціально - демократическихъ идей. Хотя Скарятинъ, начиная съ 62 года, не разъ печатно заявлялъ, что не вѣритъ въ силу революціонной партіи въ Россіи, но «Молодая Россія» служила ему крупнымъ полемическимъ козыремъ въ борьбѣ съ «Современникомъ» и пережившими его эпигонами.

Тягостное обвиненіе, взведенное на учащуюся молодежь, разсѣялось, но на свѣтломъ небѣ шестидесятыхъ годовъ осталось дымчатое облако—слово «реакція» было произнесено; и никакія увѣренія Скарятина, что толки о ней не имѣютъ ни малѣйшаго основанія, не достигали своей цѣли...

XXIV.

„Земля и Воля".

Хотя прошло болѣе сорока лѣтъ, какъ «Земля и Воля» прекратила свое существованіе, но о ней даже въ зарубежной литературѣ нѣтъ сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній; въ очеркѣ Е. А. Серебрякова: Общество «Земля и Воля» (Лондонъ, 1902 г.) говорится объ обществѣ, дѣйствовавшемъ съ конца 1876 г. по конецъ 1879 г., и ни однимъ словомъ не упоминается, что подъ этимъ же названіемъ была организація въ началѣ

60-хъ годовъ. Между тѣмъ эта послѣдняя просуществовала около двухъ лѣтъ и послѣ тайныхъ организацій конца царствованія Александра I представляетъ первую нѣсколько замѣтную попытку объединенія уже имѣвшихся налицо нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Изъ послѣдующаго изложенія станетъ понятнымъ этотъ недостатокъ свѣдѣній о «Землѣ и Волѣ». Имѣя нѣкоторое касательство къ обществу «Земля и Воля», я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ пополнить недостатокъ свѣдѣній о немъ; но заранѣе оговариваюсь, что могу это сдѣлать лишь въ нѣкоторой степени: многое осталось для меня неизвѣстнымъ, а изъ того, что зналъ, немалая доля улетучилась изъ памяти. Затѣмъ перехожу къ дѣлу.

Я былъ знакомъ съ К. Д. Кавелинымъ и, какъ только студентовъ выпустили изъ крѣпости (6 декабря 61 г.), заявился къ нему. Хотя Кавелинъ и былъ противъ какихъ-нибудь демонстрацій со стороны студентовъ, но онъ хорошо понималъ, что молодость имѣетъ свой темпераментъ и свой житейскій кодексъ. Кавелинъ встрѣтилъ меня крайне сердечно; послѣ разговора о томъ, каково намъ жилось въ крѣпости, онъ спросилъ меня.—Что вы теперь предполагаете дѣлать (какъ студентъ четвертаго курса, я былъ исключенъ изъ университета)?—Да думаю пока дѣлать то же, что и ранѣе: правда, университетъ закрытъ, но можно работать у себя на дому и на всякій случай готовиться къ экзамену.—Душевно вамъ этого желаю; но какъ трудно, какъ трудно войти

въ прежнюю колею жизни. Боюсь, чтобы на многихъ это сидѣніе въ крѣпости не оставило крупнаго слѣда; иныхъ ужъ теперь нельзя узнать, вотъ, напримѣръ, М—съ выглядитъ конспираторомъ, того и гляди погибнетъ ни за что, а какая талантливая, многообѣщающая личность *).

Кажется, недѣли двѣ мы провожали нашихъ высылаемыхъ товарищей **); всѣ вечера проводили въ пирушкахъ по этому случаю, да въ посѣщеніи разныхъ салоновъ, гостепріимно открывшихся для насъ. Вездѣ между студентами шелъ одинъ разговоръ—надо непремѣнно, несмотря на закрытіе университета, поддержать связь между студентами. Съ этою цѣлью было даже устроено примиреніе съ матрикулистами ***). Но какъ поддержать связь между студентами? Единственное средство, чтобы побольше организовалось кружковъ, эти кружки должны регулярно собираться и черезъ посредство своихъ представителей быть въ постоянномъ общеніи между собою. Посѣщая разные кружки, нетрудно было замѣтить, что въ каждомъ изъ нихъ было ядро, которое не удовлетворялось одними разговорами о прошлой исторіи, да обсужденіемъ разныхъ чисто студенче-

*) „Крѣпость укрощаетъ только легкій, напускной либерализмъ, люди съ твердымъ характеромъ выходятъ изъ нея уже опытными заговорщиками". (Автобіографія И. А. Худякова).

**) Тогда были высланы студенты К. А. Генъ, М. П. Покровскій, Е. П. Михаэлисъ, Френкель, Новоселицкій и вольнослушатель Филитеръ Орловъ.

***) Т. е. тѣми студентами, которые подчинились новымъ правиламъ и взяли матрикулы.

скихъ дѣлъ; тянуло въ какую-то другую невѣдомую сторону; но ничего опредѣленнаго не высказывалось, только нерѣдко говорилось о необходимости быть осторожнымъ. По этому послѣднему поводу я, какъ-то смѣясь, сказалъ:— Да право же, господа, эти разговоры объ осторожности оскомину набили, а между тѣмъ не знаешь — что осторожно, что не осторожно; лучше прямо начать съ того, что сочинить руководство къ конспираторству и всѣмъ, вмѣсто матрикулы, имѣть его въ карманѣ.—По времени стали провертываться разговоры, что хорошо бы завести Акулину (подъ этимъ словомъ почему-то стали разумѣть тайную организацію); но собственно студенческая среда такъ на этихъ разговорахъ и остановилась. Между тѣмъ текущія событія, какъ-то ссылка на каторгу М. И. Михайлова, затѣмъ В. А. Обручева, дѣло тверскихъ мировыхъ посредниковъ, арестъ В. В. Берви, высылка П. В. Павлова, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе возбуждали молодежь; не безъ впечатлѣнія также проходили и вѣсти изъ Польши *).

Помнится, на Пасхѣ 62 г. заходитъ ко мнѣ Николай Утинъ. До крѣпости я съ нимъ почти не былъ знакомъ, тамъ нѣсколько сблизились, но кажется, на него произвелъ впечатлѣніе разговоръ, который я имѣлъ съ нимъ послѣ одного довольно бурнаго засѣданія студенческаго комитета **).

---

*) Студенты поляки по закрытіи университета большею частію разъѣхались по домамъ и тамъ стали одними изъ самыхъ горячихъ пропагандистовъ возстанія.

**) О немъ см. „Думская Исторія“.

Я спокойно, но откровенно высказалъ ему, что его диктаторскія замашки и рѣзкая манера относиться къ мнѣніямъ товарищей, когда они въ чемъ-нибудь не сходились съ нимъ, каждый день плодятъ ему, если не явныхъ враговъ, то людей, которые могутъ покинуть его при первомъ остромъ случаѣ, что человѣкъ, желающій играть руководящую роль, долженъ не только соображать свой каждый шагъ, но и взвѣшивать всякое слово. Онъ сталъ послѣ этого нерѣдко совѣтоваться со мной передъ болѣе серьезными засѣданіями студ. комитета; оказалъ мнѣ самую дѣятельную поддержку въ комитетѣ относительно созванія большой сходки и избранія новаго комитета взамѣнъ прежняго случайно сформировавшагося. Въ «Думской исторіи» я, насколько хватало силъ, вездѣ защищалъ комитетъ, на который взваливали всю отвѣтственность за нее; и хотя лично находилъ, что Костомаровъ сталъ жертвою разныхъ случайностей, тѣмъ не менѣе отказался подписать адресъ ему отъ молодежи. Это насъ еще болѣе сблизило. Утинъ послѣ «Думской исторіи» не разъ заводилъ разговоръ на тему, что время требуетъ болѣе строгой организаціи, чѣмъ та, которую представляютъ изъ себя студенческіе кружки, что пора выйти изъ рамокъ чисто студенческихъ интересовъ. Я не возражалъ ни противъ того, ни противъ другого, но указывалъ, что починъ долженъ выйти изъ круговъ съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ.

Такъ вотъ, заѣхавши ко мнѣ, Утинъ и гово-

ритъ:—Приходи ко мнѣ завтра вечеромъ; будутъ два господина съ очень серьезнымъ разговоромъ, кромѣ тебя я никого не звалъ.—Я догадался, о чемъ предстоитъ собесѣдованіе, и коротко отвѣтилъ:—Хорошо, приду.—На другой день въ назначенный часъ являюсь. Въ кабинетѣ наглухо спущены всѣ драпировки; Утинъ, видимо, въ приподнятомъ нервномъ настроеніи; я самъ испытывалъ ощущеніе въ родѣ того, какъ бы вступалъ въ нѣкое заповѣдное святилище. Черезъ короткое время раздался звонокъ, и вошли двое мнѣ незнакомыхъ. Сейчасъ же Алексѣю (лакей Утина *) былъ отданъ приказъ никого болѣе не принимать и подавать чай. Насъ взаимно представили; одинъ былъ высокій, нѣсколько плотный блондинъ; ему не было и 30 лѣтъ, но смотрѣлъ онъ старше; я буду называть его—господинъ съ пенсне; другой моложе, небольшого роста, со впалой грудью и поразительно добрыми глазами, хотя и былъ въ штатскомъ платьѣ, оказался студентомъ м.-хирур. академіи—Рымаренко. Послѣ непродолжительнаго сторонняго разговора, усѣлись за столъ, на которомъ уже стоялъ чай. — Можно приступать къ дѣлу?—спросилъ господинъ съ пенсне тономъ человѣка, не привыкшаго понапрасну терять время.—Пожалуйста.

Нарисовавъ картину тогдашняго положенія

---

*) Сначала Утинъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ полной преданности Алексѣя, но потомъ нѣкоторыя обстоятельства стали наводить его на сомнѣнія; тѣмъ не менѣе отпустить Алексѣя не рѣшался, боясь еще худшихъ послѣдствій. И такъ тянулось до самаго бѣгства Утина. Была принята одна предосторожность—мы перестали собираться на квартирѣ Утина.

нашихъ внутреннихъ дѣлъ, указавъ на всеобщее недовольство, господинъ съ пенсне обратилъ наше вниманіе на то, что никакихъ настоящихъ реформъ нельзя ждать отъ правительства.—Вся исторія,—сказалъ онъ (и тутъ было приведено не мало примѣровъ, всѣмъ извѣстныхъ) учитъ, что дѣйствительныя реформы всегда исходили изъ народа, а не преподносились ему. Но народъ не организованъ; единичныя же усилія, какимъ бы героизмомъ они ни отличались, ничего не могутъ дать. Поэтому нужна организація. Что должно стоять на ея знамени?—«Земля», т. е. возвращеніе народу того, что ему по праву принадлежитъ, и «Воля», т. е. созваніе земскаго собора, который долженъ перестроить всю нашу государственную жизнь на новыхъ народно-демократичныхъ и федеративныхъ началахъ.—Затѣмъ господинъ съ пенсне заявилъ, что начало такой организаціи уже положено.—Вся Россія,—продолжалъ онъ,—въ революціонномъ отношеніи, въ силу естественныхъ и историческихъ условій, распадается на раіоны: сѣверный,—тамъ есть еще мѣста, гдѣ въ народѣ до сихъ поръ сохранилась память о вѣчевомъ строѣ;—волжскій, гдѣ Стенька Разинъ и Пугачевъ навсегда заложили сѣмена ненависти къ существующему строю; уральскій съ его горнозаводскимъ населеніемъ; средне-промышленный, казачій. Что касается до Литвы и Малороссіи, то здѣсь должны дѣйствовать свои собственныя организаціи; съ ними великорусская организація конечно обязательно входитъ въ самыя тѣсныя

отношенія, но какъ равная съ равными.—Далѣе, мы были посвящены въ нѣкоторыя детали организаціи; помнится, все дѣло сводилось на цѣлую іерархію пятерокъ. Въ Петербургѣ имѣется центральный комитетъ (ораторъ и его сотоварищъ были не болѣе какъ скромные агенты центральнаго комитета, даже сами не знали которой степени,—такъ строго выдерживается въ организаціи тайна!); въ каждомъ раіонѣ свой комитетъ, но, понятно, главное руководительство принадлежитъ центральному комитету.—Вся эта рѣчь длилась можетъ быть съ часъ; говорилъ господинъ съ пенсне складно, съ дипломатической выдержкой, какъ бы взвѣшивая каждое слово, мѣстами, правда, нѣсколько темновато, когда, напримѣръ, шла рѣчь объ отношеніяхъ центральнаго комитета къ областнымъ; но мы понимали, что онъ и не обязанъ былъ выкладывать передъ нами всѣ карты. Въ заключеніе намъ былъ предложенъ вопросъ: желаемъ ли мы вступить въ организацію?

Мы не колеблясь выразили свое согласіе. Не помню, что говорилъ Утинъ, но я сказалъ приблизительно слѣдующее:—Понятно, что всякая организація должна выдерживать принципъ строжайшей тайны, и для удовлетворенія личнаго любопытства я не счелъ бы себя въ правѣ предъявлять какіе-нибудь нескромные вопросы; но такъ какъ придется привлекать къ участію въ организаціи, то весьма существенно знать: находится ли «Земля и Воля» въ самомъ зародышевомъ состояніи, или уже она опирается на какія-нибудь

силы? Вѣдь этотъ вопросъ можетъ предъявить всякій, кому будетъ предложено вступить въ общество.— «Земля и Воля»,— отвѣчалъ господинъ съ пенсне (Рымаренко пока все время молчалъ,—онъ только въ концѣ бесѣды далъ нѣсколько практическихъ указаній насчетъ формированія конспиративныхъ кружковъ),—находится еще въ первомъ подготовительномъ періодѣ развитія; впрочемъ, во всѣхъ крупныхъ центрахъ уже началась группировка. Независимо отъ этого, организація можетъ разсчитывать на поддержку одного полка и одной батареи.

Послѣднія слова были сказаны такъ просто и скромно, что, признаюсь, произвели на меня ошеломляющее впечатлѣніе; несмотря на то, что прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ, я ихъ точно сейчасъ слышу. Даже и безъ того, что говорилъ господинъ съ пенсне, я самъ догадывался, что «Земля и Воля» врядъ ли существуетъ болѣе полугода *), и уже успѣла заручиться полкомъ и батареей!

Впрочемъ, дѣло возможное, — я самъ имѣлъ нѣкоторыя знакомства между военными, и настроеніе ихъ было благопріятное...

Въ концѣ бесѣды господинъ съ пенсне вошелъ въ нѣкоторыя конспиративныя детали и между прочимъ сообщилъ рецептъ химическихъ чернилъ для переписки.—Его далъ Мадзини.—

*) Такъ я могъ думать тогда, исходя изъ предположенія, что лица, выпустившія „Великоруссъ“, могли положить начало и „Землѣ и Волѣ“; но я отнюдь не утверждаю этого теперь, такъ какъ у меня на то нѣтъ никакихъ данныхъ.

Если ссылкой на знаменитаго заговорщика онъ хотѣлъ въ финалѣ усугубить эффектъ, то сильно ошибся.—Да это всякій аптекарь можетъ посовѣтовать,—подумалъ я, тоже и Утинъ.

Но вотъ мы съ Утинымъ остались вдвоемъ.— Ну, что ты скажешь?—спросилъ онъ меня.—Да теперь ужъ поздно говорить; мы заявили, что присоединяемся къ «Землѣ и Волѣ».—Я не о томъ говорю. Вотъ это, другъ мой, люди! А тонкая штука господинъ съ пенсне, ни одного лишняго слова не проронилъ.

— А несомнѣнно онъ во многое посвященъ, это вѣдь чувствуется,—отвѣчалъ я.— Я думаю,— продолжалъ Утинъ, что если онъ не членъ центральнаго комитета, то во всякомъ случаѣ очень близко стоитъ къ нему. Интересно бы знать, кто въ комитетѣ? какъ ты полагаешь, Николай Гавриловичъ членъ комитета? — Не думаю, онъ слишкомъ кабинетный человѣкъ; кстати, ты давно знаешь господина съ пенсне? — Нѣтъ, всего второй разъ вижу, если не считать случайной встрѣчи въ магазинѣ Серно-Соловьевича; тамъ насъ Николай Серно-Соловьевичъ познакомилъ; при этомъ господинъ съ пенсне спросилъ меня, когда бы могъ побесѣдовать со мной; я назначилъ ему время, и онъ былъ у меня; говорилъ нѣсколько неопредѣленно; а затѣмъ мы условились насчетъ сегодняшняго вечера. Николай С. Соловьевичъ очень его хвалилъ и даже сказалъ:— Это человѣкъ вполнѣ надежный, и за что возьмется, то ужъ можно быть увѣреннымъ, что на полдорогѣ не броситъ. — Какъ ты полагаешь,

пыль онъ намъ пустилъ въ глаза, или это и правда, что на сторонѣ «Земли и Воли» есть уже одинъ полкъ и батарея (я еще въ гимназіи перечиталъ много разныхъ военныхъ исторій, студентомъ имѣлъ знакомства между военными, и потому считалъ себя чуть не спеціалистомъ въ военномъ дѣлѣ)? — А что жъ въ этомъ удивительнаго, сегодня полки, а завтра будутъ и цѣлые корпуса,—отвѣчалъ Утинъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о военномъ мірѣ. — Вотъ на счетъ Маццини... — но тутъ мы оба расхохотались.

Такъ какъ у насъ съ Утинымъ было много общихъ знакомыхъ между молодежью, то мы условились насчетъ размежеванія. Утинъ непремѣнно хотѣлъ оставить за собой очень многочисленный кружокъ Судакевича и Островскаго, я не сталъ спорить. — А вотъ Женичку (брата, покойнаго присяжнаго повѣреннаго) я тебѣ уступаю, мнѣ не удобно имѣть съ нимъ дѣло.—Затѣмъ мы дали другъ другу слово, что будемъ взаимно предупреждать о всякомъ членѣ, нами афильированномъ. Это, конечно, явно нарушало основное правило организаціи, что пятерки іерархически связываются черезъ посредство одного, но мы сейчасъ же сообразили, что провались, напримѣръ, Утинъ, такъ все черезъ него связанное, неминуемо отрывается, значитъ, кромѣ него, еще кто нибудь долженъ знать о всѣхъ имъ пріобщенныхъ къ организаціи. Въ объясненіяхъ господина съ пенсне и Рымаренко этотъ пунктъ остался какъ-то невыясненнымъ.

Въ рѣчи господина съ пенсне я обращаю особенное вниманіе читателя на слова «общее недовольство». Оно несомнѣнно было широко распространено. Не входя въ объясненіе причинъ этого явленія, считаю однако необходимымъ остановиться на тѣхъ заключеніяхъ, которыя выводила изъ него передовая интеллигенція. При тогдашней политической незрѣлости казалось, что разъ есть такой базисъ, какъ «общее недовольство», то стоитъ только людямъ рѣшительнымъ сплотиться между собою, и передъ ихъ дружнымъ напоромъ старый порядокъ неминуемо рухнетъ, ибо все колеблющееся и пассивно относящееся къ общественнымъ дѣламъ не только не окажетъ какого-нибудь сопротивленія, но и само будетъ увлечено. И въ видѣ неотразимаго аргумента прибавлялось къ этому.—Бываютъ историческіе моменты, когда искра энтузіазма горсти людей, какъ электрическій токъ, съ невѣроятной быстротой охватываетъ народныя массы и выводитъ ихъ на новую дорогу; горе тому поколѣнію, которое не пойметъ историческаго момента имъ переживаемаго; этимъ самымъ оно отсрочитъ рѣшеніе основного вопроса можетъ быть на цѣлое столѣтіе. — Что касается до самой организаціи силъ, то это дѣло, именно въ силу своей неизвѣданности, не представлялось чѣмъ-нибудь особенно труднымъ. Кто изъ людей убѣжденныхъ, — а вѣдь нѣтъ такого глухого угла, гдѣ бы ихъ не было,—откажется стать за правое дѣло, кто не выполнитъ своего долга передъ народомъ?..

Ну, мы съ Утинымъ и принялись за дѣло; я даже нѣсколько поторопился, такъ какъ подходило лѣто и надо было своевременно афильировать нѣкоторыхъ уѣзжавшихъ. Однако дѣйствовалъ съ разборчивостью и на первыхъ порахъ ввелъ въ общество не болѣе шести-семи человѣкъ, въ томъ числѣ одного военнаго инженера; впрочемъ, двое изъ пріобщенныхъ мною скоро получили заграничную командировку (изъ «Педагогическаго кружка»).

А все-таки насъ съ Утинымъ очень занимало, что̀ за человѣкъ господинъ съ пенсне; о Рымаренко успѣли провѣдать, что онъ пользуется между студентами-медиками большою популярностью и много между ними работаетъ. По временамъ нападало сомнѣніе—не мнѣ ли эта «Земля и Воля». Рѣшили позондировать Чернышевскаго. Мы, конечно, ничего ему не сказали, что уже вступили въ общество, а вели рѣчь разными обиняками, напримѣръ, говорили о необходимости развивать кружки между молодежью, при томъ съ общественнымъ направленіемъ. Чернышевскій, хотя и одобрялъ насъ, былъ однако непроницаемъ; впрочемъ, къ нашему удовольствію, о господинѣ съ пенсне отозвался съ очень выгодной стороны; да разсказалъ намъ басню Эзопа о медвѣдѣ, который порвалъ дружбу съ человѣкомъ за то, что тотъ въ одномъ случаѣ дулъ на огонь, чтобъ онъ хорошенько разгорался, а въ другомъ—чтобъ погасить его *).

*) Незадолго передъ тѣмъ покончилъ самоубійствомъ молодой человѣкъ Піотровскій, одинъ изъ второстепенныхъ со-

Но вотъ въ одинъ прекрасный день совершенно неожиданно приходитъ ко мнѣ господинъ съ пенсне.

— Не можете ли вы рекомендовать кого нибудь для поѣздки въ Уральскій казачій край? Тамъ надо установить отдѣлъ нашей организаціи.

Какъ разъ у меня была для этого совершенно подходящая личность. — Могу, отвѣчалъ я, не безъ нѣкотораго чувства удовольствія, и назвалъ фамилію, дополнивъ ее надлежащей характеристикой.—Ничего лучше быть не можетъ,—сказалъ господинъ съ пенсне;— а теперь вотъ еще что: очень важно весь сѣверъ и частью сѣверовостокъ связать въ одно цѣлое и установить мѣстный комитетъ; не возьмете ли вы это на себя? — Но я же никого тамъ не знаю, только

трудниковъ „Современника". Самоубійство Піотровскаго произвело очень сильное впечатлѣніе на Чернышевскаго: Піотровскій запутался въ денежныхъ дѣлахъ, а Некрасовъ отказалъ въ авансѣ, такъ какъ Піотровскій былъ уже въ большомъ заборѣ по конторѣ „Современника". Утинъ разсказывалъ мнѣ, что будто бы Ник. Гав. разъ выразился такъ: — „Если Піотровскій не дорожилъ своей жизнью, то могъ бы сдѣлать изъ нея болѣе разумное употребленіе, чѣмъ пустить себѣ пулю". Мы эти слова истолковывали въ томъ смыслѣ, что Піотровскій лучше сдѣлалъ бы, еслибъ отдался политической агитаціи, чѣмъ покончить съ собой. Кстати, насколько можно довѣряться съ фактической стороны воспоминаніямъ А. Я. Головачевой-Панаевой, прекрасно свидѣтельствуетъ ея разсказъ о самоубійствѣ Піотровскаго. Она пространно повѣствуетъ, какъ Чернышевскій пришелъ къ ней во время обѣда, какъ Добролюбовъ, бывшій за обѣдомъ, замѣтилъ особенную блѣдность Чернышевскаго и т. д. Между тѣмъ Добролюбовъ умеръ 17 ноября 61 г., а самоубійство Піотровскаго случилось въ мартѣ 62 г.

въ Вологдѣ есть у меня кое-какія знакомства.— И отлично, въ Вологдѣ же находится Бекманъ, вотъ, значитъ, Вологда и обезпечена; оттуда проѣзжайте въ Петрозаводскъ; тамъ войдите въ сношенія съ Рыбниковымъ *); черезъ него вамъ будетъ открытъ весь олонецкій край, да навѣрное и новгородскій. Проѣзжая черезъ Москву, непремѣнно познакомьтесь съ кружкомъ Аргиропуло и Зайчневскаго; надо ихъ во что бы то ни стало ввести въ наше общество; это одинъ изъ самыхъ энергическихъ кружковъ и съ большими связями. Отъ нихъ, конечно, можете получить указанія на Владиміръ, Кострому и другіе города. —Тоже не знаю ни Аргиропуло, ни Зайчневскаго. — Вы получите къ нимъ письма. Постранствуйте по большимъ волжскимъ торговымъ селамъ; вы и въ этомъ случаѣ можете разсчитывать на кружокъ Аргиропуло и Зайчневскаго, но главное, пріобщите ихъ къ нашему дѣлу.

Не скрою, это предложеніе вскружило мнѣ голову; имѣя полное основаніе разсчитывать на заграничную командировку, я только что приступилъ было къ кандидатскому экзамену; но развѣ изъ-за чисто личнаго интереса можно отказываться отъ общественнаго дѣла, да еще та-

---

*) Рыбниковъ — извѣстный собиратель былинъ; былъ высланъ изъ Москвы въ Петрозаводскъ, кажется въ 1857 году. тамъ состоялъ на государственной службѣ. Къ его кружку принадлежали Козловъ (впослѣдствіи профессоръ философіи), М. Я. Свириденко, Орфано (сотрудникъ „Моск. Вѣд.“ Катковскаго времени).

кого важнаго? Мнѣ нѣтъ и 22 лѣтъ, что же меня ожидаетъ въ будущемъ? что я никого не знаю во всемъ обширномъ краѣ, который мнѣ предстоитъ сорганизовать, такъ вѣдь въ Москвѣ я получу нѣкоторыя указанія; это правду говоритъ господинъ съ пенсне—укажутъ на Ивана, а тотъ въ свою очередь на Петра и т. д. Волка бояться—въ лѣсъ не ходить. И я далъ свое согласіе.

Характерно, что ни я, ни Утинъ, которому тотчасъ сообщилъ о сдѣланномъ мнѣ предложеніи, не вынесли изъ него прежде всего совершенно прямого и яснаго заключенія насчетъ поразительной слабости «Земли и Воли», если она для такого серьезнаго порученія вынуждена была обратиться къ человѣку, собственно говоря, еще несошедшему со школьной скамейки и ничѣмъ себя не зарекомендовавшему. Напротивъ, мы его истолковали въ томъ смыслѣ, что для «настоящаго дѣла» дѣйствительныхъ работниковъ только и можетъ поставлять молодежь. И такое истолкованіе было совершенно въ духѣ времени. Нѣсколько лѣтъ печать, а вслѣдъ за ней и общество, на разные лады при всякомъ случаѣ твердили, что всѣ надежды слѣдуетъ возлагать лишь на «молодое поколѣніе», а потому неудивительно, что молодое поколѣніе поняло ихъ въ буквальномъ смыслѣ. То не существенно, что я просилъ нѣкоторое время обдумать сдѣланное мнѣ предложеніе; на самомъ дѣлѣ, какъ только оно было мнѣ заявлено, въ моемъ умѣ уже былъ рѣшенъ утвердительный

отвѣтъ. Иначе и поступить нельзя, думалъ я: отказъ набросить на меня неблаговидную тѣнь.

Послѣ визита господина съ пенсне и моего утвердительнаго отвѣта, заходя иногда въ книжный магазинъ Н. С.-Соловьевича, или встрѣчая Николая Александровича въ Шахматномъ клубѣ, я замѣтилъ, что онъ сталъ очень внимателенъ ко мнѣ; почти всякій разъ уводилъ меня въ отдѣльный кабинетъ и тамъ подолгу бесѣдовалъ о разныхъ злобахъ дня, преимущественно же на тему, что надо прилагать всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь молодежь не разсѣялась, и постоянно поддерживать въ ней единеніе и сознаніе гражданскаго долга, лежащаго на ней передъ народомъ. А въ одинъ прекрасный день вручилъ мнѣ, должно быть, 200 руб., со словами:—Это на вашу поѣздку,—и пожелалъ всякаго успѣха *).

Должно быть Рымаренко далъ мнѣ письмо въ Москву. Меня огорчала одна неудача. Чтобы облегчить себѣ выполненіе одного пункта намѣченной мнѣ программы, а именно—постранствовать по волжскимъ селамъ, я самъ надумалъ попытаться получить изъ мин. народн. просв.

*) Это была моя послѣдняя встрѣча съ Н. А. С.-Соловьевичемъ. Сосланный въ Сибирь на поселеніе, онъ по дорогѣ близко сошелся со многими выдающимися польскими дѣятелями 63 года и принялъ, какъ мнѣ говорили нѣкоторые поляки, самое горячее участіе въ проектахъ возстанія поляковъ въ Сибири (идея сама по себя не новая, она уже обсуждалась между ссыльными послѣ 31 года), подавая имъ надежду на поддержку мѣстнаго населенія. Хотя онъ и умеръ въ 66-мъ году, но, кажется, на его счастье не дожилъ до печальной развязки Кругобайкальской исторіи лѣтомъ того же 1866 г.

нѣчто въ родѣ открытаго листа, якобы для собиранія этнографическаго матеріала; мысль моя была одобрена господиномъ съ пенсне. Заявляюсь къ тогдашнему попечителю Ив. Д. Делянову; тотъ сочувственно отнесся къ моей просьбѣ и сказалъ:—Подайте докладную записку, я доложу министру. Я такъ и сдѣлалъ. Но по нѣкоторомъ времени Ив. Дав. отвѣтилъ мнѣ, что не было примѣровъ въ выдачѣ такихъ открытыхъ листовъ, а потому министръ (Головнинъ) и не находитъ возможнымъ удовлетворить мою просьбу.

— Вамъ лучше бы обратиться въ Географическое общество,—прибавилъ Ив. Дав.,—это въ его кругѣ дѣятельности.

Этимъ совѣтомъ я не могъ воспользоваться, такъ какъ было поздно, да къ тому же рѣшительно никого не зналъ въ Географическомъ обществѣ.

Утинъ не разъ говорилъ: — Какъ я тебѣ завидую; еслибъ не семья, (ему дѣйствительно, не навлекая на себя крайнихъ подозрѣній, трудно было выбраться изъ Петербурга), непремѣнно отправился бы съ тобой. — Думаю, что онъ говорилъ искренно.

Однако для выѣзда изъ Петербурга мнѣ надо было преодолѣть одно немаловажное препятствіе. По конфирмаціи студенческаго дѣла я жилъ въ Петербургѣ на поручительствѣ В. Ѳ. Панютина, (офицера Преображенскаго полка) и состоялъ подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ. Что такое значитъ — быть подъ надзоромъ полиціи,

я, какъ и другіе, не имѣлъ о томъ ни малѣйшаго понятія; догадывался, однако, что это обязываетъ меня сообщать полиціи, если куда вздумаю поѣхать, а можетъ быть и еще что-нибудь. Чтобъ выйти изъ неизвѣстности, направился къ Суворову, который лично меня зналъ.—Что вамъ нужно, Пантелѣевъ?—Да, вотъ, ваша свѣтлость, хочу поѣхать въ Вологду.—И прекрасно дѣлаете; тамъ вы нѣсколько успокоитесь отъ всѣхъ здѣшнихъ треволненій. У меня въ Вологдѣ пріятель губернаторъ, Хоминскій; онъ полякъ, былъ губернаторомъ въ Ковно; ну, тамъ демонстраціи и т. п.; просился, чтобъ перевели его въ болѣе спокойную губернію; вотъ онъ теперь въ Вологдѣ и недавно писалъ мнѣ, что болѣе спокойнаго мѣста еще не видалъ; даже нашелъ помѣщика, который не слыхалъ, что Наполеонъ въ 12-мъ году былъ въ Россіи. Хотите, я вамъ дамъ письмо къ Хоминскому?—Очень буду обязанъ.—И тутъ же Суворовъ отдалъ распоряженіе правителю канцеляріи Четыркину приготовить письмо. Когда черезъ нѣсколько дней Четыркинъ вручилъ мнѣ письмо, то сказалъ: — Такое, батюшка, письмо, что даже отецъ о сынѣ такъ не написалъ бы.

Несмотря на это письмо, я при отъѣздѣ позвалъ дворника и сказалъ ему, чтобы онъ передалъ приставу, что я ѣду въ Вологду. И затѣмъ полагалъ, что всѣ формальности съ моей стороны выполнены. И вотъ я въ дорогѣ.

Въ Москвѣ я рѣшительно никого не зналъ; тамъ въ университетѣ были два-три земляка, но съ ними не стоило и разговоръ начинать. Тѣмъ

съ большимъ интересомъ я ждалъ встрѣчи съ кружкомъ Аргиропуло и Зайчневскаго. Тотъ и другой однако сидѣли подъ арестомъ, помѣщались въ какой то части, а можетъ быть и въ разныхъ, — хорошо не помню, но доступъ къ нимъ былъ совершенно свободенъ. Оба они пребывали въ ожиданіи конфирмаціи по ихъ дѣлу; Зайчневскій былъ приговоренъ въ каторжныя работы за рѣчь, кажется, на какой-то панихидѣ и, какъ прибавляли, за попытку возмутить крестьянъ въ имѣніи своего отца; Аргиропуло судился за печатаніе запрещенныхъ сочиненій. Но была между ними и другая разница; въ то время какъ Зайчневскій кипѣлъ избыткомъ силъ, Аргиропуло находился въ послѣднемъ градусѣ какой-то болѣзни, и дни его видимо были сочтены; онъ, дѣйствительно, вскорѣ и умеръ въ Мясницкой больницѣ. Едва я предъявилъ свои рекомендаціи, какъ Зайчневскій сейчасъ же запустилъ руки въ шаровары (онъ былъ въ красной рубахѣ).—Вотъ вамъ новинка, сказалъ онъ, вручая мнѣ довольно большой полулистъ, отлично отпечатанный, съ заголовкомъ «Отъ русскаго центральнаго революціоннаго комитета».

Я бѣгло прочиталъ. — Ну, что скажете? — Очень сильная вещь, отвѣтилъ я дипломатически.—Прокламація мнѣ не понравилась, но я считалъ необходимымъ скрыть свое личное мнѣніе, чтобы не помѣшать успѣху дальнѣйшихъ разговоровъ. — Вотъ наша программа, сказалъ Зайчневскій, и если «Земля и Воля» согласна съ нею, то мы готовы идти вмѣстѣ.—Это было

сказано такимъ тономъ, какъ бы за словомъ «мы» стояла по меньшей мѣрѣ очень большая группа.—Нашъ посланный, продолжалъ Зайчневскій, теперь уже въ Петербургѣ, онъ долженъ прямо явиться къ Чернышевскому; конечно, повидаетъ кого-нибудь изъ вашихъ, имѣетъ адресъ Утина.—Эти послѣднія слова были мнѣ на руку, и я ухватился за нихъ.—Значитъ, мнѣ нѣтъ надобности,—отвѣчалъ я,—распространяться ни о принципахъ «Земли и Воли», ни о томъ способѣ дѣйствій, который она считаетъ необходимымъ въ періодъ подготовленія силъ и ихъ организаціи; вашъ посланный, конечно, обо всемъ этомъ достаточно освѣдомится въ Петербургѣ; потому перейдемъ къ нѣкоторымъ чисто практическимъ обстоятельствамъ; имѣете вы связи въ провинціи? — Провинція, батюшка, не Петербургъ, и даже не Москва: только въ провинціи и можно найдти людей дѣла.—Однако ни въ это свиданіе, ни въ послѣдующія, мнѣ рѣшительно не удалось получить какія нибудь указанія, которыя могли имѣть цѣну для меня. Видимо было, что кружокъ Аргиропуло и Зайчневскаго не выходилъ изъ предѣловъ Москвы, да и тутъ былъ не особенно великъ, можетъ быть человѣкъ пять-шесть, судя по тѣмъ посѣтителямъ, которые, какъ видно, были посвящены въ тайну происхожденія «Молодой Россіи».

Разговоры съ Зайчневскимъ становились утомительны; онъ тогда былъ въ періодѣ крайней экзальтаціи и поминутно повторялъ все одно и то же:—прошло время словъ, настала пора на-

стоящаго дѣла. Перечитавъ не разъ «Молодую Россію», я окончательно убѣдился, что это горячечный бредъ, да еще могущій по своему впечатлѣнію на общество повести къ очень дурнымъ послѣдствіямъ, потому всѣ данныя мнѣ экземпляры уничтожилъ. Но вотъ изъ Петербурга пришли извѣстія о пожарахъ, а затѣмъ посыпался рядъ извѣстій одно другого мрачнѣе: аресты среди молодежи, закрытіе журналовъ, воскресныхъ школъ, разныя репрессивныя мѣры. Вернулся посланный кружкомъ Зайчневскаго; онъ очевидно былъ смущенъ пріемомъ, который встрѣтилъ въ Петербургѣ *); но Зайчневскій не только не палъ духомъ, а напротивъ пришелъ въ какое-то восторженное состояніе; онъ былъ убѣжденъ, что петербургскіе пожары несомнѣнно дѣло какой-нибудь политической группы, и съ явной неохотой выслушивалъ меня, когда я старался его въ томъ разувѣрить. Надо сказать, Зайчневскій совсѣмъ не былъ человѣкъ невѣже-

*) Чернышевскій отказался принять доставленные ему для распространенія экземпляры и вообще сухо встрѣтилъ посланнаго (С.). Но потомъ его точно раздумье взяло, что онъ оттолкнулъ отъ себя людей, можетъ быть, черезчуръ экзальтированныхъ, но во всякомъ случаѣ энергическихъ и преданныхъ революціонному дѣлу: онъ рѣшилъ выпустить особаго рода прокламацію — „Къ нашимъ лучшимъ друзьямъ": скорый арестъ помѣшалъ ему выполнить это намѣреніе. (Объ этомъ мнѣ говорилъ Утинъ, когда я вернулся въ Петербургъ). До какой степени однако въ обществѣ существовало убѣжденіе въ причастности Чернышевскаго даже къ крайнимъ революціоннымъ проявленіямъ, всего лучше свидѣтельствуетъ визитъ, который ему сдѣлалъ Ѳ. М. Достоевскій послѣ апраксинскаго пожара. Ѳ. М. убѣждалъ Чернышевскаго употребить все свое вліяніе, чтобы остановить революціонный потокъ.

ственный; несомнѣнно онъ много читалъ, особенно хорошо зналъ французскую соціалистическую литературу; у него была своя крѣпкая логика, даръ слова и тотъ огонь, который можетъ увлечь толпу. Но онъ страдалъ однимъ, тогда широко распространеннымъ недугомъ мысли: исходъ тѣхъ или другихъ великихъ событій зависѣлъ не отъ соотношенія силъ борющихся общественныхъ элементовъ, а отъ случайностей. Если-бы Луи-Бланъ былъ менѣе довѣрчивъ, или Ледрю-Ролленъ не растерялся бы при такихъ то обстоятельствахъ,—исторія всего земного шара была бы совсѣмъ другая. Съ этимъ отпечаткомъ мысли Зайчневскій кажется и умеръ; я случайно видѣлся съ нимъ на другой день послѣ неудачной демонстраціи 6 декабря 1876 г. на Казанской площади.—Этотъ день, сказалъ мнѣ Зайчневскій, могъ бы стать однимъ изъ самыхъ славныхъ дней въ исторіи русской революціи, если бы... не какая-то путаница въ распоряженіяхъ иниціаторовъ демонстраціи *). Должно быть въ началѣ 70-хъ годовъ онъ вернулся изъ Сибири, въ 80-хъ былъ вновь административно туда высланъ и жилъ въ Иркутскѣ; тамъ одно время велъ иностранный отдѣлъ въ «Восточномъ Обозрѣ-

*) За „Молодую Россію" никто не пострадалъ, по крайней мѣрѣ изъ кружка лицъ, выпустившихъ ее, и такъ какъ тайна ея происхожденія была хорошо сохранена, то это дало возможность весьма основательно пустить фабулу, что она вышла изъ провокаторскаго источника; я самъ направо и налѣво распространялъ это, пока наконецъ совсѣмъ не забыли о „Молодой Россіи". Мнѣ иногда приходится встрѣчать одного изъ бывшихъ членовъ тѣснаго кружка Аргиропуло и

ніи»; опять вернулся въ Россію и умеръ въ 1895 г. въ Смоленскѣ. О «Молодой Россіи» однако неохотно вспоминалъ даже въ кругу лицъ, близкихъ къ этому дѣлу, хотя до конца жизни оставался, въ своемъ родѣ, Якобинцемъ.

Я прожилъ въ Москвѣ довольно долго, но результатъ для «Земли и Воли» былъ равенъ нулю, никуда и никакихъ указаній не получилъ. Что касается до кружка Аргиропуло и Зайчневскаго, то за весьма вѣроятной смертью перваго и предстоящей высылкой второго, онъ, по моимъ соображеніямъ, долженъ былъ прекратить свое существованіе. Я рѣшилъ поѣхать въ Вологду, какъ ни мало тамъ было шансовъ на успѣхъ; все же разсчитывалъ найти хоть какую-нибудь зацѣпку.

Отъ Москвы до Данилова я пропутешествовалъ въ разныхъ дилижансахъ; далѣе приходилось ѣхать на почтовыхъ; однако, безъ подорожной въ Даниловѣ лошадей не отпустили; обращаюсь къ городничему о выдачѣ подорожной.

— Вашъ паспортъ.—Я предъявляю разные документы, удостовѣряющіе мою личность, какъ-то, метрическое свидѣтельство, выписку изъ дворянской книги, гимназическій аттестатъ.—Нѣтъ,

---

Зайчневскаго, даже считать его въ числѣ своихъ друзей. Онъ, конечно, давнымъ давно отрезвился отъ крайнихъ увлеченій молодежи: но вездѣ этотъ человѣкъ, а судьба порядочно таки бросала его съ одного конца Россіи на другой, вызывалъ во всѣхъ знавшихъ его чувство самаго глубокаго уваженія. И дѣйствительно, трудно себѣ представить личность, болѣе деликатно-гуманную и самоотверженно работающую въ сферѣ его не легкой спеціальности.

все это не годится, нуженъ паспортъ,—стоялъ на своемъ старикъ городничій изъ военныхъ. Никакіе уговоры на него не дѣйствовали; тогда, въ видѣ крайняго аргумента я показалъ ему письмо Суворова.

— Вотъ видите, что я везу.—Посмотрѣлъ городничій запечатанный конвертъ (а на немъ значилось: «Отъ его свѣт. кн. Суворова») и сейчасъ же приказалъ выдать подорожную. Узнавши, что я бывшій студентъ, сталъ разспрашивать о студенческой исторіи.—Такъ это вы съ тросточками-то бунтовать выходили!—и закатился гомерическимъ хохотомъ;—да я бы васъ изъ пожарной кишки окатилъ, вотъ и все. А теперь пойдемте ко мнѣ, жена давно за самоваромъ ждетъ; лошадей же велимъ подать прямо ко мнѣ.

Наконецъ, я въ Вологдѣ. Тамъ, конечно, представился губернатору и передалъ ему письмо Суворова. Прочитавъ письмо, Хоминскій обратился ко мнѣ:—Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? Не желаете ли поступить на службу.—Я поблагодарилъ, и отвѣтилъ, что нѣтъ. —Не имѣете ли здѣсь какое дѣло, въ которомъ можетъ быть необходимо содѣйствіе администраціи?—Нѣтъ, я просто пріѣхалъ провести часть лѣта и отдохнуть.

Въ одинъ прекрасный день Хоминскій уже собрался было отдать мнѣ визитъ, какъ пришла петербургская почта и принесла на его имя бумагу отъ с.-петербургскаго оберъ - полицеймейстера (Анненкова); въ ней сообщалось, что такой-то Пантелѣевъ, тайно скрывшійся изъ Петербурга,

по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ направился въ Вологду; что если онъ тамъ окажется, то на основаніи Высочайше утвержденной конфирмаціи по студенческому дѣлу, слѣдуетъ означеннаго Пантелѣева или выслать въ дальніе уѣзды, или отдать въ Вологдѣ на поручительство. Хоминскій не зналъ, какъ и поступить со мной, и частнымъ образомъ далъ мнѣ знать о своемъ затрудненіи. Я представилъ поручителя и остался въ Вологдѣ.

Въ Вологдѣ былъ у меня пріятель въ средѣ педагогическаго персонала; ранѣе я зналъ его какъ хорошаго учителя и добраго малаго; но теперь имѣлъ о немъ аттестацію и съ другой стороны; именно, одинъ изъ пріобщенныхъ мною къ «Землѣ и Волѣ» (членъ «Педагогическаго кружка») указалъ на него какъ на человѣка, которому можно довѣриться. Вижусь съ нимъ; онъ самъ съ первыхъ же словъ обнаружилъ большой интересъ къ послѣднимъ проявленіямъ движенія въ Петербургѣ и спросилъ меня, не привезъ ли я чего-нибудь новенькаго, т. е. прокламацій. Я имѣлъ съ собой десятка два брошюрки Огарева «Что нужно русскому народу»; по своей умѣренности и практической постановкѣ общественныхъ вопросовъ она была очень пригодна для провинціи. Разспросилъ его о Бекманѣ; отзывъ былъ самый восторженный: умница, человѣкъ большого такта и общій любимецъ въ Вологдѣ, но, конечно, спитъ и видитъ, какъ бы поскорѣе выбраться изъ Вологды; да и сильно плохъ здоровьемъ. Ужъ не разъ губернаторы ходатайствовали о переводѣ его въ болѣе теплый

климатъ, но всякій разъ представленіе разбивалось о противодѣйствіе жанд. полковника Зарина.

Не прошло и двухъ дней, какъ я уже познакомился съ Бекманомъ. Онъ оказался прямой противоположностью Зайчневскому; при живомъ темпераментѣ человѣкъ, однако, весьма уравновѣшенный, видно было, что онъ не только много читалъ, но и очень вдумчиво относился къ прочитанному. При томъ онъ отличался способностью отлично понимать людей и прежде всего со стороны пригодности ихъ на что-нибудь; а такъ какъ при томъ онъ отличался тонкимъ юморомъ, то его характеристики не только дѣйствительно выдающихся людей, напр. Н. X. Бунге, или Виталія Шульгина, но даже вологодскихъ дѣятелей выходили очень мѣтки и остроумны. Меня особенно поразило въ Бекманѣ умѣнье всякій вопросъ ставить въ ясно опредѣленныя рамки и, ни на минуту не уклоняясь отъ существа предмета, приходить къ послѣдовательно вытекавшему заключенію. Видно было, что долгая кружковая практика не прошла для него даромъ, и въ то же время становилась понятной та первенствующая роль, которую онъ игралъ на югѣ въ средѣ университетской молодежи. Жизнь въ Вологдѣ, гдѣ онъ дѣйствительно пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, крайне тяготила его.—Уходятъ года, уходятъ силы, живешь здѣсь точно въ пустомъ пространствѣ,—говорилъ онъ.—Я рѣшилъ вести съ нимъ разговоръ въ самомъ скромномъ тонѣ.—Въ Петербургѣ положено начало организаціи «Земли и Воли», только начало,

да и оно должно было сильно пострадать отъ послѣднихъ арестовъ; можетъ ли организація разсчитывать на какое-нибудь содѣйствіе съ вашей стороны?—Да вѣдь надо же когда-нибудь начинать,—спокойно отвѣтилъ Бекманъ;—только въ Вологдѣ плохая почва, можетъ быть, человѣка два найдется, которыхъ стоитъ привлечь. Правда, здѣсь чуть не на рукахъ носятъ поляковъ (ихъ было много административно высланныхъ, главнымъ образомъ, изъ Царства Польскаго); особенно увлекается ими прекрасный полъ, но вѣдь это ничего не значитъ. Какъ и вездѣ въ провинціи, въ Вологдѣ наповалъ ругаютъ правительство, этимъ однако не надо обманываться. Вотъ Петръ Петровичъ чуть не красный, потому что, вмѣсто губернаторства, ему предложили выйдти въ отставку; Иванъ Николаевичъ тоже недоволенъ, думалъ, что ему по случаю 19 февраля дадутъ генерала, но его протекторъ Ростовцевъ умеръ ранѣе, и онъ остался ни при чемъ. И у всякаго есть какой-нибудь чисто личный мотивъ. Если вамъ придется встрѣтить Александра Михайловича, прислушайтесь,—чистый якобинецъ, когда заговоритъ о правительствѣ: у него, видите ли, отняли крестьянъ, да еще заставили землю имъ дать; и хотя онъ отвелъ имъ болота, но кричитъ, что его ограбили. Но такъ какъ имъ (т. е. дворянамъ) удалось смѣстить двухъ губернаторовъ, то теперь какъ-то меньше говорятъ о земскомъ соборѣ. Впрочемъ, есть здѣсь два князя, вотъ это настоящіе революціонеры,—отъ огромнаго состоянія у нихъ остается ровно настолько,

чтобы умирая было на что похорониться съ подобающимъ церемоніаломъ. Что можно будетъ сдѣлать — постараюсь, — заключилъ Бекманъ; жаль, что въ Вологдѣ нѣтъ болѣе Марьи Егоровны (?) Пейкеръ *), при ея содѣйствіи можно было произвести нѣкоторый сборъ денегъ.—А нѣтъ ли у васъ хорошихъ и надежныхъ знакомыхъ въ такихъ-то и такихъ краяхъ?—Положительно никого.

Хотя я не имѣлъ никакого основанія сомнѣваться въ отзывахъ Бекмана, все же рѣшилъ прожить нѣкоторое время въ Вологдѣ и лично присмотрѣться. Я свелъ немало знакомствъ, даже бывалъ въ клубѣ, перезнакомился съ поляками. Изъ послѣднихъ двое выдавались,—Вацлавъ Пршебыльскій, учитель гимназіи, незадолго передъ тѣмъ переведенный противъ его желанія изъ Вильно, и Антонъ Корженевскій, литераторъ изъ Варшавы. Послѣдній держалъ себя очень гордо, почти ни съ кѣмъ изъ мѣстнаго общества не познакомился. Изъ его словъ выходило, что въ Варшавѣ партія, ведшая дѣло къ революціонному взрыву, господствуетъ надъ положеніемъ вещей.—На нашемъ знамени написано: «Польша въ границахъ до разбора», а на это добровольно русское правительство никогда не согласится.—Но вѣдь съ этой программой вы будете имѣть противъ себя не только Россію, но и Австрію съ Пруссіей, на какія же силы вы разсчитываете?—

*) Ея мужъ былъ въ Вологдѣ передъ тѣмъ вице-губернаторомъ.

Народное возстаніе, поддержка всей революціонной партіи въ Европѣ съ Гарибальди и Кошутомъ, да и Франція будетъ за насъ.—Вы говорите о народномъ возстаніи, чѣмъ же вы думаете поднять народъ?—За «ойчизну» встанетъ все, отъ мала до велика.—И это говорилъ не юноша, а человѣкъ, которому было порядочно за тридцать лѣтъ, и о которомъ шла молва, что онъ одинъ изъ видныхъ вожаковъ партіи дѣйствія. Интересно, что Корженевскій былъ, помнится, родомъ изъ юго-западнаго края, гдѣ настроеніе народныхъ массъ оказалось всего менѣе благопріятнымъ для польскаго дѣла. Теперь, спустя сорокъ лѣтъ, трудно даже и представить себѣ то возбужденное до ослѣпленія состояніе, въ которомъ находилось польское общество въ началѣ 60-хъ годовъ.

В. Пршебыльскій ни въ какіе подобные разговоры не пускался; отличный учитель (естественной исторіи), онъ бывалъ въ обществѣ, и его вездѣ любезно принимали какъ человѣка образованнаго и весьма остроумнаго. Осенью того же года ему удалось какъ-то выбраться изъ Вологды,—онъ былъ у меня въ Петербургѣ; затѣмъ онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ возстаніи, былъ одно время начальникомъ г. Варшавы, кажется, даже революціоннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и при общемъ крушеніи какъ-то уцѣлѣлъ, бѣжалъ за границу, гдѣ и умеръ.

Встрѣчался и съ второстепенными поляками, даже съ мѣстными чиновниками изъ поляковъ;

у всѣхъ патріотическое настроеніе (особенно у женщинъ) стояло на крайне высокой точкѣ и тѣмъ сильнѣе оттѣняло совершенно мертвенный застой мѣстнаго общества. Правда, среди него выдѣлялся яркимъ либерализмомъ совѣтникъ В. В — ій, но я былъ во время предупрежденъ Бекманомъ, что его словамъ никакой цѣны придавать нельзя. Помня совѣтъ господина съ пенсне, я усердно ходилъ по городскимъ базарамъ, не разъ ѣздилъ въ Прилуки (большое село съ базаромъ); но то ли моя совершенная неопытность въ роли наблюдателя, или ужъ мнѣ просто не везло, только вездѣ я слышалъ самые будничные разговоры, не дававшіе ничего, чтобъ вынести хоть какое-нибудь представленіе о настроеніи народа. Въ концѣ-концовъ я рѣшилъ вернуться въ Петербургъ, да и надо было этимъ поторопиться, такъ какъ изъ вѣрнаго источника получилъ предостереженіе, что ко мнѣ начинаетъ усиленно присматриваться жандармскій полковникъ Заринъ *).

---

*) Это былъ очень тучный человѣкъ, но Тимашевъ вѣрно выразился, что Заринъ гораздо тоньше, чѣмъ кажется съ виду. На первыхъ порахъ Заринъ всѣхъ очаровалъ въ Вологдѣ своимъ либерализмомъ: ну и пожалъ плоды, такъ что скоро былъ переведенъ на довольно видный постъ въ Петербургъ. Впрочемъ, пріемы Зарина не отличались особенной утонченностью; вотъ хоть бы случай со мной. Я въ Вологдѣ по пріѣздѣ рѣшительно не хотѣлъ связывать себя какими-нибудь занятіями, но по времени принялъ крайне выгодные уроки у А. А. Левашева, грязовецкаго уѣзднаго предводителя дворянства, подготовлять его сына къ переэкзаменовкѣ. Я два раза въ недѣлю ѣздилъ въ подгородную усадьбу Левашева. И вотъ по времени узнаю, что Заринъ у вице-губернатора Лаврова, за отсутствіемъ Хоминскаго управлявшаго въ то

О поѣздкѣ въ Петрозаводскъ ни одну минуту и не думалъ; еще въ Петербургѣ Матвѣй Яковлевичъ Свириденко *), старый пріятель Рыбникова, далъ о немъ такую аттестацію, которая мало подавала надеждъ, что его можно привлечь на сторону «Земли и Воли»; теперь же, послѣ петербургскихъ событій, особенно арестовъ Чернышевскаго, Н. С. Соловьевича, нечего было объ этомъ и думать. Сунуться на Волгу, не имѣя никакихъ рекомендацій, было совершенно невозможно; къ тому же въ Вологдѣ я попалъ въ положеніе полуподнадзорнаго, такъ что лишь съ трудомъ оттуда выбрался. Въ то же время у меня, по неопытности, не было при себѣ настоящаго вида, и я нигдѣ не могъ получить подорожной; ни господинъ съ пенсне, ни Н. С. Соловьевичъ о практической сторонѣ поѣздки и словомъ не обмолвились.

Проѣзжая черезъ Москву, я уже не нашелъ

время губерніей, велъ обо мнѣ такой разговоръ:—Удивительно, какъ нынѣ высокопоставленныя лица легко даютъ свои рекомендаціи; напримѣръ, Пантелѣевъ имѣлъ отъ кн. Суворова письмо къ губернатору, а между тѣмъ что же дѣлаетъ здѣсь этотъ Пантелѣевъ? онъ у Левашева возмутилъ крестьянъ противъ него, возстановилъ сына противъ отца, на бульварѣ заводитъ предосудительные разговоры съ гарнизонными офицерами и старается поколебать въ нихъ чувство долга.—Когда я передалъ Левашеву эти сплетни, тотъ былъ до крайности ими возмущенъ, самъ поѣхалъ къ Лаврову и заявилъ, что ничего подобнаго и тѣни не было. Что касается до офицеровъ, то я ни съ однимъ изъ нихъ и двухъ словъ не сказалъ.

*) Управлялъ магазиномъ Кожанчикова, съ университетскимъ образованіемъ, большой пріятель Н. И. Костомарова и для своего времени очень интересная личность; умеръ въ концѣ 64 года.

Зайчневскаго, Аргиропуло былъ переведенъ въ Мясницкую больницу, гдѣ онъ и умеръ въ декабрѣ того же года *), никого изъ кружка не видалъ, онъ пересталъ существовать **).

---

*) По вскрытіи оказалось воспаленіе мозговыхъ оболочекъ и мозга.

**) По пріѣздѣ въ Петербургъ узнаю, что Суворовъ за что-то сердится на меня; иду къ Суворову. Прежде всего встрѣчаю Четыркина.—Ну, батюшка. отблагодарили же вы князя за письмо.—Да, увѣряю васъ, что это должно быть сплетни жанд. полковника Зарина. — Но вотъ и самъ Суворовъ. — А. Пантелѣевъ, вы и въ Вологдѣ не усидѣли спокойно. – Тогда я разсказалъ ему, какія глупости распространялъ обо мнѣ Заринъ, а также объ объясненіи, которое имѣлъ Левашевъ съ вице-губернаторомъ Лавровымъ. — Это такъ было? — Совершенно такъ.—Ну, хорошо; я и скажу Долгорукому, что самъ наводилъ справки въ Вологдѣ. и что все сообщенное о васъ Заринымъ чистая выдумка.

Уѣзжая изъ Вологды, я спросилъ Бекмана, не дастъ-ли онъ мнѣ разрѣшенія попросить Суворова, чтобы тотъ похлопоталъ о переводѣ его на югъ; Бекманъ разрѣшилъ мнѣ это. Теперь, пользуясь добрымъ настроеніемъ Суворова. я обратился къ нему съ ходатайствомъ о Бекманѣ и выставилъ его какъ жертву безсердечія Зарина. — Подайте мнѣ докладную записку, — отвѣтилъ Суворовъ. Черезъ день я вручилъ Суворову записку о Бекманѣ. Но вотъ. прошла какая-нибудь недѣля, или немного болѣе. и я узнаю. что Бекманъ и всѣ его бывшіе товарищи разосланные по разнымъ городамъ (Завадскій, Зеленскій, Португаловъ) арестованы и привезены въ Петербургъ. Ихъ почему-то заподозрили въ прикосновеніи къ новому черниговскому дѣлу. кажется, Лободы.—Ну. подумалъ я, теперь Суворовъ не на шутку разсердится на меня; вѣроятно подумаетъ, что я заранѣе зналъ, что Бекману можетъ угрожать арестъ, и вмѣшательствомъ Суворова хотѣлъ нѣсколько парировать эту бѣду.—Иду къ Суворову: и опять прежде всего наталкиваюсь на Четыркина. — Ну. батюшка, удружили вы князю. онъ о вашемъ Бекманѣ лично говорилъ съ Долгорукимъ и Валуевымъ; тѣ отвѣчали, что пусть войдетъ съ письменнымъ ходатайствомъ. Ужъ были готовы бумаги и подписаны княземъ. оставалось только отправить ихъ; но въ эту самую минуту получается списокъ арестантовъ Петропавловской крѣпости, и тамъ вижу. что въ числѣ ихъ вашъ Бекманъ. Долгорукій даже выговаривалъ князю, что онъ берется ходатайствовать за лицъ, которыя даже и

Вернувшись въ Петербургъ, конечно, первымъ дѣломъ вижусь съ Утинымъ; отъ него узналъ, что арестованъ и Рымаренко, а господинъ съ пенсне куда-то уѣхалъ, и нѣтъ о немъ никакихъ слуховъ.—Съ кѣмъ же ты сносишься? — Ни съ кѣмъ; знаешь-ли, что я думаю: никакого теперь комитета нѣтъ. — Да вѣдь не одинъ же Н. С. Соловьевичъ составлялъ комитетъ; кто съ нимъ могъ быть близокъ?—По нѣкоторомъ соображеніи остановились на А. Н. Энгельгардтѣ. Дальше, съ Чернышевскимъ былъ близокъ господинъ à la Вирховъ (такъ буду его называть, потому что онъ одѣвался въ бархатный пиджакъ); зналъ онъ и Н. С. Соловьевича, должно быть, или принималъ участіе, или, по крайней мѣрѣ, могъ быть хорошо освѣдомленъ. Рѣшили, что я повидаю Энгельгардта, а Утинъ переговоритъ съ господиномъ à la Вирховъ.

Я вернулся въ Петербургъ, когда впечатлѣніе отъ пожаровъ стало уже проходить; къ тому же, слѣдствіе не дало никакихъ указаній на политическій характеръ пожаровъ, арестованныхъ по этому поводу студентовъ одного за другимъ

въ ссылкѣ не оставляютъ своихъ дѣлъ. — Но вотъ выходитъ въ пріемную самъ Суворовъ и, замѣтивъ меня, самымъ добродушнымъ тономъ сказалъ: — Ну, теперь я ничего не могу сдѣлать въ пользу вашего Бекмана, онъ опять арестованъ и сидитъ въ Петропавловской крѣпости.—Я горячо сталъ объяснять, что арестъ Бекмана произошелъ несомнѣнно по недоразумѣнію. И дѣйствительно, мѣсяца черезъ два-три Бекманъ и его товарищи были освобождены, никакихъ за ними новыхъ прегрѣшеній не оказалось. Бекмана перевели въ Самару; но арестъ окончательно подорвалъ его здоровье, и онъ вскорѣ умеръ.

освободили. По мѣрѣ того, какъ общество успокаивалось, въ немъ стала обнаруживаться реакція въ противоположномъ направленіи, и громко высказывалось неудовольствіе на разныя репрессивныя мѣры, принятыя въ концѣ мая и послѣдующее время. Утину и мнѣ думалось, что «Землѣ и Волѣ» слѣдовало воспользоваться этимъ поворотомъ въ общественномъ настроеніи и заявить о своемъ существованіи. Однако поиски комитета оказались совершенно безуспѣшными; А. Н. Энгельгардтъ категорически заявилъ мнѣ, что никакого центра не зналъ, да вѣроятно его и не было, что вообще онъ не вѣритъ въ русскую революцію и т. п. Все это было высказано раздражительнымъ тономъ, въ которомъ проглядывало даже озлобленіе. Господинъ à la Вирховъ, хотя тоже о комитетѣ ничего не сказалъ, выразился однако въ смыслѣ необходимости продолжать агитацію. Другія лица, напримѣръ, Г. З. Елисѣевъ, то ли сами ничего не знали, то ли маскировались въ полное невѣдѣніе. Тогда мы съ Утинымъ рѣшили — есть ли комитетъ, нѣтъ ли (это долженъ былъ разъяснить намъ господинъ съ пенсне, когда вернется,—мы знали, что онъ не арестованъ)—сформировать свой конспиративный кружокъ. На такое рѣшеніе главнымъ образомъ повліяло настроеніе молодежи, которую реакція, особенно аресты (кромѣ Чернышевскаго, Н. С. Соловьевича и Писарева, были еще арестованы бывшіе студенты университета: Баллодъ, Даненбергъ, Яковлевъ, ст. м. х. ак. Хохряковъ, Беневоленскій и др.) не только не

устрашали, а толкали впередъ. Но кого привлечь въ нашъ кружокъ? Послѣ долгаго обсужденія нашъ выборъ остановился на Гулевичѣ, Жукѣ и господинѣ à la Вирховъ. Имя послѣдняго было окружено ореоломъ: «Близкій человѣкъ къ Чернышевскому», «другъ Добролюбова»; онъ не только имѣетъ солидныя связи, но его профессія открываетъ ему двери во всѣ сферы. Переговорили съ каждымъ въ отдѣльности; въ согласіи Жука и Гулевича мы заранѣе почти не сомнѣвались; но были очень обрадованы, что господинъ à la Вирховъ далъ такой же отвѣтъ.

Вотъ и собрались. Сущность обмѣна мыслей сводилась къ тому, что нужно продолжать дѣло, начатое «Землей и Волей», привлекать новыхъ членовъ, собирать деньги, а главное въ данный моментъ необходимо заявить, что, несмотря на аресты и разныя репрессивныя мѣры, «Земля и Воля» существуетъ. Это послѣднее можно было сдѣлать только однимъ способомъ — выпустить прокламацію. Сочинить ее не трудно, а какъ отпечатать? Былъ конецъ лѣта, за недорогую цѣну наняли дачу, тамъ поселили одно рекомендованное мною молодое супружество, изъ кружка Судакевича и Островскаго взяты были рабочія силы, а шрифты и все прочее любезно доставилъ молодой и популярный издатель О. И. Бакстъ, имѣвшій свою типографію. О чемъ же слѣдовало говорить въ прокламаціи?—По моему настоянію она должна была явиться обращеніемъ къ образованнымъ классамъ; въ ней надо было указать, какъ позорно поддалось паникѣ наше образован-

ное общество, что послѣдствіемъ этого была лишь дикая реакція, что собственные интересы образованныхъ классовъ громко говорятъ за то, что они должны выступить на дорогу энергичной борьбы съ правительствомъ; не послушаютъ они этого послѣдняго предостереженія, — имъ грозитъ гнѣвъ народный, и т. д. Утинъ живо сочинилъ, всякъ, конечно, предложилъ кое-какія поправки; а по нѣкоторомъ времени прокламація была чистенько отпечатана на почтовой бумагѣ и по возможности распространена. Она однако не произвела сколько нибудь замѣтнаго эффекта *); молодежь находила ее блѣдною; многіе прямо заявляли, что обращаться къ обществу — это значитъ напрасно терять время, что говорить слѣдуетъ только съ народомъ. Легко это было совѣтовать, а какъ дѣлать,—на этотъ счетъ опредѣленной мысли тогда еще никѣмъ не высказывалось.

Несмотря на то, что прокламація «Къ образованнымъ классамъ» прошла не замѣченною, мы, т. е. кружокъ, были очень довольны: дѣло дѣлается совсѣмъ не такъ хитро, какъ это могло казаться. И мы стали подумывать о выпускѣ своего рода періодическаго изданія, какъ органа «Земли и Воли». Утинъ принялся за редактированіе перваго номера, который долженъ былъ явиться своего рода profession de foi, какъ вдругъ точно снѣгъ на голову заявился господинъ съ

---

*) Н. Ф. Павловъ въ своемъ „Наше Время" довольно язвительно высмѣялъ эту прокламацію.

пенсне. Онъ, по его словамъ, много объѣхалъ, вездѣ настроеніе очень бодрое, вездѣ организуются, особенно хорошо идутъ дѣла на Волгѣ. Это было пріятно слышать. — А что же комитетъ?—Тутъ господинъ съ пенсне далъ до крайности неясныя и уклончивыя объясненія, изъ которыхъ мы опредѣленно заключили, что никакого теперь комитета нѣтъ; а что касается до прошлаго, то если комитетъ и существовалъ, то вѣроятно состоялъ изъ Н. С. Соловьевича, Рымаренко, господина съ пенсне. Но господинъ съ пенсне часто любилъ говорить о Чернышевскомъ, ссылался въ извѣстныхъ случаяхъ на его авторитетъ; это дало намъ поводъ думать, что можетъ быть Чернышевскій игралъ роль верховнаго руководителя. Это насъ очень анкуражировало.

Узнавъ, что мы сгруппировались въ своего рода центральный кружокъ и даже выпустили прокламацію, господинъ съ песне очень насъ похвалилъ и заявилъ, что съ особенной охотой готовъ работать съ нами; таинственно намекалъ на свои связи и часто говорилъ объ одномъ большомъ военномъ кружкѣ въ Петербургѣ. Понятно, мы были рады, что господинъ съ пенсне входитъ въ нашъ кружокъ. Вскорѣ какъ бы для поддержанія своихъ сообщеній онъ каждому изъ насъ вручилъ нѣчто въ родѣ чековой книжки.

— Необходимо,—говорилъ онъ,—для устраненія всякихъ сомнѣній, выдавать квитанціи въ получаемыхъ деньгахъ въ пользу «Земли и Воли»; вотъ здѣсь надо вписывать получаемую сумму и

отрывать, какъ квитанцію; а тутъ (у корешка) лицо, вносящее деньги, можетъ своей рукой проставить, сколько имъ внесено. — Въ первую минуту эти книжки очень заинтересовали насъ; онѣ были хорошо отпечатаны, на какой-то особенной бумагѣ, съ бордюромъ, и на нихъ имѣлась печать: «Земля и Воля». Однако въ ходъ пустить ихъ неудалось: всѣ отказывались отъ полученія квитанцій. Не знаю, какъ другіе, а я имѣлъ наивность нѣсколько мѣсяцевъ хранить свою книжку; наконецъ, уничтожилъ ее какъ вещь, совершенно безполезную, а въ то же время крайне опасную.

Въ первое время господинъ съ пенсне нѣкоторыми пріемами обнаружилъ притязаніе на главное руководительство дѣломъ; съ его языка иногда свертывались выраженія: вы сдѣлайте то то, а вы вотъ это, я распоряжусь, я васъ созову. Однако мы скоро дали ему ясно понять, что никакого начальства надъ собой не признаемъ, а всѣ между собой держимся на равной товарищеской ногѣ.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о главныхъ членахъ нашего кружка. Н. Утинъ имѣлъ широкія связи между бывшими студентами, особенно опирался на очень большой кружокъ, во главѣ котораго стояли Судакевичъ и Островскій; этотъ кружокъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «петербургской коммуны». Внѣ этой среды, хотя у Утина и были знакомства, главнымъ образомъ, въ литературномъ мірѣ, онъ, однако, не имѣлъ никакого вліянія; связей въ среднемъ классѣ у

него совсѣмъ не было. Утинъ отличался даромъ слова, только часто переходилъ въ излишній паѳосъ; тѣмъ не менѣе на этомъ, главнымъ образомъ, и держалось его вліяніе среди молодежи. При случаѣ могъ сочинить стихи; такъ посланіе къ Михайлову отъ студентовъ, сидѣвшихъ въ Петропавловской крѣпости, вышло изъ подъ пера Утина. До осени 61 г. это былъ очень занимающійся студентъ (ист.-фил. фак.) и на 3-мъ курсѣ получилъ золотую медаль за работу объ Аполлоніи Тіанскомъ *). Потомъ, конечно, всякая наука до такой степени была отложена въ сторону, что онъ ни въ 62 г., ни даже въ 63 г. и не подумалъ сдать кандидатскій экзаменъ, что ему не стоило бы большого труда. Тогда направленіе Утина было чисто политическое; отъ предшествующаго времени онъ не вынесъ никакого ознакомленія съ соціально-экономическими вопросами; а теперь, отдавшись агитаціи, едва успѣвалъ пробѣгать журналы. Ни дальновидностью сужденія, ни особенною способностью легко разбираться въ путаницѣ текущихъ явленій онъ не отличался. Правда, ему было всего 21 годъ, но какъ-то не чувствовалось, что въ немъ есть серьезные задатки настоящаго общественнаго дѣятеля. Многимъ, вѣроятно, и тогда не разъ приходило на мысль—

---

*) Конкурентомъ у него былъ Писаревъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о петербургскомъ университетѣ Писаревъ весьма зло разсказываетъ, какъ ему хотѣли присудить золотую медаль за бойкость изложенія. Въ факультетѣ у нѣкоторыхъ профессоровъ явилось совершенно неосновательное подозрѣніе, что Утинъ не самъ писалъ представленную имъ работу.

надолго ли хватитъ этого возбужденія, и не является ли въ немъ преобладающимъ элементомъ скорѣе желаніе играть роль, чѣмъ искреннее чувство человѣка, всецѣло отдавшагося извѣстной идеѣ. Хотя и сынъ очень богатаго человѣка, онъ, однако, располагалъ довольно умѣренными средствами, кажется, получалъ 125 руб. въ мѣсяцъ на свои карманные расходы.

Александръ Антоновичъ Жукъ до крѣпости почти никому не былъ извѣстенъ; хотя и полякъ (если не ошибаюсь, изъ внутреннихъ губерній) онъ къ польской корпораціи никакихъ отношеній не имѣлъ и держалъ себя какъ настоящій русскій. Въ студенческой исторіи сколько нибудь замѣтной роли не игралъ; но онъ обратилъ на себя вниманіе въ крѣпости своимъ умомъ, выдержанностью и очень строгимъ нравственнымъ критеріемъ, который онъ ярко выдвигалъ при сужденіи о людяхъ въ ихъ общественной дѣятельности.

Мих. Сем. Гулевичъ объявился совершенно неожиданно; онъ былъ сначала студентомъ харьковскаго университета, имѣлъ нѣкоторое касательство къ кружку Бекмана, но уцѣлѣлъ; затѣмъ перешелъ въ петербургскій университетъ. Въ студенческой исторіи тоже не принадлежалъ къ виднымъ дѣятелямъ; онъ всплылъ передъ выборами во II Отдѣленіе при литературномъ фондѣ; кто-то указалъ на него, что онъ имѣетъ большія связи между студентами малороссами и очень вліятеленъ. Это былъ человѣкъ живой, находчивый, остроумный; но такъ какъ старое

студенчество сильно поредѣло къ осени 62 г., то на самомъ дѣлѣ связей у него не было.

Господинъ à la Вирховъ по своимъ профессіональнымъ занятіямъ естественно не могъ работать въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; онъ едва находилъ время бывать на собраніяхъ кружка (который я уже буду далѣе называть комитетомъ,—такъ онъ самъ сталъ себя величать). Но мы на это не были въ претензіи; наши расчеты были на его связи, которыя по меньшей мѣрѣ должны были дать намъ нѣкоторыя матеріальныя средства. Главное же — «близкій человѣкъ къ Чернышевскому», «другъ Добролюбова» (никому и въ голову не приходило провѣрить, насколько все это такъ), мы просто за честь ставили себѣ имѣть его среди насъ. Къ тому же онъ всегда выражался такими отборными фразами истиннаго демократа, правда, нѣсколько ходячими, но мы ихъ истолковывали въ томъ смыслѣ, что онъ не способенъ ни на какіе компромиссы. При случаѣ онъ умѣлъ подчеркнуть свое дѣйствительно демократическое происхожденіе.

Выпустили первый номеръ подъ заголовкомъ: «Свобода»; средактированъ онъ былъ несравненно удачнѣе, чѣмъ «Къ образованнымъ классамъ», и былъ замѣченъ. Н. Тибленъ, напр., прочитавъ его (собственно небольшой листокъ), сейчасъ же запустилъ руку въ карманъ и вручилъ мнѣ 200 руб.; Ник. Ник. Страховъ капиталами не обладалъ и явнаго оказательства сочувствія не заявилъ, но выразился приблизи-

тельно такъ:—Это совсѣмъ не похоже на «Молодую Россію», видно, что прокламація выпущена людьми, которые понимаютъ, какъ надо говорить съ обществомъ.—Молодежь выражала нетерпѣливое желаніе—скоро ли будетъ продолженіе. Вообще этотъ номеръ нѣсколько поднялъ фонды «Земли и Воли»; сужу по себѣ, пріобщеніе къ обществу пошло живѣе; я лично вскорѣ имѣлъ болѣе или менѣе прямыя отношенія человѣкамъ къ двадцати; изъ нихъ болѣе половины были военные (въ числѣ ихъ Гейнсъ, впослѣдствіи Фрей) или только что вышедшіе въ отставку.

Однако послѣ временнаго оживленія дѣло пошло все-таки не бойко, можно даже сказать, что почти и совсѣмъ остановилось. Господинъ съ пенсне все продолжалъ твердить о своихъ связяхъ, какихъ-то организующихся кружкахъ, но на дѣлѣ этого не было замѣтно; денегъ черезъ него почти не поступало, а какъ только заходилъ разговоръ о выпускѣ новой прокламаціи или командировкѣ куда-нибудь,—онъ не указывалъ никакихъ средствъ. Господинъ à la Вирховъ услаждалъ насъ разсказами въ родѣ слѣдующихъ: — видѣлъ вчера Григорія Захаровича (Елисѣева), разговоръ у насъ былъ по душѣ; «Не могутъ долго идти такъ дѣла, — говорилъ Гр. Зах.,—и кто это понимаетъ, тому надо быть наготовѣ. Или, — былъ у Николая Алексѣевича (Некрасова), сильно хандритъ; говоритъ, что безъ Николая Гавриловича не знаетъ, какъ и быть, даже писать ничего не можетъ. Сообщилъ

между прочимъ, что въ правительственныхъ кругахъ большая тревога, и что надо ждать еще усиленія реакціи».—Къ слову сказать, кромѣ личнаго взноса, никакихъ другихъ денегъ отъ господина à la Вирховъ не поступало.

А. А. Жукъ рѣшительно никого не привлекъ къ дѣлу, если не считать мало внушавшаго довѣріе Го—на (быв. ст.), сильно зашибавшаго *).

М. С. Гулевичъ на засѣданіяхъ только острилъ, да выдумывалъ разные пустяки, «чтобы испортить пищевареніе начальству», какъ онъ любилъ выражаться; впрочемъ у одной барышни, классной дамы, устроилъ небольшой складъ. Должно однако сказать, что Жукъ и Гулевичъ, когда въ томъ была надобность, отправлялись въ нашу типографію и тамъ работали.

Прежде всего, не ясно была поставлена ближайшая цѣль: расширять ли организацію вербовкой членовъ, собираніемъ денежныхъ средствъ, и только—до поры до времени; или рядомъ съ этимъ проявлять и еще какую-нибудь дѣятельность. Будучи въ центрѣ, мы, конечно, отлично знали, что «Земля и Воля» находится въ самой первичной стадіи развитія, что ей слишкомъ рано думать о какихъ-нибудь активныхъ проявленіяхъ; но, съ другой стороны, намъ постоянно приходилось выслушивать неудовольствія, что

*) Кажется, Полина Карловна Пащенко, жившая тогда съ Н. С. Аленниковымъ, большая пріятельница Жука, была нѣсколько освѣдомлена насчетъ „Земли и Воли"; но самъ Аленниковъ хотя и называлъ себя ученикомъ Грановскаго и большимъ поклонникомъ Герцена, не считался въ нашемъ кружкѣ человѣкомъ подходящимъ.

комитетъ видимо ничего не дѣлаетъ. А какъ только заходила рѣчь о дѣятельности, то ничего другого, кромѣ выпуска прокламацій, не представлялось, хотя вѣра въ ихъ дѣйствительное значеніе и тогда была не велика. Конечно, не разъ подымались разговоры о необходимости прямой пропаганды въ народѣ, но это представлялось возможнымъ лишь въ нѣкоторомъ будущемъ, и даже довольно неопредѣленномъ; изъ наличнаго состава «Земли и Воли» рѣшительно не на комъ было остановиться для дѣятельности въ этомъ направленіи. Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду петербургскихъ членовъ, такъ какъ о провинціальныхъ комитетъ не имѣлъ никакого понятія,—зналъ только фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Москвѣ, Н. Новгородѣ, Саратовѣ. Къ этому еще надо прибавить: если и теперь, спустя сорокъ лѣтъ, народная масса есть своего рода загадочный сфинксъ, то въ тѣ времена она представляла изъ себя настоящую terra incognita.

Вотъ какъ-то разъ собрались, помню даже— на квартирѣ Гулевича, кажется въ Ковенскомъ переулкѣ. По обыкновенію господинъ съ пенсне заводитъ рѣчь, что получены очень хорошія извѣстія съ такого-то мѣста.

— Это мы отъ васъ давно слышимъ,—прервалъ неожиданно господинъ à la Вирховъ, — а на дѣлѣ ничего не видимъ; вы намъ только пыль въ глаза пускаете (на эту тему у насъ нерѣдко бывали сепаратные разговоры, по меньшей мѣрѣ, что онъ скрываетъ отъ насъ свои связи); безъ васъ мы начали было работать, даже выпустили

прокламацію, а теперь, убаюкиваемые вашими разсказами, сидимъ на одномъ мѣстѣ. Я прямо заявляю, что не вѣрю вамъ и не могу оставаться съ вами въ одномъ дѣлѣ и выхожу изъ комитета.

Господинъ съ пенсне горячо возражалъ, завѣрялъ въ своей преданности общему дѣлу; если его считаютъ помѣхой, то онъ готовъ выйти изъ комитета и сейчасъ же передать кому-нибудь изъ товарищей тѣ связи, которыя имѣетъ. Утинъ и я, боясь распаденія комитета, старались успокоить страсти; но господинъ à la Вирховъ еще разъ рѣшительно заявилъ, что выходитъ изъ комитета; онъ конечно не отказывается, чѣмъ можетъ быть полезнымъ обществу. Вслѣдъ за нимъ такую же декларацію сдѣлалъ и Жукъ; его лишь изъ вѣжливости просили взять ее обратно, но не настаивали. Господинъ съ пенсне не повторилъ своихъ словъ о готовности выйти изъ комитета, и мы такимъ образомъ остались вчетверомъ.

Хотя мы, т. е. Утинъ, Гулевичъ и я, не особенно вѣрили въ разсказы господина съ пенсне, однако скоро сообразили, что господинъ à la Вирховъ просто разыгралъ комедію, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ уйдти изъ комитета. Мы въ его выходѣ бѣды большой не видѣли: пользы отъ него не было никакой; онъ привлекъ всего лишь одну барышню, намъ всѣмъ хорошо извѣстную, и которую каждый изъ насъ безъ малѣйшаго труда могъ пріобщить къ дѣлу. И господинъ съ пенсне, и господинъ à la Вирховъ

оба были одинаково порядочные фразеры, но была между ними и существенная разница. По образованію ихъ нельзя было и сравнивать; господинъ à la Вирховъ внѣ его спеціальности, о которой не мое дѣло судить, былъ человѣкъ совершенно невѣжественный и ограниченный, какъ попугай повторявшій нѣкоторые ходячіе взгляды. Какъ сейчасъ его вижу: разъ онъ сталъ мнѣ объяснять, что революція дѣло очень легкое.— Припомните,—говорилъ онъ,—какъ началась революція въ Вѣнѣ въ 1848 году,—изъ общества раздачи бѣднымъ супа (это онъ вычиталъ въ одной изъ статей Чернышевскаго). Стоитъ только начать, а тамъ и пойдетъ, и пойдетъ...—Было бы явною несправедливостью то же сказать о господинѣ съ пенсне; прекрасное знаніе иностранныхъ языковъ дѣлало для него доступною научную европейскую литературу; судя по нѣкоторымъ его литературнымъ опытамъ того времени, онъ могъ стать замѣтнымъ дѣятелемъ. Но самое существенное отличіе состояло въ томъ, что господинъ à la Вирховъ,—это вполнѣ подтверждается всѣмъ его поведеніемъ, какъ ближайшимъ, такъ и послѣдующимъ, выражаясь деликатно, ужъ очень былъ не храбраго характера.

Онъ скоро сообразилъ, что лучше во время по добру, по здорову убраться, да еще съ высокоподнятымъ челомъ. Иначе себя держалъ господинъ съ пенсне: желаніе играть роль ставило его иногда въ рискованное положеніе, и онъ не только не уклонялся, но даже безъ всякой на-

добности шелъ иногда на прямую опасность; такъ, напр., отправлялся въ нашу типографію и тамъ работалъ. Впрочемъ, кромѣ господина à la Вирховъ, мы всѣ это дѣлали, такъ сказать для анкуражированія настоящихъ работниковъ изъ кружка Судакевича и другихъ.

И такъ мы остались въ комитетѣ вчетверомъ; по правдѣ сказать, до поры до времени въ этомъ составѣ и можно было бы замкнуться; но Утинъ выставилъ такое соображеніе: кружокъ Судакевича крайне волнуется *), тамъ открыто говорятъ, что «Земля и Воля» ничего не дѣлаетъ; надо кого-нибудь изъ нихъ ввести въ комитетъ. Я нашелъ, что это резонъ (я иногда бывалъ на вечерахъ «Петербургской коммуны» и вынесъ то же впечатлѣніе), другіе не возражали, и нашъ выборъ остановился на Судакевичѣ. Не зная, въ чемъ дѣло, приходитъ онъ въ назначенный день, помнится, на квартиру Гулевича. Когда ему въ подобающей формѣ объяснили, что отнынѣ онъ членъ комитета «Земли и Воли», изумленію его не было предѣловъ. — Ловко же вы вели дѣло, мнѣ никогда и въ голову не приходило, что вы-то и составляете комитетъ; я думалъ, что комитетъ находится на недосягаемой высотѣ. — Тѣмъ не менѣе Судакевичъ не только не протестовалъ, но выразилъ живѣйшую готовность работать съ нами.

---

*) Въ этомъ кружкѣ на его недѣльныхъ вечерахъ можно было встрѣтить массу офицеровъ. Припоминаю одинъ вечеръ въ зиму 63 г., особенно приподнятымъ настроеніемъ выдѣлялся полякъ, офицеръ артиллеристъ, кажется Оленскій. Но,

По времени, выпустили № 2 «Земли и Воли», ужъ не помню какого содержанія. Но вотъ, должно быть, въ концѣ ноября господинъ съ пенсне экстренно собираетъ насъ и сообщаетъ, что изъ Варшавы пріѣхалъ Падлевскій *), делегатъ отъ центральнаго польскаго комитета, и проситъ, чтобы «Земля и Воля» назначила кого-нибудь для переговоровъ съ нимъ. Дѣло это возложили на Утина и господина съ пенсне. Было два свиданія; на первомъ изъ нихъ Падлевскій заявилъ: возстаніе въ Польшѣ, если только правительство не отмѣнитъ набора, неминуемо вспыхнетъ (по времени выходило мѣсяца черезъ два); могутъ ли поляки разсчитывать на какую-нибудь помощь со стороны русской революціонной партіи? Ему объяснили, что будетъ доведено до свѣдѣнія комитета «Земли и Воли», и онъ получитъ отвѣтъ. Собрался нашъ комитетъ. Мы всѣ сочувственно относились къ польскому движенію, предвидѣли вѣроятность революціоннаго взрыва, и тѣмъ неменѣе категорическое заявленіе Падлевскаго, что возстаніе вспыхнетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, произвело на насъ ошеломляющее и удручающее впечатлѣніе; намъ казалось, что поляки идутъ на вѣрную гибель. Но это уже ихъ дѣло. Какую же помощь можемъ оказать имъ? — Никакой; у насъ нѣтъ ни малѣй-

---

можетъ быть, не прошло и двухъ недѣль, какъ было получено достовѣрное свѣдѣніе, что онъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ.

*) Падлевскій (Сигизмундъ) былъ офицеръ, но въ это время велъ уже нелегальный образъ жизни; онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ самомъ началѣ возстанія и казненъ.

шихъ средствъ сдѣлать въ ихъ пользу хотя бы самую незначительную диверсію. Надо быть честнымъ, нельзя подавать какія нибудь призрачныя надежды людямъ, идущимъ на смерть. Такъ говорило большинство въ комитетѣ, и такой отвѣтъ рѣшено было дать, объяснивши, что «Земля и Воля» находится еще въ періодѣ подготовительнаго собиранія силъ и ихъ организаціи.

— Могутъ, конечно, независимо отъ «Земли и Воли» вспыхнуть въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ крестьянскія волненія (ихъ почему-то особенно ожидали въ 64 году); развѣ они отвлекутъ часть силъ правительства.—Одновременно съ этимъ отвѣтомъ, который намъ самимъ показалъ всю нашу слабость, нашимъ делегатамъ поручено было прямо поставить вопросъ о томъ, какъ смотритъ Центральный польскій комитетъ на будущее Литвы и юго-западнаго края; наконецъ употребить всѣ доводы въ пользу отсрочки возстанія.

На второмъ свиданіи Падлевскій еще разъ заявилъ, что никто не въ силахъ остановить неминуемость взрыва.

— А если возстаніе будетъ подавлено?—спросилъ Утинъ.

— Все равно,—отвѣтилъ Падлевскій,—потерять-ли 20 тыс. поляковъ на поляхъ битвъ, или въ видѣ рекрутъ, заброшенныхъ въ дальніе батальоны*). Другихъ послѣдствій отъ неудачнаго

---

*) Рекрутскій наборъ, предназначенный въ Царствѣ Польскомъ въ началѣ 63 года, имѣлъ въ виду очистить край отъ заранѣе намѣченныхъ людей, какъ политически неблагона-

исхода возстанія, какъ видно, онъ себѣ не представлялъ, да, вѣроятно, и вся партія дѣйствія. По вопросу о Литвѣ и юго-западномъ краѣ Падлевскій заявилъ, что по освобожденіи этихъ провинцій ихъ населенію будетъ предоставлено право, путемъ плебисцита, самому рѣшить: желаетъ-ли оно слиться съ Польшей, или какимъ другимъ способомъ устроить свою судьбу.

Падлевскій и самъ вынесъ ясное впечатлѣніе о слабости «Земли и Воли». Въ вышедшей лѣтъ десять тому назадъ «Исторіи двухъ лѣтъ» Пржиборовскаго передается отчетъ Падлевскаго Центральному Комитету о поѣздкѣ въ Петербургъ; тамъ многое спутано (и неудивительно); напр. называются въ числѣ членовъ «Земли и Воли» люди, которые были арестованы еще лѣтомъ 62 г., говорится объ обѣщаніи комитета «Земли и Воли» оказать диверсію въ видѣ возстанія крестьянъ, чего, какъ я уже сказалъ выше, въ дѣйствительности не было *).

Падлевскій устроилъ въ Петербургѣ отдѣлъ

дежныхъ. Самая операція была произведена ночью. т. е. забирали кого надо.

*) Впрочемъ. считаю не лишнимъ оговориться. Господинъ съ пенсне не особенно охотно принялъ рѣшеніе комитета, что онъ не можетъ обѣщать никакой помощи полякамъ. Вещь возможная, что въ сепаратныхъ разговорахъ съ Падлевскимъ онъ говорилъ въ нѣсколько иномъ тонѣ.

Покойный А. М. Унковскій разсказывалъ мнѣ: въ 62 году (должно быть. въ свою лѣтнюю поѣздку) господинъ съ пенсне при свиданіи съ княземъ Т. наговорилъ ему такихъ несообразностей о силахъ „Земли и Воли", что тотъ сначала всему повѣрилъ; потомъ, когда на дѣлѣ все оказалось миѳомъ. не только пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе на обманъ. но и круто повернулъ въ противоположную сторону.

польской революціонной организаціи и убѣдилъ стать во главѣ его Огрызко, а для сношеній съ «Землей и Волей» назначилъ Владислава Коссовскаго, артиллерійскаго офицера, котораго впослѣдствіи замѣнилъ чиновникъ мин. гос. имуществъ Опоцкій, а послѣдняго д-ръ N. Съ нашей стороны сначала посредникомъ былъ Утинъ, но скоро онъ просилъ меня заступить его, такъ какъ сношенія съ Коссовскимъ могли привлечь на него излишнее вниманіе. Но у Утина былъ пріятель полякъ, бывшій студентъ Подосскій. Такъ какъ наша типографія на Петербургской сторонѣ почему-то одно время безъ крайняго риска не могла болѣе работать, то при посредствѣ Подосскаго она была перенесена въ Люцинскій уѣздъ, въ имѣніе Маріенгаузъ; но тамъ была скоро открыта, и двое изъ нашихъ, Степановъ (изъ кружка Судакевича) и бывшій офицеръ Илья Жуковъ поплатились каторгой. Если не ошибаюсь, это были первыя жертвы «Земли и Воли», понятно, что арестъ Степанова и Жукова произвелъ сильное впечатлѣніе; особенно мнѣ было больно за Жукова, съ которымъ я находился въ близкихъ отношеніяхъ, и который мною былъ предложенъ въ товарищи Степанову *).

---

*) Около того же времени, не помню зачѣмъ, черезъ мое посредство былъ командированъ въ Варшаву отставной офиц. В. Э. В—ій, ему былъ данъ адресъ Шварца (Ленуара), одного изъ самыхъ видныхъ членовъ партіи дѣйствія въ Варшавѣ. Одна чистая случайность спасла В. В — го; онъ заявился къ Шварцу, когда въ его квартирѣ былъ произведенъ обыскъ, и самъ онъ только что арестованъ. Какая-то догадливая женщина предупредила В - го, когда тотъ разспрашивалъ о квар-

Пріѣздъ Падлевскаго весьма приподнялъ настроеніе господина съ пенсне. Въ одно изъ ближайшихъ засѣданій комитета онъ держалъ такую рѣчь:—господа, мы слишкомъ заняты текущимъ; между тѣмъ давно пора подумать и о будущемъ; событія идутъ такимъ ускореннымъ шагомъ, что намъ слѣдуетъ заблаговременно намѣтить членовъ будущаго временнаго правительства.—Взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на эти слова, что однако нисколько не смутило господина съ пенсне, онъ продолжалъ: — по крайней мѣрѣ слѣдуетъ подумать, кто бы могъ стать военнымъ министромъ; по моему всего лучше подходитъ Н. Н. Обручевъ (впослѣдствіи начальникъ главнаго штаба, недавно умеръ).—Въ видѣ шутки министерство иностранныхъ дѣлъ предложили господину съ пенсне, Утинъ согласился быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, Гулевичъ взялъ на себя печать, а я финансы. Однако господинъ съ пенсне, пожалуй, въ серьезъ принялъ титулъ министра иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ вскорѣ заявилъ, что находитъ нужнымъ поѣхать за границу, дабы установить болѣе дѣятельныя связи съ Герценомъ и другими эмигрантами (которыхъ, къ слову сказать, тогда не набиралось и съ десятокъ), также организовать правильную доставку заграничной русской печати. Хотя настоящая работа, какъ намъ каза-

---

тирѣ Шварца. Многіе изъ русскихъ, сосланныхъ въ Сибирь, знали конечно Шварца, по общимъ отзывамъ—это была выдающаяся личность, особенно по широтѣ идей. Онъ умеръ не особенно давно въ Галиціи.

лось, была въ Россіи, однако мы не удерживали господина съ пенсне: онъ далеко не оправдалъ нашихъ ожиданій... Изъ всѣхъ своихъ связей, о которыхъ такъ много и часто говорилъ, онъ указалъ на А. Д. Путяту, преподавателя въ одномъ изъ корпусовъ, да на Ю. М—ва, молодого человѣка въ Москвѣ, около котораго сгруппировался небольшой кружокъ. Съ Путятой мнѣ пришлось имѣть дѣло и вскорѣ оборвать съ нимъ всякія отношенія; онъ самъ признавалъ, что у него на рукахъ было около 200 р. кѣмъ-то переданныхъ для «Земли и Воли»; однако этихъ денегъ мы никогда не могли получить. Повидимому, никого около него не группировалось.

Съ отъѣздомъ за границу господина съ пенсне, о немъ пропалъ всякій слухъ, и что онъ тамъ дѣлалъ, не имѣю ни малѣйшаго понятія. Кажется, на него есть намекъ у Герцена, гдѣ онъ говоритъ, что нѣкоторыя лица, явившіяся изъ Россіи, отъ имени «Земли и Воли», требовали отъ него полнаго подчиненія. Это весьма похоже на господина съ пенсне. Самъ же онъ объясняетъ людямъ недостаточно освѣдомленнымъ, что поѣздка его за границу имѣла цѣлью устранить послѣдствія рокового недоразумѣнія — нападенія поляковъ ночью на нѣкоторыя части войскъ, офицеры которыхъ якобы готовы были примкнуть къ возстанію. Но дѣло въ томъ, что господинъ съ пенсне выѣхалъ изъ Петербурга еще до начала возстанія (это я отчетливо помню); оно застало его въ переѣздѣ черезъ Польшу.

А польское возстаніе дѣйствительно вспых-

нуло. Первыя извѣстія о немъ произвели въ обществѣ смѣшанное впечатлѣніе жалости и смущенія, — чѣмъ все это кончится? Но по мѣрѣ того, какъ начала разгораться дипломатическая кампанія, въ обществѣ сталъ обнаруживаться поворотъ въ опредѣленномъ направленіи, выразителемъ котораго и сталъ Катковъ. Напрасно думаютъ, что тогдашнее патріотическое настроеніе было создано Катковымъ; оно непосредственно коренилось въ чувствахъ и пониманіи самого общества, Катковъ же былъ только талантливымъ истолкователемъ того и другого.

По случаю польскаго возстанія «Земля и Воля» выпустила прокламацію, которая, какъ припоминаю, начиналась словами: «Льется польская кровь, льется русская кровь, для кого же и для чего она льется?» Вскорѣ Коссовскій обратился къ намъ съ просьбою достать военно-топографическую карту Западнаго края; черезъ посредство одного офицера академіи ген. штаба она была добыта и передана Коссовскому. Нѣсколько офицеровъ, въ числѣ ихъ извѣстный А. Потебня, отдаленно принадлежавшій къ «Землѣ и Волѣ», но безъ прямого вліянія комитета, перешли на сторону поляковъ,—вотъ собственно и все, что получили поляки со стороны «Земли и Воли», если не считать случайной помощи въ устройствѣ побѣга нѣкоторыхъ поляковъ (напр. Лясковскаго, начальника партіи, дольше другихъ державшагося въ Западномъ краѣ,—бѣжалъ черезъ Петербургъ, Домбровскаго и др.).

Разъ Ко — скій пришелъ къ Утину и сообщилъ, что Петербургъ почти безъ войска,—едва хватаетъ на караулы, «Землѣ и Волѣ» надо этимъ воспользоваться. Но не было никакихъ силъ, чтобы произвести хоть сколько-нибудь замѣтную демонстрацію, да въ виду надвигавшихся тучъ съ Запада она и не встрѣтила бы никакого сочувствія со стороны общества. Другой разъ онъ заявился съ предложеніемъ:—такого-то числа будутъ отправлены изъ Петербурга по жел. дорогѣ шесть милліоновъ рублей при самой обыкновенной обстановкѣ; нужно напасть на поѣздъ. Оказывались охотники на эту экспедицію изъ членовъ «Земли и Воли» кавказскаго происхожденія; но комитетъ нашелъ, что число ихъ невелико, а все предпріятіе слишкомъ фантастично. Еще, лѣтомъ пріѣзжалъ изъ Вильно Малаховскій и, хотя говорилъ, что возстаніе все болѣе и болѣе разгорается, тѣмъ не менѣе умолялъ о какой-нибудь диверсіи; но не успѣлъ я передать ему отрицательный отвѣтъ, какъ онъ долженъ былъ бѣжать изъ Петербурга. Должно быть въ концѣ зимы 63 года былъ въ Петербургѣ Кеневичъ; переговоры съ нимъ шли черезъ посредство Р — го. Кеневичъ настаивалъ на необходимости поднять крестьянъ. — Болѣе или менѣе широко распространеннаго возстанія,—отвѣчалъ Р—ій, — произвести нельзя; можно поднять какую-нибудь волость, но вѣдь это значитъ прямо повести людей на убой.—Такъ что попытка распространить на Волгѣ ложный манифестъ и тѣмъ поднять крестьянское возстаніе была устроена

поляками совершенно самостоятельно, не только безъ малѣйшаго участія комитета «Земли и Воли», но даже и въ секретѣ отъ него. Когда казанское дѣло огласилось, я, по порученію комитета, заявилъ Ко—му протестъ, что о такомъ важномъ предпріятіи, къ тому же внутри Россіи, русскій комитетъ не былъ даже запрошенъ. Ко—ій отвѣчалъ:—Поляки ведутъ войну и считаютъ себя въ правѣ предпринимать самостоятельно тѣ или другія дѣйствія вездѣ, гдѣ это найдутъ полезнымъ для своего дѣла.

Кажется, именно это дѣло навлекло на Утина усиленныя подозрѣнія въ его прикосновенности къ нему, и онъ получилъ предупрежденіе, что ему угрожаетъ арестъ. Всѣ мы рѣшили, что Утинъ долженъ бѣжать, но какимъ путемъ? Западная граница при тогдашнихъ обстоятельствахъ представлялась крайне рискованною; о Финляндіи въ тѣ времена не имѣли никакого понятія; по совѣту Гулевича остановились на кружномъ пути—черезъ Черное море. Такъ какъ самъ Утинъ кромѣ Петербурга ничего не зналъ, то его взялся проводить Р-ій, человѣкъ бывалый. Послѣ немалыхъ приключеній, Утину удалось сѣсть на корабль, должно быть въ Таганрогѣ; деньги на побѣгъ, 3 тыс. руб., были выданы комитетомъ, но потомъ отецъ уплатилъ ихъ. Когда мы получили, наконецъ, письмо отъ Утина изъ-за границы, у насъ точно гора свалилась съ плечъ.

Какъ исключенный изъ университета, Утинъ жилъ въ Петербургѣ на поручительствѣ отца. Едва полиціи стало извѣстно, что Николай

Утинъ бѣжалъ, сейчасъ же принялись за отца; одно время положительно хотѣли засадить его въ крѣпость; только Суворову удалось замѣнить эту мѣру домашнимъ арестомъ. Вообще, видно было, что побѣгу Николая придавалось особенное значеніе *).

Есть довольно вѣскія основанія полагать, что казанское дѣло раскрылось такимъ образомъ. Нѣкто Гл—онъ, студ. казан. университета, повидимому, случайно узнавшій о польскомъ замыслѣ (хотя есть небезосновательная версія и въ противоположномъ смыслѣ), на Пасхѣ 63 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, тамъ тотчасъ-же заявился къ Суворову и сдѣлалъ ему доносъ о замыслѣ поляковъ. Чуть ли не Мезенцевъ (племянникъ Суворова, впослѣдствіи шефъ жандармовъ) былъ командированъ на первоначальное слѣдствіе (главное слѣдствіе велось Тимашевымъ); лѣтомъ 64 года въ Казани по этому дѣлу были разстрѣляны Кеневичъ и нѣсколько офицеровъ поляковъ, какъ-то: Иваницкій, Мрочекъ и др. **).

---

*) Слѣдствіе, произведенное въ Петербургѣ по дѣлу о побѣгѣ Утина, ничего не раскрыло; въ концѣ 64 года оно было передано для переслѣдованія въ Вильно, но результатъ получился тотъ же самый. Одновременно и съ такимъ же успѣхомъ въ Вильно переслѣдовалось также дѣло о побѣгѣ офицера, поляка Юндзила, находившагося подъ арестомъ въ Петербургѣ и бѣжавшаго изъ военнаго госпиталя. Юндзилъ пробрался за границу, кажется, черезъ Финляндію.

**) Поляки старались привлечь къ этому дѣлу русскую молодежь, ссылаясь на то, что оно идетъ отъ „Земли и Воли“; но лица, къ которымъ они обращались, хотя до извѣстной степени сами принадлежали къ „Землѣ и Волѣ“, отвѣтили однако отказомъ: они легко сообразили, что въ дѣлѣ такой

Осенью въ 64 г. въ Западномъ краѣ, подъ чужимъ именемъ, былъ арестованъ полякъ офицеръ Чернякъ; онъ оказался прикосновеннымъ къ казанскому дѣлу. Изъ Вильно Черняка препроводили въ Казань, и тамъ уже въ 65 г. онъ былъ разстрѣлянъ. Кажется, товарищи, зная, что Чернякъ въ бандѣ, значитъ, все равно человѣкъ погибшій, многое свалили на него и тѣмъ усугубили его участь.

Отецъ Утина, человѣкъ безъ всякаго образованія, сдѣлавшій карьеру въ откупномъ дѣлѣ *), конечно былъ совершенно далекъ отъ идей, которыми увлекались Николай и Евгеній; тѣмъ не менѣе, когда узналъ, что Николай бѣжалъ, то призвалъ къ себѣ одного изъ сыновей и сказалъ:—Меня могутъ арестовать, совсѣмъ разорить, но, что бы мнѣ ни угрожало,—ни подъ какимъ видомъ Николай не долженъ возвращаться.— Такъ какъ въ тогдашнихъ законахъ не было опредѣлено, въ чемъ заключается отвѣтственность поручителя, то черезъ нѣкоторое время домаш-

исключительной важности должны были имѣть сообщеніе о немъ непосредственно отъ комитета: къ тому же и по существу предпріятіе не вызвало въ нихъ сочувствія. Въ конфирмаціи по этому дѣлу упоминается офицеръ Михайловъ, осужденный за недонесеніе, и студ. Орловъ: въ чемъ состояло участіе послѣдняго, мнѣ неизвѣстно. Небезынтересныя указанія о казанскомъ дѣлѣ я получилъ отъ недавно умершаго въ Лозаннѣ эмигранта Сем. Як. Жеманова (онъ бѣжалъ изъ казанской тюрьмы въ 64 году). Но случайно я лично натолкнулся на нѣкоторыя нити этого дѣла, о чемъ при случаѣ и разскажу особо.

*) Онъ давалъ не малый матеріалъ для „Искры“, гдѣ его обыкновенно выводили подъ именемъ „Ицко Гусина“; однако онъ всѣмъ своимъ дѣтямъ далъ отличное образованіе.

ній арестъ и былъ снятъ съ Утина. Кажется, съ тѣхъ поръ при поручительствѣ былъ введенъ денежный залогъ.

Лѣто 1863 г. прошло безъ всякой сколько-нибудь замѣтной дѣятельности «Земли и Воли» въ Петербургѣ; а что дѣлалось въ провинціи, мы почти не знали. Господинъ съ пенсне дѣйствительно въ 1862 г. былъ въ Нижнемъ, Казани, Саратовѣ, заводилъ тамъ кое съ кѣмъ изъ молодежи разговоры о «Землѣ и Волѣ», но прочныхъ и дѣятельныхъ связей съ тамошними кружками не установилось. Въ Петербургѣ, послѣ майскихъ экзаменовъ, старая студенческая среда совсѣмъ разрѣдѣла *); московскій кружокъ, во главѣ котораго стоялъ Мо—овъ, былъ заарестованъ; осенью дѣла польскаго возстанія круто пошли на убыль, дипломатическое вмѣшательство свелось къ нулю **), реакціонное настроеніе все болѣе и болѣе крѣпло. Осенью пріѣхалъ въ Петербургъ Р—ій. Я съ нимъ откровенно заговорилъ о положеніи дѣлъ «Земли и Воли» и поставилъ прямо вопросъ:

*) Хотя въ 1862—63 г. университетъ считался закрытымъ, но Головнинъ разрѣшилъ производить выпускные экзамены (весной и осенью). Не спрашивали, съ какого факультета и курса, а всякій бывшій студентъ и вольнослушатель могъ держать выпускной экзаменъ. Такимъ образомъ было выпущено необыкновенно большое число юристовъ (въ числѣ ихъ и Н. А. Неклюдовъ, прошедшій самое большее, что два курса юридич. факультета), такъ что въ открытый въ 1863 г. университетъ перешло очень мало старыхъ студентовъ, что, повидимому, и входило въ соображенія Головнина.

**) Многіе этотъ исходъ приписываютъ патріотическому возбужденію, которое якобы смутило западныя державы: нерѣшительная политика Австріи (у нея тогда на шеѣ были

— Вы знаете провинцію, человѣкъ вы житейски опытный (ему было уже за 30 лѣтъ), скажите по совѣсти—что дѣлать? Съ одной стороны, изъ-за границы нѣтъ никакихъ свѣдѣній, а съ другой—въ здѣшнихъ членахъ начинаетъ замѣчаться апатія, новыхъ членовъ не прибываетъ, а убыль, напримѣръ, въ Москвѣ, не знаешь, кѣмъ замѣстить.—Я думаю, отвѣчалъ Р—ій, надо всѣмъ заявить, что организація закрывается до болѣе благопріятнаго времени; безцѣльно и опасно продолжать тѣнь дѣла.

Я съ нимъ согласился. Собрался нашъ комитетъ (онъ былъ нѣсколько пополненъ послѣ бѣгства Утина, кромѣ того, на совѣщаніи, помнится, былъ А. А. Жукъ, онъ опять вошелъ въ комитетъ послѣ бѣгства Утина). Р—ій говорилъ такъ убѣдительно, представилъ такую живую картину печальнаго положенія дѣлъ «Земли и Воли» въ провинціи, что рѣшеніе о закрытіи «Земли и Воли» было принято безъ большихъ возраженій, хотя и съ оговоркою, что при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ комитетъ опять примется за старое дѣло; на этомъ особенно настаивалъ Судакевичъ. Такъ какъ Р—ій не оставался въ Петербургѣ, то его просили побывать

два внутреннихъ вопроса, венеціанскій и венгерскій, и одинъ германскій,—принимавшее тревожные размѣры движеніе по поводу Шлезвигъ-Гольштейна) и неувѣренность въ дѣятельной поддержкѣ Англіи,— вотъ что разстроило планы Наполеона III. Дальновидный Бисмаркъ это хорошо предусмотрѣлъ, потому съ перваго дня возстанія онъ рѣшительно и сталъ на сторону русскаго правительства.

въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ пунктахъ и тамъ вездѣ передать о закрытіи «Земли и Воли».

Если на возникновеніе «Земли и Воли» имѣли существенное вліяніе нѣкоторыя отрицательныя явленія нашей общественной жизни начала 60-хъ годовъ, то, съ другой стороны, одна особенность того же времени, потомъ уже не повторявшаяся, ускорила окончательное исчезновеніе «Земли и Воли». Тогда во многихъ вѣдомствахъ, въ силу совершавшихся реформъ, былъ предъявленъ огромный спросъ на молодыя силы; при этомъ не только не браковали людей съ либеральными взглядами, но даже охотно брали людей болѣе или менѣе явно скомпрометированныхъ, «нигилистовъ», какъ тогда говорили. И такъ поступали не изъ какого-нибудь тайнаго попустительства, а по соображенію, что это прежде всего люди способные и въ то же время несомнѣнно честные. Исключенные изъ университета П. П. Фанъ-деръ-Флитъ и А. Я. Гердъ, какъ только сдали кандидатскій экзаменъ, сейчасъ же устроились: первый былъ оставленъ при университетѣ, а второй получилъ мѣсто класснаго воспитателя въ военной гимназіи. Судакевичъ (тоже исключенный), едва поступилъ на службу, какъ у него былъ сдѣланъ обыскъ; но директоръ департамента не обратилъ на это никакого вниманія и скоро утвердилъ его въ классной должности. П—въ былъ принятъ на службу въ м. в. д., при чемъ директоръ департамента не только зналъ, что П—въ исключенъ изъ университета, но что у него незадолго передъ тѣмъ

былъ обыскъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести не мало. А затѣмъ открылись сферы чисто общественной дѣятельности, появились судебная и земская реформы; исключенный изъ университета Н. А. Неклюдовъ мало того, что былъ выбранъ мировымъ судьею въ Петербургѣ, но и утвержденъ.

Примѣрно годъ спустя послѣ закрытія «Земли и Воли», совсѣмъ неожиданно приходятъ ко мнѣ нѣсколько земляковъ студентовъ, все, помнится, первокурсниковъ, заявляютъ о своей готовности послужить общественному дѣлу, предлагаютъ свои услуги для устройства типографіи и распространенія прокламацій. Говорилъ главнымъ образомъ В. Б—овъ, ужъ теперь не помню, почему-то не внушавшій мнѣ довѣрія ни съ какой стороны. Я отвѣчалъ, что не имѣю никакого касательства къ подобнымъ дѣламъ и ничѣмъ полезенъ имъ быть не могу, указалъ также на неблагопріятное время. А потомъ вызвалъ къ себѣ двоихъ, которые мнѣ казались наиболѣе серьезными, и предостерегъ ихъ вообще очертя голову бросаться въ рискованное дѣло, а въ частности по отношенію къ видимо легкомысленному В. Б—ву.—Да мы и сами не очень-то довѣряемъ ему и ужъ, право, не знаемъ, какъ это онъ насъ всѣхъ забралъ и привелъ къ вамъ.

Съ небольшимъ черезъ два года послѣ закрытія «Земли и Воли» раздался выстрѣлъ 4 апрѣля. Изъ лицъ близкихъ къ Каракозову никто не принадлежалъ къ «Землѣ и Волѣ»; въ оффиціальномъ изложеніи каракозовскаго дѣла

нигдѣ даже и не упоминается о «Землѣ и Волѣ». По каракозовскому дѣлу судился и былъ сосланъ на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири И. А. Худяковъ, исключенный изъ московскаго университета по Леонтьевской исторіи. Не помню, кто меня съ нимъ познакомилъ, только онъ бывалъ у меня въ 62—63 году. Тогда трудно было сказать, что это за человѣкъ; съ одной стороны, его симпатіи были направлены къ области народнаго эпоса, и несомнѣнно изъ него могъ выработаться незаурядный спеціалистъ; онъ даже пытался издавать журналъ, спеціально посвященный народной поэзіи, но не получилъ разрѣшенія. А съ другой стороны, его начинали интересовать текущія общественныя дѣла, и какъ-будто сказывалось желаніе занять нѣсколько активное положеніе. Несмотря на это, я не рѣшился завести съ нимъ прямой разговоръ; также и Утинъ, къ которому онъ захаживалъ, удержался отъ искушенія привлечь его къ «Землѣ и Волѣ». Затѣмъ онъ уѣхалъ изъ Петербурга, очутился въ Швейцаріи. И вдругъ, къ великому моему удивленію (я тогда былъ уже въ Сибири) всплылъ въ каракозовскомъ дѣлѣ. Онъ оговорилъ Г. З. Елисѣева и при томъ очень сильно; Г. З., конечно, отрицалъ показанія Худякова и въ концѣ концовъ былъ выпущенъ. Что побудило Худякова сдѣлать оговоръ на Елисѣева, и при какихъ обстоятельствахъ это произошло—осталось, кажется, невыясненнымъ *).

*) Въ „Автобіографіи“ Худякова (изданной за границей въ 1882 г.) объ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ни одного слова. По

Что сталось потомъ съ наиболѣе видными дѣятелями «Земли и Воли»? Утинъ, живя въ Женевѣ, одно время игралъ довольно видную роль въ рядахъ европейской соціалистической партіи, редактировалъ въ Женевѣ соціалистическую газету, былъ членомъ интернаціонала и особенно близко сошелся съ Марксомъ; ему принадлежалъ докладъ на гаагскомъ конгрессѣ, гдѣ былъ исключенъ изъ интернаціонала Бакунинъ. Былъ съ нимъ въ Швейцаріи одинъ непріятный случай: кажется, не по разуму усердные приверженцы Бакунина сильно избили его; дѣло происходило въ Цюрихѣ. Въ началѣ 70-хъ годовъ Утинъ бросилъ политическую дѣятельность, занялся металлургическимъ дѣломъ и сталъ повѣреннымъ Полякова, Лохвицкаго по заграничнымъ заказамъ для желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ вспыхнула война 1877 г., Поляковъ строилъ желѣзную дорогу въ тылу русской арміи, нуждаясь въ личныхъ услугахъ Утина, онъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе вернуться въ Россію. Затѣмъ одно время Утинъ управлялъ на Уралѣ

этой „Автобіографіи“, правда, съ 1865 г., т. е. со времени возвращенія Худякова изъ-за границы, имѣющей скорѣе характеръ черновыхъ, незаконченныхъ набросковъ, трудно опредѣлить его дѣйствительное участіе въ дѣлѣ Каракозова. Онъ отрицалъ, что ему было извѣстно о замыслѣ Каракозова, отрицалъ показаніе послѣдняго, что далъ ему деньги на покупку револьвера; между тѣмъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Если бъ не ненависть къ коммиссіи (слѣдственной), то кажется, я сознался бы во всемъ, что могло вести одного меня на висѣлицу“; а нѣсколько ранѣе читаемъ (по повод оговора Каракозова на Кобылина и Худякова) ...„и конечно не раскаяніе побудило его дѣлать — и при томъ ложные — оговоры“.

сергіеуфалійскими желѣзными заводами Гинзбурга и К°.; умеръ въ половинѣ 80-хъ годовъ. Съ чѣмъ-то за годъ до его смерти мнѣ довелось съ нимъ видѣться. Хотя я зналъ, что онъ совсѣмъ забросилъ политику и съ прошлымъ совершенно порвалъ, все же былъ радъ съ нимъ видѣться. Онъ даже физически измѣнился до неузнаваемости: вмѣсто прежняго тонча́ваго, красиваго юноши, передо мной былъ обрюзглый, распухшій человѣкъ, смотрѣвшій старше своихъ лѣтъ (ему всего было около 42 лѣтъ); онъ даже потерялъ чистый русскій акцентъ, сталъ цокать. Встрѣтились мы какъ будто старые друзья, говорили на «ты», но наша почти часовая бесѣда шла: онъ говорилъ объ Уралѣ, а я о другомъ промышленномъ дѣлѣ. Ни звука о чемъ-нибудь другомъ, и распрощались мы, не связавши себя ни однимъ словомъ насчетъ будущей встрѣчи.

Рымаренко умеръ, кажется, вскорѣ по окончаніи его дѣла, если только не во время его производства. Разъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ сенаторомъ Геддой; онъ говорилъ о Рымаренко какъ о молодомъ человѣкѣ, возбудившемъ живѣйшую симпатію въ его судьяхъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ Гедда.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ заходитъ ко мнѣ господинъ съ пенсне.—Я рѣшилъ бросить службу (онъ занималъ недурное мѣсто въ одномъ министерствѣ); вы не можете и представить себѣ, до какой степени это лишенная всякаго смысла дѣятельность. Да я и Петербургъ покидаю: тутъ нѣтъ мѣста живому дѣлу, настоящая

работа—въ деревнѣ, и я въ ней поселяюсь. Но я требую, чтобы кромѣ пенсіи мнѣ дали при отставкѣ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и станиславовскую ленту,—только съ ними и можно служить въ деревнѣ либеральному знамени.

А черезъ недолгое время встрѣчаю его ближайшаго начальника и при томъ школьнаго товарища.—Что жъ, дадите господину съ пенсне генерала и станиславовскую ленту?

— Все дадимъ, лишь бы только ушелъ, вѣдь онъ прежде всего плохой работникъ. —Дѣйствительная причина, впрочемъ, была другая. Въ одной реакціонной газетѣ начинались въ это время вылазки противъ вѣдомства, гдѣ служилъ господинъ съ пенсне, и дѣлались прямыя указанія, что въ немъ свили гнѣздо неблагонамѣренные элементы, прежніе женевцы.

И вотъ господинъ съ пенсне все получилъ (несмотря на то, что не выслужилъ никакихъ сроковъ) и... остался въ Петербургѣ, да еще сохранилъ въ другомъ вѣдомствѣ службу по вольному найму, и нельзя сказать, чтобы тамъ занимался очень либеральнымъ дѣломъ.

А. А. Жукъ выработался въ желѣзнодорожнаго дѣльца и умеръ директоромъ, помнится—владикавказской жел. дор. Крупные желѣзнодорожные заправилы очень цѣнили его, какъ дѣлового человѣка, а главное—какъ большого мастера по составленію разныхъ записокъ, ходатайствъ. Жука я, по возвращеніи изъ Сибири, лишь мелькомъ встрѣчалъ; разговоры при этомъ

велись по большей части совершенно обыденные. Только въ одномъ случаѣ встрѣча была при обстановкѣ нѣсколько особенной. Разъ, должно быть, въ самомъ концѣ 78 года, заходитъ ко мнѣ покойный Вл. Вик. Чуйко и говоритъ:—Не придете-ли ко мнѣ вечеромъ въ такой-то день, соберется нѣсколько человѣкъ, вы ихъ всѣхъ болѣе или менѣе знаете; предполагается обсужденіе нѣкоторыхъ текущихъ общественныхъ дѣлъ. Я поблагодарилъ за приглашеніе и въ назначенный день явился. Дѣйствительно, встрѣтилъ все знакомыхъ и по большей части людей моего возраста, нѣсколько моложе былъ Вл. Ив. Жуковскій и Жакляръ *); было также нѣсколько дамъ.

Собесѣдованіе открылъ Жуковскій; говорить, какъ извѣстно, онъ былъ большой мастеръ. Началъ онъ такъ:—Идетъ борьба между правительствомъ и молодыми силами, борьба не со вчерашняго дня; собственно общество до сихъ поръ остается по отношенію къ этой борьбѣ въ качествѣ простого зрителя. Мы (т. е. присутствовавшіе и люди подобные имъ), понятно, не можемъ быть на сторонѣ правительства, но въ то же время не можемъ раздѣлять и всѣхъ увлеченій молодежи, равно какъ и ея пріемовъ дѣй-

*) Коммунаръ; послѣ подавленія коммуны былъ арестованъ, но ему удалось бѣжать: въ Швейцаріи получилъ степень доктора медицины и женился на Ан. В. Корвинъ-Круковской, сестрѣ С. В. Ковалевской. Жилъ въ Петербургѣ и давалъ уроки франц. языка и литературы въ женскихъ институтахъ; переселившись во Францію, писалъ корреспонденціи въ „Новостяхъ“ подъ именемъ „Жика“.

ствій. Наша задача—это дѣйствовать на общество, постараться вывести его изъ инертнаго положенія. Угодно-ли будетъ собранію приступить къ обсужденію программы, съ которой мы можемъ и должны выступить?—Всѣ отвѣчали согласіемъ. Тогда Владиміръ Ивановичъ въ длинной и, какъ это за нимъ водилось, весьма остроумно сказанной рѣчи развилъ программу, въ основу которой полагалось отрицаніе семьи, собственности и государства. Собственно то, что говорилъ Владиміръ Ивановичъ, совсѣмъ не было программой, а критикой этихъ основныхъ началъ современнаго общества. Кончилъ Владиміръ Ивановичъ вопросомъ: —Раздѣляетъ-ли собраніе высказанныя мною идеи?—За весьма немногими молчавшими, большинство открыто выразило свое сочувствіе, Ал. А. Жукъ даже прибавилъ отъ себя нѣсколько словъ въ подкрѣпленіе того, что говорилъ Вл. Ив. Когда всѣ успокоились, я попросилъ слова.—Вы говорите,—сказалъ я, обращаясь къ Вл. Ив.,—что наша программа должна имѣть въ виду такъ называемое общество, что задача стоящая передъ нами—вывести это общество изъ его инертнаго состоянія; между тѣмъ вы предлагаете нѣчто скорѣе похожее на воззваніе къ той передовой молодежи, за которой однако слѣдовать не находите возможнымъ. Я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ мы можемъ оказать хоть самое малое вліяніе на общество, когда прежде всего зарекомендуемъ себя людьми непризнающими семьи, собственности и государства.—Мои слова нашли откликъ

въ нѣкоторыхъ присутствовавшихъ, и въ результатѣ возникшихъ преній самъ Вл. Ив. сталъ объяснять, что отрицаніе семьи, собственности и государства должно составлять, такъ сказать, нашу «внутреннюю программу», но, конечно, не ту, съ которой мы гласно выступимъ. И съ этимъ всѣ опять согласились. Только одна дама, кажется, жена помѣщика изъ восточныхъ губерній, пальцы которой горѣли отъ разныхъ діамантовъ и сапфировъ, не хотѣла поступиться и, обращаясь ко мнѣ, такъ-таки буквально и выпалила:—Но, помилуйте, нельзя же безъ соціализма.—Я скоро уѣхалъ изъ Петербурга и не знаю, какъ долго продолжались эти собранія.

Нѣсколько лѣтъ спустя заявилась въ Петербургѣ, конечно, подъ чужимъ именемъ, извѣстная Янковская, для которой отрицаніе семьи, собственности и государства не было только «тайнымъ ученіемъ», а составляло предметъ открытой дѣятельности; она имѣла адресъ Вл. Ив. и пыталась войти съ нимъ въ сношенія. По этому случаю онъ говорилъ мнѣ:—Ну, скажите на милость, что можетъ быть общаго между мной и Янковской? Рѣшительно не понимаю, для чего я ей нуженъ, и почему это вздумалось направить ее ко мнѣ.

Мих. Сем. Гулевичъ изъ-за пустяка эмигрировалъ; за границей временами сильно бѣдствовалъ, жилъ, давая уроки *); въ началѣ 70-хъ годовъ, въ припадкѣ нервнаго разстройства, вы-

*) Между прочимъ, у ген. Филипсона, бывшаго попечителя во время студенческой исторіи 61 г. Филипсонъ очень

бросился изъ окна. Говорятъ, что за время эмигрантской жизни его личный характеръ сильно измѣнился.

Судакевичъ умеръ (должно быть въ первой половинѣ 90-хъ годовъ) помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта (передъ тѣмъ былъ вице-директоромъ въ м. г. им.). Кажется, въ концѣ 62 года съ нимъ былъ такой казусъ. Жилъ онъ въ компаніи нѣсколькихъ товарищей и барышенъ, «маленькой коммуной», какъ тогда говорили. Вдругъ ночью налетѣли съ обыскомъ; все, конечно, пересмотрѣли, ничего не оказалось; оставался недосмотрѣннымъ одинъ комодъ; выдвинули ящикъ, другой—бѣлье. — А что въ нижнемъ? — Грязное бѣлье. — Ну, и не стали смотрѣть. А въ ящикѣ былъ шрифтъ, да къ тому же въ наборѣ, т. е. неминуемая каторга.

Судакевичъ, уже въ концѣ 60-хъ годовъ, даже старыхъ товарищей круто обрывалъ, если они почему-нибудь касались начала этихъ годовъ. — Это все давно прошло, и нѣтъ никакой надобности вспоминать объ этомъ,—замѣчалъ онъ.

Господинъ à la Вирховъ въ концѣ 60-хъ годовъ покинулъ Петербургъ, переселился въ другой городъ. Тамъ, благодаря съ одной стороны легендѣ «близкій человѣкъ къ Чернышевскому», «другъ Добролюбова» *), а съ другой—«всѣ дамы

полюбилъ Гулевича и даже предлагалъ выхлопотать ему возвращеніе въ Россію.

*) Къ этой легендѣ по времени, заднимъ числомъ, прибавилась еще другая, ужъ совсѣмъ неправдоподобная, — что Чернышевскій именно его вывелъ въ Лопуховѣ.

поворачиваются, когда онъ входитъ въ театръ», его спеціальность пошла такъ блистательно, что онъ скоро зажилъ большимъ бариномъ, завелъ своего рода палаццо, очаровательную виллу на берегахъ Чернаго моря. Ни къ какому общественному дѣлу касательства не имѣлъ и не имѣетъ, потому что «близкій человѣкъ къ Чернышевскому», «другъ Добролюбова» —развѣ можетъ спуститься съ высоты ихъ принциповъ, обязательно идти на разные компромиссы; около него всегда ютится кружокъ людей, по большей части мало кому извѣстныхъ; они съ благоговѣніемъ слушаютъ, какъ онъ твердитъ все тѣ же фразы, что и сорокъ лѣтъ тому назадъ, безъ перемѣны хотя бы одного слова, и удивляются, какъ онъ остался вѣренъ лучшимъ идеаламъ 60-хъ годовъ.

Сколько могу припомнить, въ разныхъ случаяхъ изъ «Земли и Воли» попалось около 10—12 человѣкъ; изъ нихъ только Андрущенко (землемѣръ въ Черниг. губ.) оказался излишне откровеннымъ при допросахъ; но, къ счастью, по «Землѣ и Волѣ» имѣлъ отношенія съ людьми, изъ которыхъ не могли много выжать. У одного изъ арестованныхъ, по оговору Андрущенко, нашли письмо офицера изъ провинціи; письмо заканчивалось рядомъ шифрованныхъ строкъ въ видѣ дробей. Шифръ оказался настолько хитеръ, что даже спеціалисты министерства иностранныхъ дѣлъ, по чтенію шифровъ, отказались разобрать его. Онъ былъ нѣсколько сложенъ для письма и чтенія, но дѣйствительно безъ ключа не представлялъ никакой возможности къ про-

ченію, а собственно былъ очень простъ: условливались въ страницѣ какой-нибудь книги; изъ этой страницы произвольно выбирались строки и буквы, числитель означалъ строки, а знаменатель буквы въ ней.

Благодаря связямъ, офицеръ былъ только исключенъ изъ службы (впрочемъ, и то надо сказать, что его ни въ чемъ не удалось завинить); онъ мною былъ привлеченъ къ «Землѣ и Волѣ», я просто гордился и былъ имъ увлеченъ, какъ 17-лѣтняя барышня (да онъ и красивъ былъ). Умница, никогда ни одной фразы; широко начитанный, онъ еще сходя со школьной скамейки обнаружилъ независимый характеръ: окончивъ первымъ, имѣлъ право выбрать любой гвардейскій полкъ (въ средствахъ не нуждался), а между тѣмъ добровольно пошелъ въ армію. Во время студенческой исторіи 61 г. его письма къ генералу С—у почему-то вскрывались; а въ нихъ онъ выражалъ живѣйшее сочувствіе студентамъ и рѣзко порицалъ дѣйствія правительства. Вдругъ его отца, командира дивизіи, отчисляютъ отъ должности. Является отецъ въ Петербургъ и проситъ объясненій.—Да вы въ своихъ письмахъ къ генералу С—у заявили слишкомъ антиправительственный образъ мыслей.—Письма сына были приняты за письма отца, которому, конечно, и дали вновь дивизію. Черезъ посредство одного офицера академіи генеральнаго штаба, я сблизился съ сыномъ,—онъ тогда тоже былъ въ академіи; вскорѣ онъ съ большой охотой вступилъ въ «Землю и Волю» и весьма аккуратно вносилъ

назначенный имъ ежемѣсячный взносъ. Весной 63 г. онъ вернулся въ полкъ, стоявшій въ средней Россіи, и взялъ отъ меня адресъ ближайшаго кружка, а затѣмъ въ концѣ лѣта и былъ арестованъ. Послѣ исключенія изъ службы, былъ одно время въ Ясной Полянѣ; но потомъ какъ-то повернулъ въ другую сторону и уже въ началѣ 70-хъ годовъ былъ предсѣдателемъ правленія одного земельнаго банка; а много позднѣе, при одномъ случайномъ министрѣ, даже занялъ постъ директора департамента. Тутъ онъ всѣхъ поразилъ своей крайней набожностью; первымъ дѣломъ отслужилъ молебенъ въ департаментѣ, а затѣмъ, являясь на службу, всегда клалъ три земныхъ поклона. Это однако не спасло его, и при перемѣнѣ министра ему пришлось оставить департаментъ, для веденія котораго у него не было никакой спеціальной подготовки. Впрочемъ, онъ и теперь имѣетъ хорошо оплачиваемую синекуру и въ извѣстныхъ реакціонныхъ кружкахъ считается чуть не оракуломъ, а недавно его имя облетѣло всю Россію: будучи гласнымъ одного земскаго собранія, онъ требовалъ упраздненія земской медицины и земскихъ школъ.

Вспоминается Мо—ій. Какъ сейчасъ вижу его: худенькій, со впалой грудью, онъ всѣхъ насъ забавлялъ въ крѣпости нѣкоторыми акробатическими фигурами, за что и прозвали его «колесо». Вотъ онъ поетъ въ студенческой оперѣ *) «и умремъ мы, если надо, за его сво-

---

*) „Изъ жизни студентовъ“; она была сложена въ крѣпо-

боду» (т. е. свободу народа), и съ послѣднимъ словомъ наноситъ себѣ энергическій ударъ въ грудь. Въ 62—63 гг. онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и горячихъ членовъ «Земли и Воли», а также усерднымъ печатникомъ въ нашей типографіи. Потомъ я совсѣмъ потерялъ его изъ виду; но въ половинѣ 70-хъ годовъ слышалъ, что онъ мирно пребываетъ въ провинціи въ качествѣ члена окружнаго суда.

Совершенную противоположность ему представлялъ П—ій, человѣкъ разсудочный, въ личной жизни крайне аккуратный; до студенческой исторіи былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Кавелина, но посидѣлъ въ крѣпости (Кронштадтѣ)—и въ 62 г. не колеблясь примкнулъ къ «Землѣ и Волѣ» и никогда не уклонялся отъ возлагаемыхъ на него порученій. Въ одномъ остромъ эпизодѣ обнаружилъ большой характеръ и благородство. Послѣ разныхъ помѣхъ (главнымъ образомъ, двухъ арестовъ) сдалъ однако экзаменъ, уѣхалъ въ провинцію и все время служилъ, да, кажется, и теперь служитъ, одно время по земству, а затѣмъ на коронныхъ мѣстахъ. Видя его, зная даже, что онъ и по днесь исповѣдуетъ либеральныя идеи, все-таки никому и въ голову не придетъ, что онъ, хотя и короткое время, былъ виднымъ членомъ «Земли и Воли».

Я иногда встрѣчаю лицо, черезъ посредство котораго была добыта топографическая карта

сти и тамъ же давалась: содержаніе взято изъ исторіи 61 г., а музыка—изъ тогдашнихъ оперъ.

Западнаго края. Онъ сдѣлалъ хорошую карьеру и еще недавно занималъ не только отвѣтственный постъ, но и такой, на который назначаютъ съ особенной осторожностью въ смыслѣ благонадежности. Со мной онъ всегда высказываетъ крайне либеральные взгляды; одна бѣда, онъ, не приведи Богъ, какъ говорливъ и скученъ, чего въ прежнее время за нимъ какъ-то не замѣчалось.

Говорятъ, что время тайныхъ обществъ давно прошло. Оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, нельзя не замѣтить, что «Землѣ и Волѣ», какъ тайной организаціи, обязательно предстоялъ который нибудь одинъ изъ двухъ исходовъ: или быть раскрытой въ періодъ сформированія, или распасться. Счастливо избѣжавъ перваго, она умерла собственною смертью. И надо еще удивляться, что «Земля и Воля» просуществовала безъ малаго два года, такъ какъ въ самомъ ея составѣ лежалъ зародышъ неминуемой и быстрой смерти. Возникнувъ по иниціативѣ кружка Н. А. С.-Соловьевича, она скоро очутилась главнымъ образомъ на плечахъ однихъ студентовъ, да и то лишь тѣхъ, которые побывали въ крѣпости или были исключены изъ университета (какъ не малая часть провинціальныхъ членовъ). Когда поиски комитета оказались безуспѣшными, и мы съ Н. Утинымъ рѣшили сформировать свой конспиративный кружокъ, то, несмотря на всю нашу молодость, на значительную долю самомнѣнія, развившуюся между петербургскими студентами

послѣ осенней исторіи 61 г. *), мы хорошо понимали, что надо искать опоры внѣ студенческой среды; вотъ почему мы такъ обрадовались, когда г-нъ à la Вирховъ согласился войти въ нашъ кружокъ, потому же держались за господина съ пенсне, хотя и подозрѣвали, что онъ не только фантазируетъ, но подчасъ и сознательно пускаетъ пыль въ глаза. Мы часто перебирали разныхъ лицъ, которыхъ слѣдовало бы привлечь къ болѣе выдающейся, руководящей дѣятельности; все это, по большей части, были люди изъ литературнаго кружка или вращавшіеся въ немъ. Никто изъ нихъ не сказалъ намъ прямо: вы занимаетесь пустяками, да еще за нихъ посылаете людей на каторгу; и никто въ то же время не оказалъ сколько-нибудь существенной поддержки, хотя бы просто практическимъ совѣтомъ. Не могу не вспомнить Михалевскаго **), онъ чуть ли не былъ товарищемъ Чернышевскаго по университету; во всякомъ случаѣ на-

*) Впрочемъ, и тогда уже сказалась характерная русская черта—нелюбовь къ театральной позировкѣ. Когда Чернышевскій, вскорѣ послѣ студенческой исторіи 61 г., осторожно передалъ Утину и мнѣ запросъ покойнаго художника Якоби,—не согласятся-ли студенты послужить ему для картины „Смерть Робеспьера“ (она, кажется, потомъ называлась—„Умѣренные и Террористы“), то мы, не колеблясь, отвѣчали, что въ кругу нашихъ товарищей мы затрудняемся на кого-нибудь указать, кто бы пожелалъ фигурировать въ картинѣ Якоби.—Я такъ и думалъ,—сказалъ Н. Г.

**) Михалевскій былъ одно время учителемъ въ Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ во второй половинѣ 50 годовъ сформировался замѣчательный кружокъ преподавателей (Гагель и др.). Должно быть, въ 62 г. онъ оставилъ корпусъ и переселился въ Петербургъ.

ходился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. По темпераменту это былъ человѣкъ, чуждый всякихъ увлеченій, въ немъ даже слишкомъ рѣзко выступала холодная разсудочность; все у него было подведено подъ систему, и на все имѣлась готовая формула. Онъ былъ съ осени 62 г. членомъ «Земли и Воли», и мнѣ какъ разъ пришлось имѣть съ нимъ дѣло. Михалевскій всегда высказывался въ поощрительномъ смыслѣ, но самъ не только не проявлялъ ни малѣйшей дѣятельности, но даже ни разу не подалъ какого-нибудь совѣта, не предостерегъ отъ того или другого невѣрнаго шага. Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дослужившись при Т. И. Филипповѣ до поста генералъ-контролера.

Многіе, конечно, не только могли догадываться, но и отлично знали, чѣмъ мы занимаемся. Одинъ изъ наиболѣе передовыхъ и популярныхъ публицистовъ того времени (онъ впослѣдствіи стоялъ во главѣ очень крупнаго банковаго дѣла) былъ даже настолько посвященъ, что разъ я получилъ отъ него текстъ прокламаціи, редактированный въ комитетѣ и черезъ Утина доставленный ему на просмотръ. Онъ теперь не у дѣлъ, все же занимаетъ хорошо оплачиваемое мѣсто. Я иногда сталкиваюсь съ нимъ за границей. При встрѣчѣ со мной, онъ хотя и раскланивается, но торопливо проходитъ. Такъ и кажется, что мое имя напоминаетъ ему что-то давно забытое, даже совсѣмъ схороненное; а жена его прямо-таки отъ всего отпирается.

Другой, не менѣе его извѣстный тогда ли-

тераторъ, по нашему желанію, переданному тоже черезъ Утина, сочинилъ для насъ какую-то прокламацію, но мы нашли ее слишкомъ многорѣчивой, смахивающей на акаѳистъ, и забраковали. Захарьинъ, по нѣкоторымъ указаніямъ, принимавшій непосредственное участіе, кажется въ «Великоруссѣ», въ описываемое время и виду не показывалъ, чѣмъ онъ еще недавно занимался, съ нимъ былъ хорошо знакомъ Жукъ, и все, что мы черезъ него знали о Захарьинѣ, ограничивалось тѣмъ, что онъ намъ сочувствуетъ *). Впослѣдствіи Захарьинъ совершенно стушевался.

---

*) Близость Захарьина съ Чернышевскимъ даетъ мнѣ основаніе думать, что Ник. Гавр. былъ. можетъ быть, не совсѣмъ чуждъ дѣлу „Великорусса". Къ тому же манера говорить съ публикой, стиль „Великорусса" очень напоминаютъ Н. Г., чего. напротивъ, совсѣмъ нельзя сказать о знаменитомъ письмѣ, якобы имъ адресованномъ А. Н. Плещееву и доставленномъ въ III отдѣленіе Вс. Костомаровымъ. Въ 90 годахъ покойный А. А. Рихтеръ говорилъ мнѣ, что. по его свѣдѣніямъ, однимъ изъ главныхъ членовъ кружка, выпустившаго „Великоруссъ". былъ давно умершій Лугининъ. Кажется. онъ выведенъ Чернышевскимъ въ „Прологѣ Пролога" подъ именемъ Нивельзина. Самъ Рихтеръ. несмотря на свою близость съ Н. С.-Соловьевичемъ, врядъ-ли могъ играть какую-нибудь активную роль въ конспираціяхъ съ осени 61 г. по конецъ 62 г., такъ какъ въ это время былъ мировымъ посредникомъ въ Самарской губерніи: вернулся онъ въ Петербургъ. должно быть. въ самомъ концѣ 62 г. и нѣкоторое время управлялъ книжнымъ магазиномъ Н. С.-Соловьевича, гдѣ конторщицей была Анна Н. Энгельгардъ. а въ библіотекѣ. что состояла при магазинѣ, одно время, еще при Н. А. С.-Соловьевичѣ, занималась г-жа Толмачева изъ Вятки. Изъ-за нея въ началѣ 61 г. М. И. Михайловъ публиковалъ свой горячій протестъ: „Безобразный поступокъ газеты „Вѣкъ". направленный главнымъ образомъ противъ Камня-Виногорова (П. И. Вейнбергъ). А. А. Рихтеръ, несомнѣнно. былъ въ курсѣ „Земли и Воли", я самъ передавалъ ему прокламаціи. какъ человѣку изъ нашихъ.

Если не считать молодежи, ни отъ кого намъ не приходилось выслушать даже и намека: — а нельзя-ли, молъ, такъ или иначе пріобщиться къ вашему дѣлу. Только П. Л. Лавровъ разъ крайне удивилъ меня; это было, какъ припоминаю, въ началѣ осени 62 г. — Странно, говорилъ онъ, еще недавно казалось, что въ обществѣ начинало что-то выдѣляться въ видѣ какъ бы организованной группы съ активными задатками, и вдругъ все стушевалось, не видно никакихъ проявленій. — Я молчалъ (сколько припоминаю, въ это самое время приготовлялся № 1 «Земли и Воли»), а Петръ Лавровичъ продолжалъ: —Былъ день, который могъ быть чреватъ послѣдствіями, но онъ пропущенъ; я разумѣю несостоявшуюся сходку (студенческую) у Казанскаго собора (въ октябрѣ 61 г.); я тогда долго оставался вблизи Казанскаго собора; все было переполнено публикой, особенно много было офицеровъ; и видно было' что собрались не ради празднаго любопытства.

Я передалъ этотъ разговоръ въ ближайшемъ засѣданіи комитета. И мы долго обсуждали, какъ понять слова Пет. Лав.; наконецъ, рѣшили, что въ нихъ ничего другого нельзя видѣть, кромѣ интереснаго сужденія, высказаннаго безъ всякой задней практической мысли. Особенно рѣзко выступилъ противъ Пет. Лав. г-нъ à la Вирховъ.—Чего можно ждать отъ метафизика, говорилъ онъ, намъ надо держаться подальше отъ такихъ людей. — Съ Лавровымъ чаще меня видался Утинъ, но и у него, помнится, разговоры не переходили извѣстной грани.

Еще въ самомъ началѣ моего очерка я замѣтилъ, что аресты и высылки дѣйствовали на молодежь крайне возбуждающимъ образомъ; нельзя того же сказать объ обществѣ. Правда, имя М. И. Михайлова, перваго высланнаго въ Сибирь на каторгу, облетѣло всю Россію и вездѣ вызвало живѣйшее сочувствіе къ его участи (этому, конечно, не мало способствовала и его литературная дѣятельность, особенно статьи по женскому вопросу, первыя у насъ по времени *); въ Петербургѣ, внѣ литературныхъ круговъ, очень многіе лично знали Н. А. С.-Соловьевича и, несмотря на горячность его темперамента, любили и высоко уважали его за благородство характера и прогрессивный образъ мыслей; если сказать, что арестъ Чернышевскаго на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе, то это значитъ выразиться слишкомъ слабо; съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ малѣйшимъ извѣстіямъ о ходѣ его процесса и крайне скептически встрѣтили приговоръ сената. Но чѣмъ больше разростался списокъ жертвъ, тѣмъ меньше сталъ онъ возбуждать интереса въ широкой публикѣ; напримѣръ, о Писаревѣ, Шелгуновѣ

---

*) Какъ извѣстно, Прудонъ въ его „De la Justice" (1858 г.) высказалъ относительно женщинъ крайне ретроградные взгляды. Въ 59 г. Михайловъ былъ въ Парижѣ и жилъ въ Hôtel Molière, гдѣ у хозяевъ отеля собирался кружокъ горячихъ приверженцевъ равноправности женщинъ. Подъ вліяніемъ происходившихъ разговоровъ у Михайлова и явилась мысль написать статью о женскомъ вопросѣ. Хотя Чернышевскій и помѣстилъ ее въ „Современникѣ", но особеннаго значенія не придавалъ, потому что не считалъ „женскій вопросъ" первымъ.

никогда не приходилось слышать въ обществѣ какіе-нибудь разговоры. Это въ свое время предвидѣлъ Ник. Гавр., котораго глубоко поразилъ арестъ одного изъ сотрудниковъ «Современника» В. О — ва. Н. Г. видимо очень любилъ его и часто вспоминалъ о немъ, между тѣмъ какъ о Михайловѣ, по крайней мѣрѣ съ нами, никогда самъ не заводилъ разговора. Дѣло В. О — ва, возникшее очень скоро послѣ ареста Михайлова (хотя совершенно самостоятельно), даже въ Петербургѣ, внѣ литературныхъ круговъ, прошло почти незамѣтно.— Да, говорилъ разъ Ник. Гавр. кажется, мѣтя на это обстоятельство,— весь міръ знаетъ, что Виндишгрецъ разстрѣлялъ въ Вѣнѣ Роберта Блюма, а что онъ перестрѣлялъ еще не одинъ десятокъ людей, изъ которыхъ многіе были повыше Р. Блюма, такъ ихъ имена даже не во всякой исторіи того времени встрѣтишь.

Зналъ ли Чернышевскій о томъ, что предпринялъ Михайловъ за границей (т. е. что отпечаталъ тамъ прокламацію «Къ молодому поколѣнію») *), въ этомъ я не освѣдомленъ; но что по пріѣздѣ въ Петербургъ Михайловъ тотчасъ же во все посвятилъ Чернышевскаго, на это у меня есть данныя. Напримѣръ, разъ въ присутствіи Михайлова приходитъ къ Чернышевскому одинъ изъ сотрудниковъ «Современ-

---

*) Текстъ „Къ молодому поколѣнію“ написанъ Н. В. Шелгуновымъ; Михайловъ же отпечаталъ ее (600 экз.) въ Лондонѣ и провезъ въ Россію, заклеенною въ дно чемодана. Эта операція была произведена въ Парижѣ въ Hôtel Molière Н. В. Шелгуновымъ.

ника», при томъ пользовавшійся довѣріемъ Ник. Гавр. Пришедшій, между прочимъ, высказалъ мысль, что слѣдуетъ печатать за границей и затѣмъ ввозить въ Россію. Когда Михайловъ ушелъ, Чернышевскій и сказалъ:—Да, вѣдь, вы попали не въ бровь, а прямо въ глазъ: Михайловъ именно это и сдѣлалъ.

При свиданіи съ Чернышевскимъ въ Астрахани весной 1889 г., между прочимъ, зашелъ у насъ разговоръ о дѣлахъ, давно минувшихъ, вѣрнѣе сказать, я лишь слушалъ, только иногда наводя тему.

Къ слову я разсказалъ ему о выходѣ въ отставку господина съ пенсне.—Да, нѣсколько подумавши, замѣтилъ Чернышевскій, Александръ С.-Соловьевичъ разъ говорилъ мнѣ:—Что братъ Николай и К° дѣлаютъ глупости, я этому не удивляюсь, но какъ вы, Ник. Гавр., имъ этого прямо въ глаза не выскажете—вотъ чего я не могу понять.

Какую роль игралъ А. С.-Соловьевичъ за время 61—62 гг., я не знаю; помню только, что его иногда противупоставляли черезчуръ экспансивному брату Николаю; мнѣ также не извѣстно, что побудило его лѣтомъ 62 г. бѣжать за границу, гдѣ онъ въ 69 г. покончилъ съ собой самоубійствомъ отъ невыносимыхъ физическихъ и душевныхъ страданій.

Не могу не напомнить, что, согласно циркулировавшему въ свое время разсказу, Ник. Гавр. первый подалъ примѣръ своеобразнаго протеста—добровольной голодовки въ тюрьмѣ. Ему

долго отказывали въ разрѣшеніи свиданія съ женой; наконецъ, въ одинъ прекрасный день объявили, что тогда-то онъ будетъ имѣть свиданіе. Наступилъ назначенный терминъ, но почему-то свиданіе было отмѣнено. Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней начальство замѣтило, что вся пища, доставляемая Н. Г., остается нетронутой.

И вотъ ему говорятъ: — Сегодня вы будете имѣть свиданіе; — и вмѣстѣ съ тѣмъ подаютъ обѣдъ.

— Послѣ свиданія, а теперь можете убрать, отвѣчалъ Н. Г., указывая на обѣдъ. — Свиданіе на этотъ разъ состоялось, и Н. Г. прекратилъ голодовку.

За время моего касательства къ «Землѣ и Волѣ», у нея никакихъ прямыхъ связей съ Герценомъ не было *), но слѣдуетъ замѣтить, что еще нѣсколько ранѣе отношеніе передовой интеллигенціи къ Герцену стало довольно неопредѣленнымъ. Такъ, уже въ 61 г. въ кружкѣ, группировавшемся около «Современника», раздавались жалобы на Герцена, что онъ замкнулся въ своемъ «Колоколѣ», не выходитъ изъ чисто обличительнаго направленія и не хочетъ выступить на болѣе активный путь, что отъ него едва можно было добиться отпечатанія отдѣльной брошюрой «Что нужно русскому народу». Послѣднее,

*) Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду петербургскій комитетъ; у русскихъ офицеровъ, находившихся въ Польшѣ, завязались нѣкоторыя сношенія съ Герценомъ; принадлежность этихъ офицеровъ къ „Землѣ и Волѣ“ была однако чисто номинальная.

какъ припоминаю, разсказывалъ мнѣ въ тѣ времена А. Н. Пыпинъ. Правда, Герценъ привѣтствовалъ студенческое движеніе очень сочувственной статьей («Исполинъ просыпается»), рѣзко заявилъ свои симпатіи къ полякамъ, но всего этого было уже мало, чтобы сохранить прежнюю вліятельную роль. Въ дѣлѣ Чернышевскаго есть фраза изъ чьего-то письма, у него найденнаго.—«Чернышевскій проситъ передать Герцену, чтобы онъ не подстрекалъ молодежь»,—фраза совсѣмъ непонятная, такъ какъ нельзя привести сколько-нибудь достовѣрные факты, свидѣтельствующіе, что Герценъ не прочь былъ толкнуть молодежь на агитаціонную работу. На молодежь, конечно, могли вліять общія идеи Герцена; но, вѣдь, послѣ крушенія всѣхъ надеждъ, связанныхъ съ 48 годомъ, у Герцена, при всемъ благоговѣйномъ отношеніи къ сраженнымъ борцамъ, довольно ясно стало сказываться скептическое отношеніе къ старымъ пріемамъ дѣйствій.

Вотъ почему Герценъ не одобрилъ прокламацію «Къ молодому поколѣнію» и въ предпріятіи Михайлова никакого участія не принималъ.

Какъ смотрѣли на насъ люди съ либеральными взглядами, но совершенно далекіе отъ какихъ нибудь активныхъ проявленій оппозиціи? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ приходится основываться исключительно на воспоминаніяхъ, относящихся къ личнымъ знакомствамъ, не особенно, конечно, обширнымъ. Припоминаю, напр., П. Н. Латкина, золотопромыш-

ленника изъ среднихъ, онъ жилъ въ Петербургѣ. П. Ник. былъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, въ 48 г. бывалъ на вечерахъ Петрашевскаго; въ началѣ 60 годовъ у него по четвергамъ собиралось много передовой молодежи. Дашь ему, бывало, прокламацію; прочитаетъ онъ ее, погладитъ свою бороду нѣсколько разъ, да и проговоритъ:—Охъ, молодой народъ, молодой народъ, не миновать вамъ сибирки.—Или:—какъ-то вы станете пѣть, какъ потолкаетесь, да потретесь въ жизни.

Если не такія точно, то одинаковыя имъ по смыслу слова приходилось частенько выслушивать; враждебно къ намъ не относились, а скорѣе, несмотря на нашу молодость, съ интересомъ *) и благожелательно. Разъ къ Пребстингу

---

*) Стоило мнѣ лѣтомъ 62 г. случайно встрѣтиться въ Вологдѣ съ Н. М. Орловымъ (сынъ декабриста, тогда числился полковникомъ по арміи), какъ онъ пригласилъ меня бывать у него въ Петербургѣ, гдѣ онъ тогда постоянно жилъ. Я изрѣдка и бывалъ у него, даже обѣдалъ; Н. М. Орловъ охотно сообщалъ мнѣ разныя новости изъ высшихъ правительственныхъ сферъ, отъ него я получилъ проектъ земскихъ учрежденій. А, надо сказать, Н. М. Орловъ, если и былъ либералъ, то до крайности умѣреннаго оттѣнка, онъ скорѣе примыкалъ къ фракціи Платонова (царскосельскаго предводителя дворянства). Въ 63 г. было открыто петерб. губ. дворянское собраніе; въ числѣ предметовъ, подлежавшихъ обсужденію, былъ и проектъ земскихъ учрежденій. Но на предшествующемъ собраніи Платоновъ заявилъ, что въ будущемъ собраніи онъ внесетъ предложеніе о созваніи земскаго собора. Хотя составъ петерб. двор. собранія и не могъ внушать правительству большихъ опасеній, несмотря на то, что губерн. предводителемъ былъ кн. Щербатовъ (бывшій попечитель Спб. округа), все же оно нашло нужнымъ принять мѣры къ устраненію, безъ большого шума, предложенія Платонова: было указано на несвоевременность его въ виду политиче-

(тогда былъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, умеръ сенаторомъ) обратился будущій мой тесть съ очень серьезнымъ вопросомъ обо мнѣ; Пребстингъ далъ самый лучшій отзывъ, хотя и прибавилъ:—только у него всегда всѣ карманы набиты прокламаціями. — Тотъ же тесть, В. Н. Латкинъ, по поводу одного некрасиваго дѣла, въ которомъ попались молодые горные инженеры, приставленные на монетномъ дворѣ къ передѣлкѣ золота, выразился такъ:—Не только погубили свою карьеру, но не могутъ имѣть и того нравственнаго удовлетворенія, что пострадали за идею, за честныя намѣренія. — Въ разгаръ моей конспиративной дѣятельности давалъ я уроки у одной вдовы генеральши; она была умная женщина, начитанная и охотно пускалась въ обсужденіе текущихъ общественныхъ событій; конечно, исходя изъ разныхъ отправныхъ точекъ, мы рѣдко соглашались въ заключеніяхъ. Разъ въ какомъ-то спорѣ, она и говоритъ:—Я не красная, но, по совѣсти, ничего не могу имѣть противъ красныхъ, вѣдь они работаютъ для насъ, расчищаютъ намъ дорогу, умѣреннымъ либераламъ.— Вѣроятно, такъ думала не одна Марія Григорьевна, трое сыновей которой сдѣлали очень видную карьеру.

скихъ обстоятельствъ (разгаръ дипломатической кампаніи въ пользу поляковъ), а затѣмъ дворянству напомнили, что за нимъ состоитъ долгъ въ нѣсколько сотъ тысячъ (еще отъ времени постройки дома собранія). И состоялся компромиссъ — правительство поставило крестъ долгу, а Платонова уговорили не вносить своего заявленія. Это мнѣ также разсказывалъ Орловъ.

Если М. Г. питала нѣсколько преувеличенныя надежды, то это не удивительно,— въ извѣстныхъ кругахъ, съ которыми она соприкасалась по своему положенію, проявлялись, наоборотъ, даже чрезмѣрные страхи за будущее. Характерный разсказъ въ этомъ отношеніи можно встрѣтить у В. И. Модестова («Воспоминанія о В. Г. Васильевскомъ», журналъ М. Н. Просв. 1902 г. № 1) о разговорѣ съ академикомъ Билярскимъ. А вотъ не менѣе интересный случай, документально мнѣ извѣстный. Арестованный въ началѣ лѣта 62 г. студ. Баллодъ не зналъ, что его товарищъ Н. И. Жуковскій (нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершій эмигрантъ) бѣжалъ за границу; между тѣмъ по разнымъ обстоятельствамъ для Баллода было крайне важно это знать. Разъ вызываютъ его въ слѣдственную коммиссію; тамъ оказался только одинъ членъ — Ждановъ, (впослѣдствіи сенаторъ). — Вы, пожалуй, меня не узнаете, началъ Ждановъ, ранѣе вы всегда меня видѣли при лентѣ и орденахъ,—поговоримъ запросто о вашемъ дѣлѣ, оно очень серьезно, но я постараюсь помочь вамъ.—И съ этими словами Ждановъ вынулъ изъ кармана № «Колокола», гдѣ самъ Жуковскій сообщалъ о своемъ побѣгѣ за границу. — Но вы меня не забудьте, сказалъ Ждановъ, — когда ваша партія восторжествуетъ; вѣдь я уже старъ и опасенъ для васъ быть не могу.

Мнѣ часто приходилось встрѣчать нѣкоторыхъ изъ бывшихъ членовъ «Земли и Воли», которымъ выпала судьба отбыть болѣе или менѣе

продолжительные сроки въ Сибири. Конечно, это были уже не тѣ горячіе юноши, какими я зналъ ихъ въ началѣ 60-хъ годовъ; но никто изъ нихъ не открещивался отъ своихъ прошлыхъ увлеченій, не говорилъ, какъ Судакевичъ, что все это давно прошло и незачѣмъ вспоминать; всѣ они, наоборотъ, свидѣтельствовали, что духовно считаютъ себя связанными съ 60-ми годами. А нѣкоторымъ ихъ увлеченія обошлись очень и очень дорого. Вспоминается, напр., Ш—чъ; ему было около 22 лѣтъ, когда онъ попалъ въ Сибирь; сначала благодаря его дѣловитости, ему жилось недурно; но потомъ, по милости одной дрянной мѣстной интриги, былъ переведенъ въ Нарымъ, крайне захолустный городъ на сѣверѣ Западной Сибири; и тамъ съ семьей, безъ всякихъ средствъ (тогда не назначали политическимъ ссыльнымъ никакого пособія отъ казны) прожилъ нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ. Съ Сибирью онъ сжился настолько, что и теперь въ ней остается. Замѣчательныя дѣловыя способности, тактъ и нравственная безупречность вездѣ его выдвигали и внушали къ нему уваженіе. То же самое долженъ сказать о С—чѣ *); впрочемъ, если бы вздумалъ дѣлать исключенія, то затруднился бы въ выборѣ.

Да, и не всѣ уцѣлѣвшіе, окунувшись въ реальную жизнь, утопили въ ней безъ остатка

*) Я не знаю въ точности, принадлежалъ ли С—чъ къ „Землѣ и Волѣ“, такъ какъ онъ былъ арестованъ очень рано; конфирмованъ 30 декабря 1863 г. на 6 лѣтъ въ каторжныя работы за „злоумышленное распространеніе возмутительнаго воззванія“. Теперь онъ живетъ въ Россіи.

свои юношескія мечты. Кто съ полнымъ уваженіемъ, у многихъ доходящимъ до благоговѣнія, не вспоминаетъ А. Я Герда, не только какъ выдающагося педагога, но и какъ человѣка нравственно стойкаго, всегда и во всѣхъ старавшагося поддержать вѣру въ идеалъ?

Или недавно опущенный въ землю Н. Ѳ. Буняковъ (онъ мною въ Вологдѣ лѣтомъ 62 г. былъ пріобщенъ къ «Землѣ и Волѣ»), слишкомъ сорокалѣтняя культурно-просвѣтительная дѣятельность котораго у всѣхъ еще въ живой и близкой памяти.

И такихъ людей, въ свое время принадлежавшихъ къ «Землѣ и Волѣ», я могъ бы указать не мало; будущій историкъ нашей общественности добросовѣстно признаетъ за нѣкоторыми изъ нихъ несомнѣнныя заслуги.

Въ заключеніе не могу не коснуться вопроса,—въ какой степени русскія женщины принимали участіе въ «Землѣ и Волѣ»? Онѣ и въ то далекое время не относились безучастно къ ходу нашей общественной жизни; въ моей памяти сохранилось до десятка фамилій лично знакомыхъ мнѣ женщинъ (конечно, изъ числа жившихъ въ Петербургѣ), которыя стояли близко къ «Землѣ и Волѣ», по меньшей мѣрѣ такъ или иначе соприкасались съ тогдашнимъ политическимъ движеніемъ. Не берусь утверждать, что покойная М. М. Манасеина непосредственно принадлежала къ «Землѣ и Волѣ», но она была въ очень близкихъ отношеніяхъ съ многими изъ

политически настроенной молодежи, даже изъ кружка Зайчневскаго и Аргиропуло; да, вѣдь, и замужемъ она была (въ первомъ бракѣ) за высланнымъ студентомъ Понятовскимъ; скоро овдовѣвъ, она вышла замужъ за В. А. Манасеина, студенческіе годы котораго прошли тоже не совсѣмъ благополучно.

Нѣкоторыя изъ знакомыхъ мнѣ женщинъ поплатились арестомъ; одна была выслана въ Сибирь, другая въ провинцію, третья въ теченіе чуть ли не тридцати лѣтъ не могла найти себѣ покойнаго пристанища и возможности безъ помѣхъ трудиться на томъ поприщѣ, которое для нея было всѣмъ,—на поприщѣ педагогическомъ.

Бабушками стали мои пріятельницы отъ времени 60 годовъ, но какъ тепло становится при всякой встрѣчѣ со многими изъ нихъ. За сорокъ лѣтъ (легко сказать!) наша общественная жизнь шла тяжелымъ и тернистымъ путемъ; къ тому же многимъ изъ моихъ пріятельницъ пришлось вынести еще крайне горестные личные удары и утраты, но ихъ поддержала вѣра въ идеалы молодости. Серебристые волосы покрываютъ ихъ головы, а сердце все такъ же сочувственно отзывается на новые запросы жизни, на неустанныя стремленія выступающихъ поколѣній внести въ нашу жизнь побольше свѣта правды и свѣта истины.

Вслѣдствіе показанія В. Ко—скаго, 11 декабря 64 г. я былъ арестованъ и препровожденъ въ Вильно; но объ этомъ когда-нибудь до другого раза.

СОДЕРЖАНІЕ.

	а.	Въ Залѣ Училища Св. Петра.	
	$3\frac{1}{2}$	$9\frac{1}{2}$—$10\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{2}$—$3\frac{1}{2}$
ПОНЕДѢЛЬНИ	**ь.** и учре- ія.	—	**Менделѣевъ.** Теоретическую химію.
ВТОРНИКЪ.	**ѳвъ.** гію ра- й.	**Штейнманъ.** Сравнительную этимологію греческаго языка.	**Благовѣщенскій.** Сатиры Персія.
СРЕДА.	**инъ.** ку.	**Пузыревскій.** Геогнозію.	—
ЧЕТВЕРГЪ.	**инъ.** ку.	**Штейнманъ.** Софокловы трагедіи.	—
ПЯТНИЦА.	**ѣевъ.** ческую ю.		**Горловъ.** Политическая экономія въ приложеніи къ статистикѣ.
СУББОТА.	**вскій.** филосо- рава.	**Пузыревскій.** Геогнозію.	**Благовѣщенскій** Сатиры Персія.

гантъ *Паткуль.*

Распредѣленіе публичныхъ лекцій.

	[illegible]		[illegible]		[illegible]		[illegible]	
[illegible]	Сѣченовъ	Соколовъ		Кавелинъ	Андреевскій	Утинъ	—	Менделѣевъ
[illegible]	Фаминцынъ		[illegible]	Костомаровъ		Бекетовъ	Штейнманъ	Благовѣщенскій
[illegible]		[illegible]	[illegible]	[illegible]	Павловъ	Гадолинъ	Петрушевскій	
[illegible]	Фаминцынъ	[illegible]	[illegible]	[illegible]		Гадолинъ	Штейнманъ	
[illegible]		[illegible]	[illegible]	[illegible]	Бекетовъ	Менделѣевъ		Горловъ
[illegible]		[illegible]	[illegible]	[illegible]		Андреевскій	Петрушевскій	Благовѣщенскій

Фриманъ, Э. Сравнительная политика и единство исторіи. Ц. 2 р. 50 к.
Исторія и теорія статистики. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ дополн. проф. Янсона. Ц. 2 р.
Дарестъ, Р. Изслѣдованія по исторіи права. Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.
Зайцевъ, В. Древняя исторія Востока. Ц. 2 р. **Его-же.** Древняя исторія Запада. Т. I. Эллинская эпоха. Ц. 4 р.
Джеббъ, Р. Гомеръ. (Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Ц. 1 р. 50 к.
Платонъ. Апологія Сократа, Критонъ. Ц. 50 к.
Модестовъ, В. Лекціи по исторіи римской литературы. Ц. 5 р.
Тацитъ, К. Сочиненія: Т. I. Агрикола. Германія. Исторіи. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Лѣтописи. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к. Пер. В. И. Модестова.
Апулей. Золотой оселъ. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к., вел. 2 р. 50 к.
Мюллеръ, А. Исторія Ислама съ основ. до новѣйшихъ временъ. Ц. 10 р.
Куглеръ, Б. Исторія крестовыхъ походовъ. Съ рис. и картами. Ц. 3 р.
Додю, Г. Исторія монархическихъ учрежденій въ Латино-Іерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291). Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.
Сорель, А. Европа и французская революція. Цѣна за I и II тт. 6 р., за III и IV тт. 5 р. 50 к.
Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Ц. 3 р., велен. 5 р.
Монтескье. Персидскія письма. Ц. 2 р. 50 к.
Лесажъ. Исторія Жиль Блаза де Сантильяна. Ц. 2 р. 50 к.
Бобржинскій, М. Очеркъ исторіи Польши. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к.
Ждановъ, Ив. Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. Ц. 5 р.
Бѣловъ, Е. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Ц. 3 р.
Майковъ, Л. Н. Пушкинъ. Ц. 1 р. 50 к., веленев. 2 р. 50 к., **Его-же.** Историко-литературные очерки. Ц. 2 р.
Мануиловъ, А. Аренда земли въ Ирландіи. Ц. 2 р. 50 к.
Куторга, М. С. Собраніе сочиненій. 2 тт. Ц. 9 р.
Минаевъ, И. П. Очерки Цейлона и Индіи. 2 чч. Ц. 2 р. 50 к.
Сѣрошевскій, В. На краю лѣсовъ. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 25 к.
Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ц. 1 р. 50 к.
Мерцаловъ, А. Е. Вологодская старина. Ц. 1 р.
Шереръ, В. Исторія нѣмецкой литературы. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к., отдѣльно по 3 р. за томъ.
Кенетъ Грээмъ. Золотой возрастъ. Ц. 75 к. **Его-же.** Дни грезъ. Ц. 75 к.
Вотье. Мѣстное управленіе въ Англіи. Пер. съ фр. В. Водовозова. Ц. 2 р.
Фонъ-Шаккъ, А. Ф. Исторія норманновъ въ Сициліи. Ц. 2 р. 50 к.
Лазарилло изъ Тормезъ Пер. съ испанск. Ц. 75 к.
Могра. Послѣдніе дни одного общества. Пер. съ фр. Ц. 3 р.
Спенсеръ, Г. Основныя начала. Пер. съ англ. Ц. 2 р.
Штраусъ, Давидъ. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Ц. 3 р.
Поль Луи Курье. Сочиненія. Политическіе памфлеты. Ц. 2 р.
Нидерле. Люди въ доисторическую эпоху. Ц. 5 р.
Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Пер. П. И. Вейнберга. Ц. 75 к.
Сеайль. Леонардо да-Винчи. Пер. съ франц. Ц. 2 р.
Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. 3 тт. Ц. 8 р.
Ларра. Общественные очерки Испаніи. Пер. М. В. Ватсонъ. Ц. 2 р. 50 к.
Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

Недавно вышедшія изданія Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА.

Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Пер. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ соціальнаго положенія. Ц. 1 р. 25 к.
Паскаль. Письма о морали и политикѣ іезуитовъ. (Les Provinciales). Ц. 2 р.
Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 р.
Его же. Запутавшійся философъ. Разборъ мнѣній Г. Спенсера по земельному вопросу въ связи съ его синтетической философіей. Ц. 1 р. 50 к
Риголажъ. Соціологія Конта. Ц. 2 р. 50 к.
Бельшовскій. Жизнь Гете. Пер. п. ред. П. И. Вейнберга. Т. I. Ц. 2 р. 50 к
П. Л. Болье. Новыя англо-саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка (нѣсколько главъ посвящено Трансваалю). Ц. 2 р
Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка и квакеры Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к.
Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи. Изд. 2-ое. Ц. 6 р.
Лихтенбергъ. Афоризмы. Пер. съ нѣм. Н. М. Соколова. Ц. 1 р. 50 к.
Дриль, Д. Ссылка во Франціи и Россіи. Ц. 1 р.
Ланге, Ф. А. Исторія матеріализма. 2-ое изд. Ц. 1 р. 50 к.
Елпатьевскій, С. Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.
Бойезенъ, Гіальмаръ. „Фаустъ“ Гете. Комментарій къ поэмѣ. Ц. 1 р. 50 к
Бартъ, Пауль. Философія исторіи какъ соціологія. Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.
Кохъ, М. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.
Грегоровіусъ. Ф. Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка. 2 тт. Ц. 3 р. 50 к
Тома, Э. Римъ и Имперія въ первые два вѣка новой эры. Ц. 1 р. 50 к
Бецольдъ, Ф. Исторія реформаціи въ Германіи. 2 тт. Ц. 5 р. 50 к.
Гауратъ, А. Средневѣковые реформаторы. Пер. съ нѣм. подъ ред Э. Л. Радлова. Т. I. Абеляръ. Арнольдъ Брешіанскій. Ц. 2 р. 50 к Т. II. Арнольдисты. Вальденцы. Францискъ Ассизскій. Вѣчное Евангеліе. Сегарелли. Дольчино. Ц. 2 р.
Штернъ, Альфредъ. Исторія революціи въ Англіи. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р
Морганъ, Л. Г. Первобытное общество, съ пред. М. М. Ковалевскаго. Ц. 3 р
Монтескье. О Духѣ Законовъ, съ пред. М. М. Ковалевскаго. Ц. 4 р.
Прокоповичъ, С. Н. Къ критикѣ Маркса. Ц. 1 р. 50 к.
Генри де Уокеръ. Развитіе австралійской демократіи. Ц. 1 р. 80 к.
Мижуевъ, П. Г. Великій расколъ англо-саксонской расы. Американская революція. Ц. 1 р. 25 к.
Бутру, Эмиль. Паскаль, пер. съ франц. Ц. 80 к.
Старке, К. Н. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. Ц. 1 р. 60 к
Рибо. Опытъ изслѣдованія творческаго воображенія. Пер. съ фр. Ц. 80 к
Рескинъ, Джонъ. Прогулки по Флоренціи. Пер. А. Герцыкъ. Ц. 60 к.
Филипповичъ, Евг. Основанія политическ. экономіи. Пер. съ нѣм. Ц. 3 р
Дауденъ, Эд. Исторія французской литературы. Ц. 1 р. 50 к.
Игнатовичъ, И. И. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Ц. 1 р
Вундтъ. Система философіи. Ц. 3 р.
Мякотинъ, В. А. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Ц. 2 р
Лаппаранъ, А. Общедоступная геологія. Съ 157 рис. Ц. 1 р. 20 к.
Монье, Ф. Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Ц. 4 р.
Дюмоларъ, Генрихъ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Ц. 1 р. 50 к.
Комбъ, А. Дѣтская нервозность, пер. со 2-го фр. изд. Ц. 50 к.
Буличъ, С. К. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, т. I, съ приложеніемъ „Введенія въ изученіе языка“ Дельбрюка. Ц. 6 р.

Пантелѣевъ, Л. Ф. Изъ раннихъ воспоминаній. Ц. 80 к.

Складъ всѣхъ изданій Л. Ф. Пантелѣева въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.

J. 71

bp

bp

DK
219
.6
P3A3
kn.1

Panteleev, Longin Fedorovich
Iz vospominanii proshlago

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

